

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 4 / 2021

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЕВРЮГИНА Ольга Александровна	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Associate Processor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University “MITSO”
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of social security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Olga A. SEVRYUGINA	Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Соколова А. А. <i>Человек и машина: правовые аспекты взаимодействия</i>	5
Махмутова Л. Р. <i>Ответственность лиц за преступления, совершенные искусственным интеллектом</i>	10

РАКУРС

Маслакова-Клауберг Н. И. <i>Дипломатия Большой тройки и вопросы послевоенного мироустройства</i>	14
Ладыга А. И. <i>Значение органов государственной безопасности в организации и оперативном обеспечении партизанского и подпольного движения на оккупированной территории УССР в первый период Великой Отечественной войны</i>	26
Николаев С. В. <i>Принятие управленческих решений в условиях неопределенности на когнитивно-исторической модели Второй мировой войны</i>	36

РОССИЯ

Гоголева Т. Ю. <i>Судебная доктрина в правовой системе средневековой Руси</i>	47
Зайцева Л. А. <i>Эволюция правового регулирования брачно-семейных отношений в России (первая четверть XVIII в.)</i>	51
Гусейнов Н. Ш. <i>Косвенный иск в российском арбитражном процессе</i>	56

МИР

Берзина А. А. <i>Социальное законодательство и антикризисная экономическая политика Ф. Рузвельта</i>	64
Жанузакова Л. Т. <i>Уполномоченный по правам человека как государственный институт защиты прав человека в Республике Казахстан</i>	68

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Румянцева В. Г. <i>К вопросу о творческой силе юриспруденции</i>	73
Москалевич Г. Н. <i>Понятие юридической техники: историко-правовой аспект</i>	77
Глотова Е. Л., Байгарина А. Е., Данилова Н. В. <i>К вопросу о преподавании историко-правовых дисциплин в системе высшего юридического образования</i>	83
Яхновец С. А. <i>Юридическая аксиология судейского усмотрения в уголовно-правовой сфере</i>	88

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соколова Н. А., Теймуров Э. С. <i>Аналитическая справка о результатах реализации научного проекта № 18-29-15045 «Модели научного и научно-технического сотрудничества: особенности и перспективы международно-правового регулирования» (на англ. яз.)</i>	93
--	----

CONTENTS

TRENDS

Sokolova A. A. <i>The Man & Machine: Legal Aspects of Interaction</i>	5
Makhmutova L. R. <i>Responsibility for Crimes Committed by Artificial Intelligence</i>	10

FOCUS

Maslakova-Klauberg N. I. <i>The Big Three Diplomacy and the Post-War World Order Issues</i>	14
Ladyga A. I. <i>The State Security Agencies Significance in the Organization of and Operational Support for the Guerrilla and Underground Movements in the Occupied Territory of the Ukrainian SSR during the First Period of the Great Patriotic War</i>	26
Nikolaev S. V. <i>Administrative Decision-Making in Conditions of Uncertainty Based on the Cognitive-Historical Model of the Second World War</i>	36

RUSSIA

Gogoleva T. Yu. <i>The Judicial Doctrine in the Legal System of Medieval Russia</i>	47
Zaitseva L. A. <i>Evolution of the Marriage and Family Relations Regulation in Russia (the First Quarter of the 18th century)</i>	51
Huseynov N. Sh. <i>An Indirect Claim in the Russian Arbitration Procedure</i>	56

THE WORLD

Berzina A. A. <i>Franklin Rusvelt's Social Legislation and Anti-Crisis Economic Policy</i>	64
Zhanuzakova L. T. <i>The Commissioner for Human Rights as a State Institution for the Human Rights Protection in the Republic of Kazakhstan</i>	68

POINT OF VIEW

Rumyantseva V. G. <i>The Issue of the Creative Power of Jurisprudence</i>	73
Moskalevich G. N. <i>The Concept of Legal Technique: A Historical and Legal Aspect</i>	77
Glotova E. L., Baigarina A. E., Danilova N. V. <i>The Issue of Teaching Historical and Legal Disciplines in the System of Tertiary Legal Education</i>	83
Yakhnovets S. A. <i>Legal Axiology of Judicial Discretion in a Criminal Law Field</i>	88

APPENDIX

Sokolova N. A., Teymurov E. S. <i>Analytical Note Concerning the Results of Implementation of Scientific Project No 18-29-15045 "Models of Scientific and Scientific and Technical Cooperation: Features and Prospects of the International Legal Regulation"</i>	93
--	----

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Соколова Алла Анатольевна, доцент кафедры экономики и права Белорусского национального технического университета, член Международной ассоциации по законодательству (IAL), кандидат юридических наук, почетный профессор Европейского гуманитарного университета, доцент
220072, Белоруссия, г. Минск, пр. Независимости, д. 65
alla.sokolova@ehu.lt

© Соколова А. А., 2021

Аннотация. В статье представлен ряд дискуссионных вопросов, актуальных и значимых для жизни современного общества, в том числе проблемы обустройства юридического мира во взаимодействии с миром современных технологий. Автор ставит перед собой цель — представить свое видение образа права будущего, модернизированный процесс правового регулирования новых технико-правовых отношений, сопряженных с новациями технологического процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект; техно-социо-экономико-экологическое общество; междисциплинарная модель познания; правовое регулирование; технико-правовые отношения; технико-правовая экспертиза; теоретическая реконструкция правовых понятий и категорий; правовое взаимодействие; принципы права; этические ценности.

THE MAN & MACHINE: LEGAL ASPECTS OF INTERACTION

Alla A. Sokolova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Economics and Law, Belarusian National Technical University; Member of the International Association for Legislation (IAL); Honorary Professor of the European Humanities University
pr. Nezavisimosti, d. 65, Minsk, Belarus, 220072
alla.sokolova@ehu.lt

Abstract. The article presents a number of controversial issues that are relevant and significant for the life of the modern society, including the problems of arranging the legal world in interaction with the world of modern technologies. The author pursues a goal to present his vision of the image of the law of the future, a modernized process of legal regulation of new technical and legal relations involved with the innovations of the technological process.

Keywords: artificial intelligence, techno-socio-economic-ecological society, interdisciplinary model of cognition, legal regulation, technical and legal relations, technical and legal expertise, theoretical reconstruction of legal concepts and categories, legal interaction, principles of law, ethical values.

Внедрение современных технологий информатизации и искусственного интеллекта (ИИ) в жизнь общества изменяет не только человека, его бытие, но и облик всего общества. Человек и «машины» существуют в интегративном мире живой и неживой природы, взаимодействуя в новом формате отношений — технико-социальных, обоснованных интегрированностью технических норм и норм социальных (к примеру, отношение робота с человеком). Дирк Хелбинг, профессор социологии Швейцарского федерального технологического института (Цюрих), рассматривая общество и будущие технологические системы как социально интерактивные, призывает к поиску новых методов и инструментов для изучения «техно-социо-экономико-экологических» систем, с тем чтобы дать лицам, принимающим решения, более четкую, комплексную картину их видения, представить различные позиции по их проектированию и управлению «на устойчивой основе, чтобы свести к минимуму серьезные нестабильности, неконтролируемые системные изменения, конфликты, преступность и войны»¹. Современная научно-технологическая повестка требует системного многопрофильного исследования и формирования интегративного мировоззрения, синтезированного на основе взаимодействия, взаимопроникновения гуманитарных, социальных и технических наук. Информационные технологии и социальный мир предстают объектами исследования «пограничных» наук — гуманитарных и технических, конечная задача которого, на мой взгляд, формирование оптимального формата «диалога» между технологией и обществом. Сегодня очень важно разработать стратегию развития техно-социо-экономико-экологического общества, прояснив с позиций разных наук эффекты внедрения систем ИИ в жизнедеятельность современного человека.

Д. Хелбинг является одним из создателей междисциплинарного международного проекта FuturICT (www.futurict.eu), основное предназначение которого он видит в использовании большого количества информационных данных для расширения наших познаний о жизненном мире, управления сложными, глобальными, социально интерактивными системами, предвидения и предотвращения кризисов. Для выработки оптимальных глобальных правил, обязательных для всех стран, необходимо, как он полагает, создать информационную платформу, сканирующую и аккумулирующую информацию обо всех параметрах окружающей среды. Метаинформация и гуманистические ценности — основа для выбора правильного решения. Это — квинтэссенция одного из самых дорогостоящих европейских исследовательских проектов, сочетающих, на мой взгляд, элементы рационального разума и научной фантастики, но главное — ориентированного на поиск новых методологических подходов для исследования будущего нашей планеты. В данном ракурсе познавательная модель междисциплинарности нового порядка, сочетающая потенциал разного профиля наук, обозначает новый подход к познанию картины мира. Праву как регулятивному инструменту социальной жизни отводится решающая роль: предотвращать и разрешать конфликты, замирать (от слова «мир») социальную среду, нивелировать или минимизировать риски, порождаемые современными технологиями, осуществлять надлежащий и своевременный механизм правового регламентирования и контроля.

Итак, арсенал правовых инструментов применительно к продуктам информационных и ИИ технологий является основой для правового механизма безопасности человека, сохранения его автономности, прав и свобод, гарантиями которого должны выступать, на мой взгляд, традиционные для цивилизованного общества XXI в. принципы права и гуманистические, этические ценности. Правовой механизм безопасности человека сопряжен прежде всего с процессом правовой регламентации взаимодействия человек — «машина», отличительной особенностью которого

¹ Helbing D. The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future // The Section for Science of Complex Systems. URL: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/FuturICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

является разработка сценариев будущего прогнозируемого поведения, подчас не изученного и не мыслимого.

Попытка научного предвидения/прогнозирования будущего облика юридического мира в общем контексте социальной трансформации (юридический анализ будущего не стал пока общепринятой практикой в современной юридической науке) представлена в статье Норберто Нуно Гомеса де Андраде (научный сотрудник и эксперт по правовым вопросам в Группе информационного общества, Европейская комиссия, Объединенный исследовательский центр (JRC), Институт перспективных технологических исследований (IPITS), Севилья, Испания) под названием «Применение ориентированного на будущее технологического анализа (FTA) к праву: кейсы правовых исследований, подготовки законопроектов и правоприменения» (2012). Автор отмечает, что «ориентированные на будущее юридические исследования редки и, что еще хуже, те, которые существуют, испытывают недостаток в надлежащей методологии, неспособной охватить использование методов прогнозирования или инструментов предвидения для развития их исследований»². В статье предложен новый методологический подход к праву, ориентированный на применение технологического анализа в исследовании будущего в сфере права (Future-oriented Technology Analysis, FTA). «Технологический анализ, ориентированный на будущее» (FTA) — это термин, созданный для охвата различных инструментов и стратегий, с помощью которых возможно предвидеть и в некоторых случаях формировать технологическое будущее. В качестве всеобъемлющего термина FTA используется для анализа отношений между наукой и технологией, с одной стороны, и социальными потребностями — с другой, признавая таким образом совместную эволюцию науки, техники и общества. Применение конкретных методологических подходов FTA (таких как планирование сценариев, моделирование, компьютерная симуляция) возможно в трех сферах: в правовых исследованиях, законотворчестве и правоприменении. Поскольку законодатель реагирует на выявленные тенденции и социальные факты, которые уже произошли, и инертно, как правило, оценивает неявные социальные трансформации, использование методики FTA позволяет предвидеть/прогнозировать различные возможные варианты будущего правового регулирования. Закон, по мнению автора, должен быть упреждающим, ориентированным на будущее, творческим и преобразующим. Полагая, что будущее в конечном итоге непредсказуемо, тем не менее FTA позволяет создавать правовые модели, определяющие общий вектор направления развития общества³.

Взаимодействие человека и «машин» укладывается в формат технико-правовых отношений, нетрадиционных для методологии правового регулирования. Природа этих отношений, на мой взгляд, характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, коммуникацией всех акторов, участвующих в цифровом пространстве: программистов, инженеров, производителей продукта, операторов, собственников, пользователей робототехники и др. Какова роль каждого из них в модели технико-правового отношения, одной из сторон которого выступает машина: какова ее правосубъектность, кто несет юридическую ответственность в случае причинения вреда, иных негативных последствий? Ответы на эти вопросы требуют теоретической реконструкции, переосмысления устоявшихся правовых понятий и конструкций, создания новых правовых концепций (ряд исследователей успешно занимаются этими проблемами⁴).

² *Gomes de Andrade N. N.* The application of future-oriented technology analysis (FTA) to law: the cases of legal research, legislative drafting and law enforcement // *Foresight*. Vol. 14. No 4. P. 336–351.

³ *Gomes de Andrade N. N.* Op. cit.

⁴ См.: *Бахтеев Д. В.* Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. М. : Проспект, 2021. 176 с. ; *Зорькин В. Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // *Государство и право*. 2020. № 6. С. 7–19 ; *Исаев И. А.* Метаморфоза машины власти в Новое время // *История государства и права*. 2021. № 11. С. 3–9 ; *Минбалева А. В.* Проблемы регулирования искусственного интеллекта // *Вестник ЮУрГУ. Серия*

Во-вторых, особенностями правового регулирования, которое приобретает характер комбинированного. «Машина», являясь активным актором взаимодействия, «настроена на подчинение» прежде всего техническим нормам, стандартам, правилам, установленным ее создателями. «Создателями» могут выступать различные негосударственные организации — авторитетные международные организации, разрабатывающие стандарты поведения, этические принципы взаимодействия человека и робота; осуществляющие мониторинг по социальному воздействию систем ИИ, его положительного и негативного эффекта на социальную среду. Например, Институт инженеров электротехники и электроники — IEEE (англ., Institute of Electrical and Electronics Engineers) — международная некоммерческая ассоциация специалистов в области техники, разрабатывает обязательные для исполнения стандарты, в том числе этические правила для систем ИИ. Техничко-нормативная регламентация, как правило, опережает государственно-официальное регулирование.

В-третьих, взаимодействие человека и «машин» должно проходить в формате соблюдения этических, моральных, правовых ценностей как гарантий сохранения личной свободы и безопасности. Элементом модернизированной Концепции правового регулирования отношений, складывающихся в сфере техно-социо-экономико-экологического взаимодействия, должно стать, на мой взгляд, предварительное комплексное экспертное исследование по оценке прогнозируемых последствий использования ИИ-технологий (техничко-правовая экспертиза). Техничко-правовая экспертиза будет иметь решающее значение для запуска программы ИИ, ее последующего использования, должна содержать экологический, экономический, медицинский, этический и другие компоненты и выполнять контрольную/обеспечительную функцию.

К новациям информационного прогресса, развитию искусственного интеллекта следует относиться креативно: освобождение человека от физического монотонного труда, от рутинного мышления — неплохая идея. Мы должны готовиться к эпохе искусственного интеллекта: разумный научный оптимизм позволяет нам воспринимать его как современное достижение в юриспруденции, задающее новый вектор ее модернизации и придающее новый смысл юридической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. — М. : Проспект, 2021. — 176 с.
2. Зорькин В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. — 2020. — № 6. — С. 7–19.
3. Исаев И. А. Метаморфоза машины власти в Новое время // История государства и права. — 2021. — № 11. — С. 3–9.
4. Минбалева А. В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2018. — Т. 18. — № 4. — С. 82–87.
5. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография. — М. : Буки Веди, 2017. — 257 с.
6. Gomes de Andrade N. N. The application of future-oriented technology analysis (FTA) to law: the cases of legal research, legislative drafting and law enforcement // Foresight. — Vol. 14. — No 4. — P. 336–351.
7. Helbing D. The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future // The Section for Science of Complex Systems. — URL: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/FuturICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

«Право». 2018. Т. 18. № 4. С. 82–87 ; Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография. М. : Буки Веди, 2017. 257 с.

REFERENCES

1. Bakhteev DV. [Artificial Intelligence: Ethical and lEgal Foundations: Monograph]. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
2. Zorkin VD. Roventia or About the Law of the Future in the Era of Digitalization. *State and Law*. 2020;6:7-19. (In Russ.).
3. Isaev IA. The Metamorphosis of the Power Machine in Modern Times. *History of the State and Law*. 2021;11:3-9.
4. Minbaleev A. personas: Problems of Artificial Intelligence Regulation. *Bulletin of the South Ural State Univrsity. Series «Law»*. 2018; 18(4):82-87 (In Russ.).
5. Morkhat PM. Artificial Intelligence: A Legal Understanding: Monograph. Moscow: Buki Vedi Publ.; 2017 (In Russ.).
6. Gomes de Andrad NN. The application of future-oriented technology analysis (FTA) to law: the cases of legal research, legislative drafting and law enforcement. *Foresight*. 11 (4):36-351.
7. Helbing D. The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future. The Section for Science of Complex Systems. Available at: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/FuturICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf> (accessed: 20.12.2021).

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.010-013

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Махмутова Лилия Ринатовна, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
s0116997@msal.edu.ru

© Махмутова Л. Р., 2021

Аннотация. Повсеместное использование технологий искусственного интеллекта и трагические ситуации, произошедшие в связи с их применением, говорят о необходимости правового закрепления ответственности за преступления с участием искусственного интеллекта. Автором выделены субъекты, которые могут подвергаться ответственности за преступления, совершенные с участием искусственного интеллекта, предложены возможные варианты по предупреждению таких преступлений.

Ключевые слова: информационное право; уголовное право; технологии; искусственный интеллект; правонарушение; преступление; ответственность; правовое регулирование; программа; нейросеть.

RESPONSIBILITY FOR CRIMES COMMITTED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Lilia R. Makhmutova, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
s0116997@msal.edu.ru

Abstract. A widespread use of artificial intelligence technologies and dramatic situations that have occurred in connection with their use speak of the need for legal consolidation of responsibility for crimes involving artificial intelligence. The author identifies subjects who may be liable for crimes committed with the participation of artificial intelligence, suggests possible options for the prevention of such crimes.

Keywords: information law, criminal law, technology, artificial intelligence, offense, crime, responsibility, legal regulation, program, neural network.

В марте 2020 г. в ходе вооруженного конфликта военный дрон KARGU-2 атаковал человека, будучи в автономном режиме. 18 марта в Аризоне беспилотный автомобиль насмерть сбил пешехода, пересекавшего дорогу в темноте. В 2016 г. автомобиль Tesla врезался в трейлер на автопилоте, вследствие чего водитель погиб. Эти и многие другие случаи являются примерами, подтверждающими необходимость разработки правового регулирования случаев совершения преступлений искусственным интеллектом. Технологии искусственного интеллекта используются повсеместно, считаются новой ступенью в промышленной революции, и в этой связи вопрос правового регулирования является одним из самых

актуальных на сегодня. Попытки разработки законодательства, регулирующего искусственный интеллект, происходят во всем мире, в том числе и в России.

Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. В данном документе одной из первостепенных задач ставится решение вопросов юридической ответственности в случае применения систем искусственного интеллекта и робототехники.

Сегодня законодатель в первую очередь сталкивается с проблемой определения понятийного аппарата, поскольку искусственный интеллект является новой технологией, при определении и разработке которой еще не выработан общий подход. Однако многими учеными уже были предприняты попытки в формулировании понятия искусственного интеллекта. Так, например, в ГОСТ Р 43.0.5-2009 «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности» приводится очень общее определение искусственного интеллекта, не раскрывающее его признаков: искусственный интеллект — моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека.

Наиболее удачным является определение, предложенное О. А. Ястребовым, который под искусственным интеллектом понимает результат деятельности человека, представляющий собой сложную совокупность коммуникационных и технологических взаимосвязей, обладающую способностью логически мыслить, управлять своими действиями и корректировать свои решения в случае изменения внешних условий¹. Данное определение наиболее реалистично отражает принцип работы самых распространенных на сегодняшний день искусственных интеллектов на основе нейронных сетей.

Остановимся более подробно на принципах работы искусственного интеллекта. Нейросеть машины, основа искусственного интеллекта, очень сходна с биологическим мозгом, то есть внутри находятся нейроны как некая база определенных данных и электрические импульсы, передающие ту или иную информацию, которые позволяют связывать множество нейронов и делать логические выводы. В связи с этим необходимо уточнить, что данные, заполняющие программу, проходят обязательную фильтрацию, т.е. перед тем, как начать накапливать данные, разработчик программы задает определенные параметры, и только после прохождения фильтрации данные встраиваются в нейросеть. Эта программа на начальном этапе проходит обучение под руководством человека. Искусственный интеллект видит множество способов решения той или иной задачи, учитывает разные пути и подходы человека, на основе его выбора учится выбирать тот или иной путь, который будет более эффективным. То есть искусственный интеллект выбирает тот способ, который бы выбрал человек. Он не может изобрести что-то новое, не предложенное до этого человеком. Главная цель человека при создании искусственного интеллекта — это, во-первых, накопление огромного количества данных (избыточность информации) и, во-вторых, анализ этих данных для ускорения и упрощения решения тех или иных задач (поскольку сейчас все более востребованными становятся программы, способные анализировать информацию из разных областей и источников информации). Примером могут послужить приложения, предсказывающие движение ценных бумаг на фондовой бирже.

Одним из основных является вопрос ответственности за преступления, совершенные искусственным интеллектом. Стоит уточнить, что может привести к совершению преступления искусственным интеллектом:

- первоначально была заложена ошибка в алгоритм искусственного интеллекта;
- нарушение функций искусственного интеллекта ввиду неправомерного доступа (взлома);
- создание искусственного интеллекта для преступных целей;

¹ Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

— искусственный интеллект, обладающий способностью к самообучению, принял решение о совершении действий/бездействия, квалифицируемых как преступление².

Определение виновного субъекта в первых трех случаях не вызывает каких-либо вопросов, более того многие авторы (например, О. А. Радутный, Р. Линес и Ф. Люсиво) отмечают рациональность в привлечении к ответственности непосредственно связанных с искусственным интеллектом лиц:

— разработчик (создатель);

— владелец;

— пользователь (к ним относятся лица, перехватившие управление искусственным интеллектом незаконным способом (хакеры)).

К данным субъектам возможно применение ст. 274 УК РФ, ст. 1079 ГК РФ.

При рассмотрении последней причины совершения преступления искусственным интеллектом следует сказать, что на сегодняшний день технология искусственного интеллекта является объектом гражданских правоотношений и, учитывая уровень разработок, ничем иным являться не может. Однако, ввиду факта «самообучения» и «саморегулирования», рядом ученых допускается возможность развития искусственного интеллекта до такой степени, что в некоторых правоотношениях он будет выступать субъектом права³. То есть у искусственного интеллекта в дальнейшем может возникнуть правосубъектность (предоставление подданства Королевства Саудовской Аравии человекоподобному роботу Софии, разработанному специалистом гонконгской компании Hanson Robotics Д. Хэнсоном).

Согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только физическое лицо — человек. Юридические лица не несут уголовную ответственность. Важнейшим признаком субъекта является вменяемость, способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Учитывая возможности искусственного интеллекта, он не обладает психикой и осознанием важности своих действий, т.е. в данном случае отсутствует субъективная сторона и состав преступления. Также важным является цель применения уголовного наказания — «восстановление социальной справедливости и исправление осужденного, а также предупреждение совершения новых преступлений» (ст. 43 УК РФ). Каким образом возможно «исправить» программу? Как вариант — перепрограммировать или отключить (т.е. уничтожить) ее.

Если «одарить» ИИ правосубъектностью, даже ограниченной, вправе ли человек применять подобные санкции, если сравнительно к биологическому существу данные способы сродни лоботомии (такого мнения придерживается и Ф. В. Ужов) и смертной казни? И будут ли распространяться принципы уголовного законодательства на ИИ?

Автор статьи присутствовал на дискуссионной площадке ведущих разработчиков искусственного интеллекта в рамках программы «Техносреда» при поддержке Министерства науки и высшего образования России. На данной встрече присутствовали: Дмитрий Зубцов, Александр Зеленский, Александр Крайнов. На актуальные для автора вопросы касательно ответственности искусственного интеллекта Дмитрий Зубцов ответил, что за ходом действий искусственного интеллекта всегда стоит человек, намеренное убийство может произойти только по приказу человека, соответственно, искусственный интеллект будет выступать как орудие совершения преступления. Ответственность в данном случае будет распределяться между пользователем и разработчиком в зависимости от зоны влияния. Необходимо разработать техническое обеспечение для возможности отслеживания и фиксации вносимых изменений в

² Хисамова З. И. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564–574.

³ Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6. С. 46–62.

код искусственного интеллекта и логику его действий (аналог «черного ящика»)⁴. Александр Крайнов высказал мнение, что государственное регулирование на этапе разработки будет серьезным стопором для развития.

Фактически законодатель пытается разработать концепцию действий с участием искусственного интеллекта заблаговременно, в то время как технология искусственного интеллекта находится еще в стадии разработки и как именно будет применяться в правовом поле, можно только предполагать. Инженеры-разработчики ставили перед собой цель — создать машину, которая сможет мыслить на 95 % как человек. Однако в настоящее время искусственный интеллект выигрывает по скорости обработки и количеству данных, которые уже известны человеку.

Стоит дополнить некоторые действующие статьи законодательства, которые будут включать в себя новые технологии с применением искусственного интеллекта в качестве объекта правоотношений, средства использования, где ответственности будут подлежать разработчик, владелец и пользователь в зависимости от роли, которую они выполнили в совершении преступления. «Самостоятельные решения» искусственного интеллекта в любом случае опираются на заданные человеком параметры, и внесение искусственного интеллекта в число субъектов уголовного права является нерациональным. Касательно правового регулирования необходимо уточнить тот факт, что искусственный интеллект, способный навредить человеку, является средством повышенной опасности, и при его использовании лицо должно предвидеть вероятность негативных последствий и нести ответственность. Эффективным превентивным методом может выступать обязательное техническое обслуживание.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. — Вып. 6. — С. 46–62.
2. Лантев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 79–102.
3. Хисамова З. И. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 4. — С. 564–574.
4. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 36–55.

REFERENCES

1. Arkhipov VV, Naumov VB. Iskusstvennyy intellekt i avtonomnye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike [Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of the first law on robotics in Russia]. *SPIIRAS Proceedings*. 2017;6:46-62. (In Russ.).
2. Laptev VA. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu [Artificial Intelligence and Liability for its Work]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;2:79-102. (In Russ.).
3. Hisamova ZI. Ugolovnaya otvetstvennost i iskusstvennyy intellekt: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Criminal Liability and Artificial Intelligence: Theoretical and Applied Aspects]. *All-Russian Journal of Criminology*. 2019;13(4):564-574 (In Russ.).
4. Yastrebov OA. Pravosubektnost elektronnoho litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Legal Capacity of Electronic Persons: Theoretical and Methodological Approaches]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2018;13(2):36-55. (In Russ.).

⁴ Лантев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.014-025

ДИПЛОМАТИЯ БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ И ВОПРОСЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Маслакова-Клауберг Наталья Ивановна, старший научный сотрудник Института мировых цивилизаций, советник ректора по международным связям, представитель Международного общественного фонда «Российский фонд мира» в Швейцарии и Лихтенштейне, кандидат политических наук
119049, Россия, г. Москва, пр. Ленинский, д. 1/2, к. 1
mnleo@mail.ru

© Маслакова-Клауберг Н. И., 2021

Аннотация. В статье представлен авторский анализ итогов и дипломатии международных встреч (конференций) лидеров Большой тройки. Делается вывод о высокой степени организационной и профессиональной подготовки советских дипломатов в ходе проведения этих международных встреч. Несмотря на все усилия советской дипломатии выстроить взаимоотношения с западным миром и США, эти усилия были обречены на провал, поскольку в марте 1946 г. была объявлена неформальным образом холодная война.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Большая тройка; антигитлеровская коалиция; дипломатия; переговоры; лидеры; военная ситуация; международная организация; международная безопасность; репарации; зоны оккупации.

THE BIG THREE DIPLOMACY AND THE POST-WAR WORLD ORDER ISSUES

Natalia I. Maslakova-Klauberg, Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of World Civilizations; Advisor to the Rector for International Relations; Representative of the International Public Foundation «Russian Peace Foundation» in Switzerland and Liechtenstein
pr. Leninskiy, d. 1/2, r. 1, Moscow, Russia, 119049
mnleo@mail.ru

Abstract. The paper provides the author's analysis of the outcomes and diplomacy of international meetings (conferences) of the leaders of the Big Three. The conclusion is made about the high degree of organizational and professional training of Soviet diplomats during these international meetings. Despite all the efforts of Soviet diplomacy to build relations with the Western world and the United States, those efforts were doomed to failure, since in March 1946 the Cold War was informally declared.

Keywords: World War II, Big Three, anti-Hitler coalition, diplomacy, negotiations, leaders, military situation, international organization, international security, reparations, occupation zones.

По образному выражению поэта С. Есенина, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Действительно, многое видится по-другому, в том числе истинность намерений стран-союзниц в вопросах послевоенного мира, проявленная на трех ключевых конференциях лидеров Большой тройки (И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль) — в Тегеране (1943 г.), Ялте (1945 г.) и Потсдаме (1945 г.). С одной стороны, на этих конференциях встречались союзники по совместной борьбе против нацистской Германии, а с другой — ярые идеологические противники. Сегодня их можно было бы назвать «ситуационными союзниками или партнерами». Несмотря на то что США и Великобритания выступали «единым идеологическим фронтом» против Советского Союза, у них также были собственные представления о послевоенном мироустройстве. В любом случае США видели себя единоличным лидером новой мировой политической системы.

Все три лидера Большой тройки войдут в мировую историю как центральные политические фигуры первой половины XX в. Их считают «великими политиками» своего времени, которых отличала не только особая харизма, глубина государственного мышления, но и политическая мудрость. Они смогли пойти на компромисс, чтобы сесть за один стол переговоров со своим «непримиримым идеологическим врагом» ради одной общей цели — разгрома нацистской Германии и окончания Второй мировой войны. В современном мировом политическом истеблишменте явно ощущается дефицит такого уровня политиков и государственных деятелей.

Причем каждый из трех лидеров Большой тройки оставил свое «политическое наследие» человечеству, с позитивным и негативным оттенком.

Так, 32-й президент США Франклин Рузвельт находится в одном ряду с такими выдающимися президентами США, как Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон и Авраам Линкольн. Он руководил страной в самые сложные периоды — мирового экономического кризиса («Великой депрессии») и Второй мировой войны. Его назовут президентом-реформатором, поскольку он предложил план социально-экономических преобразований в стране (т.н. Новый курс). Ф. Рузвельта считают отцом-основателем универсальной международной организации ООН, создание которой он считал «делом всей своей жизни». Благодаря его кропотливой работе, в том числе на конференциях лидеров Большой тройки, такая организация будет учреждена в апреле 1945 г. в Сан-Франциско. Правда, сам Рузвельт не доживет до этого момента всего несколько дней. Память о нем как об отце-создателе ООН останется в мировой истории.

В официальной резиденции президента США (Белом доме) в Вашингтоне находится Комната Рузвельта, расположенная рядом с Овальным кабинетом президента. Она используется для проведения совещаний и встреч делегаций перед президентским приемом. Эта комната была названа в 1969 г. Ричардом Никсоном в память двух президентов США — Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта. В поместье Спрингвуд в Гайд-парке (Нью-Йорк) находится Вилла Рузвельта, в которой сегодня открыт Национальный исторический музей Франклина Д. Рузвельта. В послевоенное время его сын Эллиот Рузвельт опубликовал книгу «Его глазами», в которой он излагает взгляды своего отца на вопросы внешней политики США, в том числе повествует об участии Ф. Рузвельта в международных конференциях, в частности в Тегеране¹. В 1960 г. в память о пребывании Ф. Рузвельта в Ялте его именем была названа самая старая улица города, на которой в 2017 г. был установлен памятник ему.

Уинстон Черчилль является легендарной фигурой в политике и дипломатии Великобритании, он получил титул «величайшего британца в истории». Он занимал пост британского премьер-министра в период Второй мировой войны (1940–1945 гг.) и послевоенного мироустройства (1951–1955 гг.).

Черчилль был неизменным участником всех трех встреч Большой тройки. Однако во время Потсдамской (Берлинской) конференции он был вынужден покинуть ее в самый ключевой момент, когда решались вопросы послевоенного урегулирования в Европе. Причиной тому стал проигрыш Консервативной партии на парламентских

¹ Рузвельт Э. Его глазами. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1947. С. 176–177.

выборах в Великобритании, которые состоялись 5 июля 1945 г. В результате он ушел с поста премьер-министра Великобритании.

В дипломатии известен так называемый стиль Черчилля как харизматичной фигуры этого блестящего политика. Среди узнаваемых символов стиля Черчилля следует отметить сигары уникальных сортов, с которыми он традиционно появлялся на публике, а также жест «Victory» (указательный и средний пальцы соединялись в форме латинской буквы V). Этот символ известен еще со времен Средневековья, однако благодаря Черчиллю получил широкое распространение по всему миру как символ победы. Среди его экстравагантных бытовых привычек — бифштекс с жареным картофелем на завтрак, в течение дня различные напитки (шампанское, бренди, виски и апельсиновый сок), домашняя одежда — бархатный пиджак с буквой V и домашние тапочки с вышитыми буквами «ПМ» — премьер-министр.

Следует отметить знаменитую фразу Черчилля, сказанную им во время Ялтинской конференции в феврале 1945 г., которая была неким «политическим пророчеством» в судьбах лидеров Большой тройки. Она звучала следующим образом: «По одну сторону от меня сидел, раскинув лапы, громадный русский медведь. А по другую — огромный американский буйвол. А между ними затаился бедный, маленький английский ослик, и только он, один из трех, знал дорогу домой».

Действительно, он пережил своих коллег по Большой тройке и стал лауреатом Нобелевской премии по литературе в 1953 г., причем в обход Эрнеста Хемингуэя. Он единственный из всех участников опубликовал мемуары о войне и встречах Большой тройки — трехтомник «Вторая мировая война» и «Как я воевал с Россией». Его Фултонская речь в Вестминстерском колледже, произнесенная 5 марта 1946 г., считается началом холодной войны Запада во главе с США против СССР. В том же году он выступил с речью в Цюрихском университете, где призвал к созданию «Соединенных штатов Европы».

Похороны У. Черчилля, состоявшиеся 30 января 1965 г., стали крупнейшими по масштабу государственными похоронами за всю историю Великобритании, в организации которых участвовали службы Букингемского дворца и лично королева Елизавета II.

Личность Иосифа Виссарионовича Сталина как вождя и руководителя Советского Союза вошла в мировую историю как довольно противоречивая фигура. Он является олицетворением целой эпохи — сталинской эпохи в истории СССР, с которой связаны как великие, так и драматичные события. Прежде всего, заслугой Сталина и советского народа стала победа СССР во Второй мировой войне, в которой наша страна сражалась с лучшей в мире армией нацистской Германии, причем в неравных условиях. Эта победа стоила самой большей цены — 27 млн человеческих жизней. Война продемонстрировала всему миру великий подвиг и силу духа советских солдат, которые шли в бой под лозунгом «За Родину, за Сталина!». Надо отдать должное генералиссимусу Сталину, что он не покинул Москву в самый опасный период войны, когда фашистские войска фактически стояли у границы города. Этим он продемонстрировал своему народу веру в то, что «победа будет за советским народом», и он в этом сам не сомневался.

Темной стороной медали сталинской эпохи стали массовые политические репрессии («Большой террор»), депортация народов, негативные последствия индустриализации и коллективизации, религиозное преследование, голод, создание лагерей для репрессированных и другие преступления. На Западе с его именем связывают также подписание Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакт Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г.). После смерти Сталина в 1953 г. его титул как «великого вождя и учителя» был подвергнут осуждению, а после XX съезда КПСС в 1956 г. был развенчан «культ Сталина». Несмотря на то что преступления Сталина получили широкое международное осуждение, в том числе в России, продолжают попытки ряда западных стран «поставить на одну доску» преступления сталинизма и нацизма. В этой связи следует отметить программную резолюцию ПАСЕ «Необходимость международного осуждения преступлений

тоталитарных коммунистических режимов», которая стала отправной точкой в признании на общеевропейском уровне идеи об уравнивании двух тоталитарных режимов — нацистского и коммунистического. 2 апреля 2009 г. Европейский парламент принял Декларацию, осуждающую акты агрессии со стороны сталинизма и нацизма как военные преступления и преступления против человечности. В сентябре 2019 г. Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в ней провозглашалась равная ответственность СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны². Таким образом, в современной Европе происходит отрицание решающей роли СССР в победе во Второй мировой войне.

С другой стороны, имя И. Сталина связано с появлением нового направления в архитектуре — сталинский ампи́р, в результате чего советская столица украсилась рядом уникальных по архитектуре монументальных зданий. Кроме того, в результате реализации Генерального плана реконструкции Москвы в городе в начале 1950-х гг. появились высотные здания, в том числе здание Министерства иностранных дел. Среди иностранцев стало популярное название этих высотных зданий — «Семь сестер», хотя не многие знают, что их появление связано с именем Сталина. Среди российских посольств за рубежом следует отметить Посольство России в Берлине на Унтер ден Линден, которое было построено в 1952 г. в стиле «сталинского ампира и декора» (социалистический классицизм) с элементами берлинского классицизма начала XIX в.

Особую характеристику личности генералиссимуса И. Сталина оставили именно Ф. Рузвельт и У. Черчилль, которая была ими составлена во время встреч Большой тройки в период 1943–1945 гг.

Интересным является факт, что каждая из конференций имела свое кодовое название, которые, в большинстве, были предложены У. Черчиллем. Так, Тегеранская конференция в 1943 г. получила название «Эврика», Ялтинская (Крымская) конференция в 1945 г. — «Аргонавты» и Потсдамская (Берлинская) конференция в 1945 г. — «Терминал». Все эти кодовые названия довольно символичны, поскольку соответствуют целям встреч и характеристике переговорного процесса. «Эврика» является легендарным восклицанием Архимеда, которое выражает чувство радости в случае решения трудной задачи. Действительно, Тегеранская конференция стала «трудной задачей» для ее участников и радостным «удивлением» в отношении ее результатов. Второе кодовое название «Аргонавты» было предложено У. Черчиллем в качестве сравнения участников встречи в Ялте с походом легендарных героев древнегреческой мифологии в Колхиду на корабле «Арго». Третье название — «Терминал» символизирует собой конец, т. е. окончание переговорного процесса.

Встречи лидеров Большой тройки можно охарактеризовать как «дипломатическую игру» наивысшего уровня между идеологическими противниками, которые садились за международный стол переговоров, разыгрывая собственную «дипломатическую партию» в этой игре. Причем Ф. Рузвельт и У. Черчилль выступали неким «единым фронтом», в то время как Сталин должен был вести игру с ними не в равном соотношении. Тем не менее за столом переговоров оказались люди с разным персональным потенциалом, имеется в виду — социальное происхождение, образование и т. д.

Так, Франклин Д. Рузвельт принадлежал к роду Розенфельдов, выходцев из Нидерландов, которые смогли разбогатеть в США благодаря успешно развивавшемуся бизнесу, в частности производству сахара и коневодству. Он окончил престижные высшие учебные заведения в США из Лиги плюща — Гарвардский университет (Гарвардский колледж) и Колумбийский университет (Школа права, входящая в пятерку лучших юридических школ в США и в мире). По окончании университета

² История Великой Победы : в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова. М. : МГИМО-Университет, 2020. Т. 1. С. 11–12.

получил специальность юриста. Политическая карьера Рузвельта была связана с Демократической партией США³.

Уинстон Черчилль происходил из знаменитого рода герцогов Мальборо (ветвь Спенсеров), во владении которых находился Бленхаймский дворец, один из крупнейших дворцово-парковых ансамблей Англии. Сегодня он входит в число памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. Представители рода Мальборо до сих пор проживают здесь, занимая восточное крыло дворцового комплекса. Во дворце расположена экспозиция памяти Уинстона Черчилля, которая доступна для посещения. Он окончил престижное Королевское военное училище, выпускниками которого были известные государственные деятели, дипломаты и военачальники. Политическая карьера У. Черчилля была связана с Консервативной партией, что предоставляло ему возможность занимать различные высокие государственные посты, в частности — министра внутренних дел, первый лорд Адмиралтейства, Канцлер казначейства и премьер-министр.

В свою очередь, И. Сталин (Джугашвили) не мог сравниться с ними ни в социальном положении, ни в образовательном уровне. Он был выходцем из грузинской крестьянской семьи, в которой отец был сапожником, а мать — поденщицей. Иосиф учился в Тбилисской духовной семинарии, но был исключен по причине неявки на экзамен, но фактически причиной было его увлечение марксизмом и революционным движением. Достигнуть положения «вождя государства» ему позволила революционная карьера, «школа тюрем и ссылок» и, безусловно, природные таланты, в том числе в дипломатии. Профессиональный революционер из бедной грузинской семьи не мог равняться с выходцами из высшей родовой аристократии США и Европы. Однако он с достоинством принял участие в этом дипломатическом сражении⁴.

Все три лидера Большой тройки представляли разные партии: Ф. Рузвельт — Демократическую партию, У. Черчилль — Консервативную партию и И. Сталин — Коммунистическую партию.

Следует отметить важную деталь, что все три встречи Большой тройки прошли либо на советской территории, либо на территории, подконтрольной СССР. Так, Тегеранская конференция состоялась на территории советского посольства, Ялтинская (Крымская) конференция — в СССР, а Потсдамская (Берлинская) конференция на территории советской зоны оккупации. С точки зрения дипломатии, для советской стороны это была довольно приоритетная позиция, позволяющая определять позиции участников, составлять программу проведения конференции и делать протокольные маневры.

Тегеранская конференция, проходившая с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в столице Ирана, стала первой из трех международных встреч лидеров Большой тройки антигитлеровской коалиции, на которой обсуждались вопросы исхода войны и были намечены контуры послевоенного миропорядка в целом. Для Сталина это была первая зарубежная поездка, на которую он согласился, исходя из особых политических целей, и прежде всего — открытие союзниками второго фронта.

Сама инициатива проведения встреч лидеров Большой тройки в составе США, Великобритании и СССР исходила не от Сталина, а от Рузвельта и Черчилля, которые обсуждали этот вопрос еще в августе 1943 г. во время Квебекской конференции. Сталин придал этому приглашению важное значение и согласился на формат встреч, однако место и время их проведения всегда оставлял за собой. Так, для первой конференции ему предлагались различные места проведения, в том числе Каир, Багдад, Стамбул, где уже имелся опыт проведения международных встреч высокого уровня. После долгих размышлений, которые он «объяснял занятостью на фронтах», Сталин выбрал Тегеран, исходя из трех основных причин. Первая — безопасность, территория Ирана тогда контролировалась советскими военными (до 1946 г. на севере Ирана находилась крупная группировка советских войск). Кроме того, здесь

³ Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. М. : Международные отношения, 1981. С. 8.

⁴ Рыбас С. Ю. Сталин. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 11.

была обеспечена связь Сталина со Ставкой, что для него было крайне важным делом. Вторая — близость границ с СССР, а третья — Сталин хотел наладить отношения с молодым шахом Мохаммедом Реза Пехлеви, чтобы упрочить позиции СССР в Иране. Представители Лондона и Вашингтона были довольны его выбором, поскольку они надеялись на подписание на конференции документа, излагающего общую позицию трех держав по Ирану. Для них было также важным получить обязательства от Москвы по выводу войск из Ирана⁵.

Союзники были вынуждены примириться с капризным поведением Сталина, поскольку понимали, что война вступила в ключевую фазу и стратегическая военная инициатива перешла к СССР. Безусловно, не из-за симпатий к СССР и желания помочь русским в борьбе с фашизмом объясняется стремление к переговорному процессу с СССР. Речь шла о том, что наступил «перелом в войне» и впечатляющие победы Красной армии, в том числе Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.), заставили союзников задуматься о сближении позиций с Москвой в вопросах «О будущем устройстве мира». Особенно большие опасения вызывала возросшая роль СССР и его позиционирование в качестве «великого победителя». Главное заключалось в том, что союзники боялись опоздать и упустить «плоды Победы». Как покажет история, они умело смогут воспользоваться всеми «плодами и лаврами победителя».

Фактически встречи лидеров Большой тройки сводились к следующим основным вопросам: открытие Второго фронта для завершения войны с Германией, решение «германского вопроса» как дальнейшей ее судьбы, завершение войны в Японии, формирование нового послевоенного миропорядка (для союзников важно было не дать СССР использовать свое влияние на другие страны Европы), создание новой политической карты Европы, учреждение новой универсальной международной организации («Объединенные Нации») с целью обеспечения мира и международной безопасности, проведение Международного военного трибунала над нацистской Германией и др.

В вопросах дальнейшей судьбы Германии и методов осуществления ее наказания у СССР с союзниками были разные позиции.

И. Сталин предпочитал всегда оставаться в тени «политического переговорного процесса», выдвигая вперед кандидатуру В. М. Молотова как Народного комиссара по иностранным делам СССР. На всех трех конференциях он предпочел выступать самостоятельно. Многие отмечают его природный дипломатический талант с элементами «восточного коварства», умение выжидать и применять различные уловки. При этом в силу восточного характера он был резок и излишне эмоционален. Во всяком случае, он был «мастером политической интриги» и с достоинством вел себя с союзниками, которые фактически выступали против него единым политическим и идеологическим фронтом. Кроме того, европейский и аристократический протокол конференций, который был чужд аскетизму советского периода, был также «проверкой на прочность» для советского лидера. Однако он смог с достоинством все выстоять.

В центре внимания Тегеранской конференции были ряд других острых и актуальных вопросов: «польский вопрос», контуры послевоенного мира, решение о войне СССР с Японией, предоставление независимости Ирану (временно оккупированному СССР и Великобританией) и вхождение в состав СССР трех прибалтийских республик и Восточной Пруссии.

Американская делегация приехала в Тегеран с подготовленной повесткой дня и определенными политическими целями. Рузвельт понимал, что война России с Германией подходит к концу, которая «не стала для немцев прогулкой по бульварам Франции». Ф. Рузвельта волновало прежде всего послевоенное урегулирование сложных международных вопросов. На конференции стала вырисовываться своего рода «зона согласия» между Рузвельтом и Сталиным, которая выявила сходство позиций по ряду вопросов. В частности, по созданию международной организации по безопасности и миру, разоружению побежденных государств, предотвращению

⁵ История Великой Победы. Т. 3. С. 129–130.

новой агрессии со стороны Германии и др. Кроме того, Ф. Рузвельт выступал за торговое сотрудничество с СССР и расширение связей. И. Сталин поддерживал такую инициативу, отмечая, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы сможем поставлять им сырье»⁶.

Основные расхождения касались «германского вопроса» и будущего Германии. США предложили расчленить Германию на пять государств — Пруссию, Ганновер, Гессен, Саксонию, Баварию и международную зону (Рур и Саар). СССР придерживался позиции, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении, поскольку расчленение Германии только ослабит ее и приведет к большому количеству беженцев. В свою очередь, Черчилль поддерживал подход США по расчленению Германии, но в другом формате. По его мнению, речь шла об изоляции Пруссии и отделении от Германии южных провинций, которые потом вошли бы в состав Дунайской федерации. Наиболее сложным был вопрос признания западными странами легитимности довоенных границ, затрагивающий интересы безопасности СССР. Здесь с США были также разные позиции.

Однако в целом советско-американские отношения на конференции в Тегеране продемонстрировали некоторое сближение и даже взаимную симпатию лидеров. Кроме того, американский президент остановился в Тегеране в советском посольстве, объясняя это вопросами безопасности и близостью к месту проведения переговоров (Ф. Рузвельт передвигался на инвалидной коляске из-за перенесенного в 20-е гг. полиомиелита). Многие эксперты полагают, что на самом деле американский президент стремился установить более тесные и конфиденциальные отношения с И. Сталиным. Тем не менее для Рузвельта приоритетом всегда были национальные интересы США, но он мог по достоинству оценить своего противника и союзника «в одном лице». Рузвельт считал советского лидера умным и прагматичным политиком, который демонстрировал решимость добиваться национальных интересов страны. Он особенно ценил в Сталине прямой и без «дипломатической витиеватости» подход, а также способность говорить правду в глаза вплоть до колкостей.

Ф. Рузвельт восстановит в ноябре 1933 г. дипломатические отношения с СССР, которые до этого находились в состоянии «идеологического коллапса».

Тенденция сближения лидеров США и СССР заметно раздражала У. Черчилля, который считал, что президент США находится в «кармане у Сталина». Кроме того, он в одинаковой степени ненавидел как германский нацизм, так и социалистический большевизм, которые он рассматривал как «однополюсное зло». Его тактика заключалась в знаменитом принципе римской власти, ставшем классическим ходом в дипломатии — «разделяй и властвуй» (лат. *divide et impera*). Он придерживался позиции, что из двух зол надо оказывать внимание и поддержку тому, кто способен победить своего противника. У. Черчилль считал «Адольфа Гитлера хуже дьявола, но был готов с удовольствием посидеть на его разрушенном кресле». Известно, что при нападении Германии на СССР Черчилль заявил: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере дал бы в палате общин положительную характеристику дьяволу». При всей своей ненависти к СССР он внешне с уважением относился к И. Сталину. Как опытный политик он умело скрывал свои намерения.

Во время конференции в Тегеране состоялась торжественная церемония вручения У. Черчиллем большого двуручного меча Сталину — в качестве подарка от английского короля Георга VI. Это был дипломатический жест, символизировавший дань уважения героям и героиням легендарного Сталинграда, которые сломали хребет нацистской армии и развеяли миф о ее непобедимости. Свое истинное отношение к СССР было проявлено У. Черчиллем 5 марта 1946 г., когда он в своей Фултонской речи объявит о «железном занавесе от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике».

Если лидеров Большой тройки можно было бы назвать «ситуационными партнерами», то взаимоотношения США и Великобритании — «друзьями по расчету». В целом Черчилль поддерживал идею оказания помощи СССР (операция «Оверлорд»),

⁶ История Великой Победы. Т. 3. С. 219–221.

но в его планах было развитие операции и на Балканах (т. н. «Балканская стратегия»), что более соответствовало интересам Великобритании.

Особую остроту на переговорах в Тегеране принял вопрос об открытии второго фронта, что в значительной степени волновало советскую сторону. Дело в том, что США и особенно Великобритания не стремились к определенной конкретике в данном вопросе, что вызвало заметное раздражение Сталина. По сути, для СССР это был самый важный вопрос на конференции, за решением которого советская делегация приехала в Тегеран. По мнению Сталина, Советский Союз мог бы завершить войну с Германией самостоятельно, но с большими потерями, прежде всего человеческих жизней. Немало приводится свидетельств о том, что в минуту раздражения Сталин обратился к Молотову со словами: «У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается». Такая позиция Сталина заставила союзников принять окончательное решение, и начало операции было намечено на май 1944 г.⁷

Некоторые различия союзников были проявлены в отношении создания универсальной международной организации — «Объединенные Нации». Так, Рузвельт предлагал создать одну мировую организацию как продолжение Лиги Наций. Сталин же считал, что нужно создать две — европейскую и дальневосточную или мировую. Черчилль полагал, что необходимо иметь три организации — европейскую, дальневосточную и американскую. Рузвельт сделал также предложения по структуре будущей международной организации, которая могла бы состоять из трех органов: Общего органа, Исполнительного комитета (США, Великобритания, СССР, Китай, две европейские страны, одна латиноамериканская страна, одна страна Среднего Востока и одна из британских доминионов), Полицейского комитета (США, СССР, Великобритания и Китай), который будет следить за сохранением мира⁸.

Следует остановиться также на еще двух дипломатических пассажах с советской стороны. Первый касается встречи Сталина с молодым шахом Мохаммедом Реза Пехлеви, который добивался приема у каждого из членов Большой тройки. Он был удивлен тому, что Сталин сам пришел к нему на прием, что особенно почтительно воспринималось на Востоке.

Зная о его увлечении авиацией, Сталин преподнес ему в подарок легкий самолет. Этот визит стал важным дипломатическим шагом, что в значительной степени упрочило союзнические отношения между СССР и Ираном. Второй пассаж посвящен подаркам СССР союзникам. Ко дню рождения У. Черчилля, который отмечался во время конференции 30 ноября, ему была подарена партия армянского коньяка, который он оценил в ходе визита в Москву в 1942 г., а также каракулевая шапка и большая фарфоровая скульптурная группа на сюжет сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке»⁹. Рузвельту был подарен крупный лосось как заядлому рыбаку, а также ящик крымского шампанского.

Тегеранская конференция стала первым в истории саммитом лидеров Большой тройки антигитлеровской коалиции, которая при всех противоречиях союзников приняла важнейшие решения, определившие контур будущего мироустройства. Советская делегация смогла добиться открытия второго фронта в мае 1944 г. и заверила союзников в продолжении военных действий против Японии с целью принуждения ее к капитуляции. США были удовлетворены договоренностью о создании международной организации — будущей ООН. Союзники также подписали

⁷ Эпоха Сталина. События и люди : энциклопедия / авт.-сост. В. В. Суходеев. М. : Эксмо; Алгоритм, 2004. С. 292.

⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов : в 6 т. М. : Политиздат, 1978–1980. Т. 2 : Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании: 28 ноября — 1 декабря 1943. 1978. 175 с.

⁹ Девятков С. Охрана Сталина была готова к бою у посольства в Тегеране // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20181128/1533622252.html> (дата обращения: 20.12.2021).

«Декларацию трех держав об Иране». Кроме того, было положено начало решению ряда других вопросов, в том числе «польского».

Вторая встреча лидеров Большой тройки состоялась в период с 4 по 11 февраля 1945 г. в Ялте, в только что освобожденном от фашистов регионе. Местом проведения Ялтинской (Крымской) конференции является Ливадия, исторический регион (начиная с XVIII в.), где располагалась императорская летняя резиденция и другие дворцы высшей аристократии России (Юсуповых, Воронцовых и др.).

Ялтинская конференция стала второй, но последней в составе трех великих политиков Большой тройки — Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И. Сталина. Она явила собой апофеоз сотрудничества трех великих держав в годы Второй мировой войны. По значению принятых решений она будет приравнена к заключительной Потсдамской конференции в мае 1945 г. Именно выработанные на этих двух конференциях решения составят контуры нового послевоенного мира — Ялтинско-Потсдамской мировой политической системы. Сравнивая все три конференции, следует отметить, что Тегеранская конференция будет посвящена главным образом условиям окончания войны, Ялтинская (Крымская) конференция — послевоенному устройству, а Потсдамская конференция — международным вопросам новой политической системы и судьбе Германии.

И. Сталин как главный хозяин конференции в Ялте предоставил гостям лучшие места для проживания. Так, делегация США во главе с Ф. Рузвельтом расположилась в Ливадийском дворце (летней императорской резиденции, штаб-квартире конференции), английская делегация во главе с У. Черчиллем — в Воронцовском дворце, а сама советская делегация заняла Юсуповский дворец. Как ранее отмечалось, Сталин был природным дипломатом и обладал своего рода «политическим предчувствием». Очевидно осознавая, что это последняя его встреча с Ф. Рузвельтом, он предоставил ему не только самое престижное место для проживания, но и внес некоторые коррективы в дипломатический протокол конференции. Согласно правилам, основной регламент встречи должен вести хозяин, однако Сталин передал эти полномочия Ф. Рузвельту, выдвигая его на первые позиции на конференции. До начала открытия конференции Сталин провел личные встречи с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, на которых оговорил основные вопросы с союзниками.

Несмотря на то что Ф. Рузвельт был восхищен Ялтой (Ливадией), он был одновременно потрясен разрушенным немцами Крымом. В своем Послании Конгрессу США, сделанном по итогам конференции, он заявил: «Во время моего пребывания в Ялте я видел примеры безжалостного и бессмысленного яростного разрушения, которое производит германский милитаризм. Не были пощажены даже самые скромные дома. Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, однако я видел Севастополь и Ялту, и я знаю, что на земле не могут существовать вместе германский милитаризм и христианская добродетель». Во время своей беседы со Сталиным 4 февраля 1945 г. он даже сказал, что, «когда он не будет больше президентом, он хотел бы попросить у советского правительства продать ему Ливадию», поскольку он очень любит лесоводство.

В отношении дальнейшей судьбы Германии все участники встречи занимали разные позиции. Так, СССР не стремился к ее расчленению, считая, что необходимо время для более детального обсуждения «германского вопроса». Также СССР придерживался позиции о проведении открытого специального международного трибунала, тогда как США и Великобритания занимали позиции немедленной расправы без суда и следствия. На конференции в Ялте 9 февраля 1945 г. Черчилль заявил, что «лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы». Однако такой подход британского представителя не устраивал СССР, поскольку многие факты и события Второй мировой войны остались бы в тени. Кроме того, юридические последствия такого «судилища» могли бы иметь негативные последствия — расправа над невинными, недоказанность преступлений, «неправомерный суд» узким кругом лиц и т. д. Именно благодаря позиции СССР состоялся Нюрнбергский трибунал (с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.).

В ходе Ялтинской конференции состоялось 8 заседаний глав правительств и 7 заседаний министров иностранных дел. В повестке дня американская делегация больше придавала значение вопросам международной безопасности, британская — польскому вопросу, а СССР — германскому вопросу.

Среди многих решений конференции следует выделить основные: решение «германского вопроса» (создание 4 оккупационных зон (США, Великобритания, СССР и Франция) и внедрение формулы «3Д»: денацификация, демилитаризация, демократизация), создание Организации Объединенных Наций, принятие решений «О границах в Европе», вопрос о репатриации перемещенных лиц, продолжение СССР войны с Японией, обсуждение «польского вопроса» и др. В Ялте был принят важный документ — «Декларация об освобожденной Европе», которая определила принципы политики победителей на отвоеванных у противника территориях¹⁰.

В своем Послании к Конгрессу, сделанном 1 марта 1945 г., Рузвельт говорил о своей уверенности в том, что благодаря соглашениям, достигнутым в Ялте, Европа будет более стабильной в политическом плане. Это были слова «великого политика», но судьба мира распорядилась иначе.

Сегодня в Ливадийском дворце открыт музей, в залах которого расположена экспозиция, посвященная Ялтинской (Крымской) конференции лидеров Большой тройки. В 2015 г. был установлен памятник трем главным участникам — Ф. Рузвельту, У. Черчиллю и И. Сталину.

Потсдамская (Берлинская) конференция стала заключительной среди трех встреч Большой тройки и фактически подвела итог принятым решениям. Романтический дух Тегерана и Ялты развеялся как туман, и за столом переговоров сидели ярые идеологические противники. Вместо Ф. Рузвельта американскую делегацию возглавлял 33-й президент США Г. Трумэн, который сразу выбрал новый курс на конфронтацию с СССР. Сталин это хорошо понимал, поэтому приехал в Потсдам с опозданием в два дня, объяснив задержку срочными переговорами с китайцами.

Конференция проводилась с 17 июля по 2 августа 1945 г. в замке Цицилиенхоф, бывшей резиденции кронпринца Вильгельма (последней резиденции прусской династии Гогенцоллернов), которая тогда располагалась в советской зоне оккупации. В трех виллах в привилегированном районе Потсдама (Нойбабельсберг) проживали главы трех делегаций. Сегодня эти виллы неофициально носят их имена. Так, на вилле Трумэна с 2001 г. размещается штаб-квартира Фонда Фридриха Наумана.

Конференция проводилась уже после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии в Карлхорсте, но в преддверии вступления СССР в войну с Японией.

Замок Цицилиенхоф идеально подходил для проведения конференции, поскольку состоял из 36 помещений, конференц-зала с тремя отдельными входами. В центре находился большой круглый «переговорный стол» (московской фабрики «Люкс», специально доставленный из СССР). Помещения для делегаций были оформлены в разные тона: советской — в белые, американской — в голубые, англичан — в розовые. В парке перед замком было множество цветных клумб и деревьев. На конференцию приехали большое количество журналистов, чтобы запечатлеть это историческое событие.

В ходе конференции представители США и Великобритании выступали в единой агрессивной манере по отношению к делегации СССР. Причиной такой резкой позиции стала поступившая информация об удачном испытании атомной бомбы, произведенном в США 16 июля 1945 г. Это привело в восторг Г. Трумэна и У. Черчилля, которые считали, что теперь у США есть средство, способное восстановить соотношение сил с Россией. Фактически именно с этого момента в политический лексикон вошло понятие «ядерная дипломатия». Сталин вел себя достаточно сдержанно и спокойно, столкнувшись с «агрессивным фронтом» США и Великобритании. Стоит отдать должное советскому руководителю, который мог в таких сложных условиях проявлять психологическую выдержку и спокойствие¹¹.

¹⁰ История Великой Победы. Т. 3. С. 373–495.

¹¹ История Великой Победы. Т. 3. С. 233–235.

Решения Потсдамской конференции имели историческое значение, которые легли в основу Ялтинско-Потсдамской мировой политической системы. Ключевым в повестке дня был «германский вопрос». Согласно принятым решениям, Германию ожидало полное разоружение, ликвидация всей военной промышленности, а также реформирование политической жизни на основе демократии и мирного сотрудничества. Партия НСДАП, а также ее филиалы и подконтрольные организации подлежали уничтожению и роспуску. Кроме того, Германию планировалось разделить на 4 зоны оккупации и создать контрольные механизмы.

В результате споров между союзниками все же удалось подписать Специальное соглашение о репарациях, отражающее положение Ялтинской конференции. Советская делегация внесла в повестку дня вопрос о разделе германского флота, оказавшегося в распоряжении Великобритании. У. Черчилль предлагал ограничиться лишь уничтожением подводных лодок Германии, но за исключением новейших образцов. Окончательно решение по этому вопросу было все же отложено.

Важным для СССР стал вопрос о передаче Кенигсберга и прилегающего к нему района, что ранее оговаривалось на Тегеранской конференции. Всеми участниками конференции было одобрено решение предать главных военных преступников международному трибуналу, который состоялся затем в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. (находящийся в американской зоне оккупации). Обсуждались и другие вопросы, которые вошли в официальную программу конференции («польский вопрос», позиция к странам — союзницам нацистской Германии, решения по освобожденным народам, вопрос о предстоящей войне с Японией и др.).

По итогам Потсдамской конференции были подписаны Протокол и Сообщение о Берлинской конференции трех держав, которые заложили юридическую основу принятым решениям¹².

Сегодня открытым является вопрос: насколько результативной была советская дипломатия на трех конференциях Большой тройки в Тегеране, Ялте и Потсдаме? По мнению многих экспертов, советская дипломатия продемонстрировала высокий уровень организационной подготовки, искусство ведения переговоров, выдержку, компромиссные походы и, безусловно — максимальный результат, который можно было бы достигнуть, исходя из ситуации того времени.

Фактически через год мир войдет в новую, холодную войну, которая разделит политическую карту на две части «противоборствующих стран». Причем все контуры холодной войны будут сделаны во время президентства Г. Трумэна (с 1945 по 1953 гг.). Именно он принял решение о бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. Политика Трумэна была сориентирована на жесткое противостояние СССР и утверждение геополитического лидерства США во всем мире. Причем, сидя за столом переговоров в Потсдаме, Сталин и Трумэн не могли еще знать, что эта конференция станет началом их политического противостояния вплоть до 1953 г. Поскольку в 1953 г. умрет Сталин, а Г. Трумэн покинет свой президентский пост, передав его следующему президенту США — Д. Эйзенхауэру.

Печальным остается также то, что в современной публичной истории, представленной на Западе и США, эти исторические встречи Большой тройки антигитлеровской коалиции либо вообще отсутствуют, либо преуменьшается роль участия в них СССР. Стремление многих западных и американских политиков возложить равную с нацистской Германией роль за развязывание Второй мировой войны — просто противоречит историческим фактам.

Историю нельзя написать, поскольку она представляет собой совокупность подтвержденных исторических фактов и событий. К сожалению, в настоящее время на место истории как академической науки приходит публичная история, основанная на собственных мнениях, порой политизированных, отдельных политиков, журналистов и общественных деятелей.

Сложно было бы представить сегодня ситуацию, если бы лидеры Большой тройки — Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И. Сталин — смогли ознакомиться с современными

¹² История Великой Победы. Т. 3. С. 495–539.

публичными заявлениями ряда высоких политиков в Европе относительно роли СССР во Второй мировой войне. Уверена, многое бы их удивило и даже возмутило, в том числе враждебно настроенного к России У. Черчилля.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Девятков С.* Охрана Сталина была готова к бою у посольства в Тегеране // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20181128/1533622252.html> (дата обращения: 20.12.2021).
2. История Великой Победы : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. В. Торкунова. — М. : МГИМО-Университет, 2020. — 663 с.
3. История Великой Победы : в 3 т. Т. 3 / под ред. А. В. Торкунова. — М. : МГИМО-Университет, 2020. — 671 с.
4. *Рузвельт Э.* Его глазами. — М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1947. — 253 с.
5. *Рыбас С. Ю.* Сталин. — М. : Молодая гвардия, 2009. — 901 с.
6. *Сингер Б.* Стиль Черчилля. Искусство быть легендой. — М. : Эксмо, 2013. — 240 с.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов : в 6 т. — М. : Политиздат, 1978–1980. — Т. 2 : Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании: (28 ноября — 1 декабря 1943). 1978. — 197 с.
8. Эпоха Сталина. События и люди : энциклопедия / авт.-сост. В. В. Суходеев. — М. : Эксмо; Алгоритм, 2004. — 637 с.
9. *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. — М. : Международные отношения, 1981. — 414 с.

REFERENCES

1. Devyatov C. Okhrana Stalina byla gotova k boyu u posol'stva v Tegerane [Stalin's guards were ready to fight at the embassy in Tehran]. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20181128/1533622252.html> (accessed: 20.12.2021) (In Russ.).
2. Torkunov AV, editor. Istoriya Velikoy Pobedy: v 3 t. [History of the Great Victory: In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: MGIMO-University Publ.; 2020. (In Russ.).
3. Torkunov AV, editor. Istoriya Velikoy Pobedy: v 3 t. [History of the Great Victory: In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: MGIMO-University Publ.; 2020. (In Russ.).
4. Roosevelt E. Ego glazami [Through his eyes]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ.; 1947. (In Russ.).
5. Rybas SYu. Stalin [Stalin]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2009. (In Russ.).
6. Singer B. Stil Cherkhilya. Isskustvo byt legendoy [Churchill's style. The art of being a legend]. Moscow: Eksmo; 2013. (In Russ.).
7. Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: sb. dokumentov v 6 t. [The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941–1945: Collection of documents in 6 volumes]. Moscow: Politizdat, 1978–1980. Vol. 2: Tehran Conference of the Leaders of the Three Allied Powers — the USSR, the USA and Great Britain: (November 28 — December 1, 1943). 1978.
8. Sukodeev VV, editor. Epokha Stalina. Sobytiya i lyudi: entsiklopediya [The era of Stalin. Events and personas: Encyclopedia]. Moscow: Eksmo; Algorithm; 2004. (In Russ.).
9. Yakovlev NN. Franklin Ruzvelt: chelovek i politik. Novoe prochtenie. [Franklin Roosevelt: A man and a politician. A new reading]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1981. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.026-035

ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ И ОПЕРАТИВНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПАРТИЗАНСКОГО И ПОДПОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ УССР В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ладыга Александр Иванович, доцент кафедры теории и истории государства и права Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко, кандидат исторических наук, доцент
91055, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Пушкина, д. 1
lall1973@hotmail.com

© Ладыга А. И., 2021

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию ведущих направлений организационной работы советских органов государственной безопасности по созданию на территории УССР партизанских соединений (22 июня 1941 г. — 19 ноября 1942 г.). Проанализирована деятельность советских спецслужб в партизанской среде на территории УССР с целью раскрытия их вклада в отпор нацистским агрессорам и содействия Красной Армии. В основу публикации положены малоизвестные широкому кругу исследователей документы органов НКВД — НКГБ из архивных фондов.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; безопасность; органы государственной безопасности; партизанское движение; спецслужбы; оперативное обеспечение деятельности спецслужб; СССР; УСССР.

THE STATE SECURITY AGENCIES SIGNIFICANCE IN THE ORGANIZATION OF AND OPERATIONAL SUPPORT FOR THE GUERRILLA AND UNDERGROUND MOVEMENTS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE UKRAINIAN SSR DURING THE FIRST PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Aleksandr I. Ladyga, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Lugansk Academy of Internal Affairs named after E. A. Didorenko
ul. Pushkina, d. 1, Lugansk, People's Republic, 91055
lall1973@hotmail.com

Abstract. *The paper is devoted to a comprehensive study of the leading directions of the organizational work of the Soviet state security bodies concerning the creation of partisan formations on the territory of the Ukrainian SSR (June 22, 1941 — November 19, 1942). The activity of the Soviet special services in the partisan environment on the territory of the Ukrainian SSR is analyzed in order to reveal their contribution to the repulse of the Nazi aggressors and assistance to the Red Army. The publication is based on documents of the NKVD-NKGB bodies little-known to a wide range of researchers from archival funds.*

Keywords: *World War II, Great Patriotic War, security, state security agencies, partisan movement, special services, operational support of the activities of special services, USSR, USSSR.*

Заявленная тема исследования сложна и многогранна, она требует внимания не одного поколения исследователей. Без сомнения, к ней обращались исследователи, тем не менее белых пятен в истории органов государственной безопасности предостаточно.

Историографию темы можно разделить на несколько групп. Первая — это специализированные работы, созданные с учетом опыта работы 1941–1945 гг. для совершенствования подготовки личного состава к действиям в случае военного противостояния или в локальных конфликтах периода холодной войны. Ко второй группе относятся доступные научные работы, к третьей — научно-популярные произведения. Последнюю группу представляют исследования военных историков и теоретиков, созданные для разработки стратегии и тактики антипартизанских и антиправительственных действий, так как эти задачи были актуальными в эпоху распада колониальной системы, которые в недавнее время вновь приобрели практическую значимость.

В 1969 г. на спецобъекте Подмосковья начали работу курсы повышения квалификации офицерского состава, задачей которых было обучение сотрудников КГБ действиям в составе оперативно-боевых групп на территории противника. Тогда в составе советских органов госбезопасности не было подразделений, способных выполнять партизанские акции «в особый период». Инициаторами создания курсов и комплектования их составов выступили И. Г. Старинов, П. Е. Брайко (Герой Советского Союза, командир отряда партизанского соединения С. А. Ковпака), В. Н. Андрианов и Г. И. Бояринов — авторы исследований партизанских действий за линией фронта. Одновременно, в начале 1970-х гг., был сформирован 8-й отдел управления «С» (нелегальная разведка) 1-го главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР. Он выполнял информационные и научно-исследовательские функции в сфере изучения разведывательных действий сил специального назначения и готовил специалистов для военного времени¹.

Таким образом, с целью подготовки к действиям за линией фронта по линии 1-го главного управления пограничных войск КГБ СССР, Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба (ГШ) Вооруженных Сил СССР, других профильных структур (в частности, по подготовке в СССР командных и специальных кадров для национально-освободительных и колониальных движений в афро-азиатских странах) вышло немало монографий и учебной литературы. В ней особое внимание уделялось изучению, аккумулированию опыта работы органов НКВД — НКГБ, ГРУ ГШ в период войны. Также значимое место отводилось исследованию уроков «малой войны» именно на территории УССР². Труды В. Н. Андрианова, П. Е. Брайко,

¹ Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 194–195.

² См.: Андрианов В. Н. Партизанская борьба в современных войнах. М., 1988. 214 с.; Он же. Зафронтовая работа органов государственной безопасности. М.: ВКШ КГБ СССР, 1989. 248 с.; Боярский В. И. Партизанская борьба в годы Великой Отечественной войны и участие в ней органов и войск государственной безопасности. М.: Краснознаменный

В. И. Боярского, Г. П. Сечкина, И. Г. Старинова, адресованные профессионалам, не имели идеологической акцентуации и содержали профессиональный анализ организации, форм и методов внефронтовой работы спецгрупп НКВД — НКГБ, специальной деятельности партизан, структуру разведывательно-диверсионных подразделений, а также непревзойденный для «научных» изданий критический анализ табуированных страниц «малой войны». К примеру, даже книга П. Е. Брайко и И. Г. Старинова «Партизанская война» имела гриф «Секретно», а редакторы предупреждали, что «отдельные выводы» авторов — строго их собственное мнение. (Речь шла о волюнтаристском свертывании подготовки «профессиональных партизан» с середины 1930-х гг., существенные просчеты в подготовке к войне в тылу врага и обусловленные этим большие потери в 1941–1942 гг., «очковтирательство» результатов некоторых диверсионных операций.)

Особый вклад в исследование заявленной темы внесла кафедра по изучению тактики действий органов госбезопасности в «особый период», получившая название спецкафедры «М» в составе Высшей Краснознаменной школы (ВКШ) КГБ СССР в Москве. Ее возглавил участник войны, доктор исторических наук, профессор А. И. Цветков, уделявший особое внимание организации кафедральной научно-исследовательской работы в тесной связи с потребностями учебного процесса³. В 1980–1989 гг. при кафедре было защищено 18 кандидатских и одна докторская диссертации.

Среди научных достижений последних лет в области обобщения представлений о стратегии и тактике партизанских и подпольных групп и соответствующих контрпартизанских мер следует в первую очередь отметить солидный научно-практический труд В. И. Боярского⁴.

Изучению значимости органов государственной безопасности в организации партизанского и подпольного движения в военный период посвящен научный очерк украинского ученого А. С. Чайковского⁵. Несколько трудов, где изложены отдельные аспекты исследуемой нами проблемы, на основе документального наследия, представлены ученым и пенсионером Службы безопасности Украины Д. В. Веденевым⁶.

Исходя из актуальности и недостаточной изученности проблемы, целью нашей статьи является определение роли советских органов госбезопасности в организации деятельности подпольных и партизанских формирований и осуществление ими оперативной работы в 1941–1942 гг. Свое исследование мы построили на основе архивных документов УССР и специальных трудов.

Одним из основных и результативных направлений деятельности органов госбезопасности СССР стало участие в организации и оперативном обеспечении партизанского и подпольного движения. Первый этап развития партизанского движения (июнь 1941 — конец 1942 г.) отмечен серьезными просчетами, которые привели к

ин-т повышения квалификации офицерского состава Пограничных войск КГБ СССР, 1991. Ч. 1. 291 с. ; Ч. 2. 243 с. ; Брайко П. Е., Старинов И. Г. Партизанская война. М. : В/ч 64510, 1983. Ч. 1. 335 с. ; Зафронтовая работа оперативных групп органов государственной безопасности. М. : ВКШ КГБ СССР, 1989. 217 с. ; Сечкин Г. П. Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях. М. : Воениздат, 1976. 976 с. ; Старинов И. Г. Мины ждут своего часа. М. : Воениздат, 1964. 235 с. ; Он же. Подготовка партизанских кадров : науч.-практ. пособ. М. : В/ч 33965, 1989. 116 с.

³ Цветков А. И., Петренко П. Е. Борьба советской контрразведки с диверсионно-разведывательными и бандитскими формированиями противника в годы Великой Отечественной войны // Труды ВКШ КГБ СССР. 1985. № 34. С. 65–79.

⁴ Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. М. : Граница, 2003. 479 с.

⁵ Чайковский А. С. Айсберг: з історії органів внутрішніх справ і державної безпеки України / ред. Ю. П. Дяченко. К. : Парламентське вид-во, 2013. 703 с. С. 453–505.

⁶ Веденев Д. В. Таємний фронт Другої світової війни: розвідувальна та контррозвідувальна діяльність радянських органів державної безпеки в Україні (1939–1945 рр.) // Нариси воєнно-політичної історії України. Навчальний посібник. Острог : Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. 396 с. С. 318–340.

большим человеческим потерям и низкой эффективности борьбы во вражеском тылу. В первые месяцы войны военному руководству страны не хватало централизации в развертывании партизанского и подпольного движения. Такие формирования параллельно создавали не только органы госбезопасности, но и военная разведка, и 8-е отделы политорганов армий, органы партии и комсомола. Командиры и участники партизанских отрядов получали недостаточную подготовку (от 3 недель до нескольких дней). Кандидаты на работу в нелегальных условиях не проходили тщательную проверку, не оценивалась их профессионально-психологическая пригодность к действиям в экстремальных условиях. Отбор кадров осуществлялся преимущественно по признаку политической лояльности.

Неудивительно, что поражения на фронтах привели и к случаям измены Родине даже со стороны сотрудников НКВД, оставленных для организации партизанского сопротивления. Примеры трагических провалов содержат архивы силовых структур Украины. Один из самых сокрушительных ударов произошел в Киевской области, когда сотрудник НКВД Глухов, назначенный командиром партизанских отрядов северных областей УССР, стал резидентом немецкой разведки в конце сентября 1941 г. Он, к сожалению, выдал места расположения тайников с оружием и боеприпасами, оборудованием и продовольствием, а самое главное — точное местонахождение отрядов и систему организации партизанских и подпольных групп. По его свежим данным, 29 сентября в Ичнянских болотах был внезапным ударом уничтожен крупный, для 1941 г. (до 100 человек), партизанский отряд. На основе переданных немецким спецслужбам данных, осенью 1941 г. были ликвидированы подпольные группы Харькова и других городов, партизанские отряды Полтавской области. Тяжелый удар был нанесен подпольному и партизанскому движению Запорожского края, когда захваченный гестапо первый секретарь подпольного Запорожского обкома партии К. И. Мосиевич, испугавшись пыток, стал выдавать подпольщиков, структуру и систему связи подполья, районные комитеты партии. Став агентом немецкой спецслужбы, он успешно работал в этой роли до 1943 г.⁷

Уже в июле — августе 1941 г. начались экстренные попытки поиска новых форм партизанской борьбы. Одна из идей руководства НКВД УССР заключалась в создании из пограничников и оперативных сотрудников НКВД — НКГБ так называемых партизанских полков общим числом около 23 сотен бойцов. Идея была реализована. Через месяц оба полка ушли в рейды по тылам противника. После продолжительных боев со специальными и охранными частями противника 1-й партизанский полк НКВД был разбит в Житомирской области, а его командир А. Чехов погиб в сражении. 2-й полк повторил судьбу первого, и его бойцы пали в Ирдинских топях, а их командира В. Щедрина немцы раненого взяли в плен и после пыток, не получив от него информации, повесили в г. Черкассы. В результате, несмотря на потери, нанесенные противнику, и отвлечение части регулярных подразделений вермахта, такая форма оперативно-боевого применения оказалась малоэффективной. Пришлось переходить к действиям малыми группами до 30 человек. К началу зимы 1941 г. остатки полков прекратили свое существование. Из остатков батальонов 2-го полка создали 12 отрядов (чуть более 400 бойцов). Созданный чуть позже из первых двух полков 3-й партизанский полк НКВД был преобразован⁸.

Руководство органов госбезопасности вынужденно признало все недостатки своих региональных структур по развертыванию партизанских отрядов. К примеру, в приказе НКВД УССР от 07.09.1941 № 00125 подтверждалось, что управление наркомата в Полтавской области за месяц не создало ни одной партизанской или подпольной группы⁹. А в приказе НКВД УССР от 05.02.1942 № 0012 отмечалось, что УНКВД Сталинской области, оставив при отходе войск более ста партизанских

⁷ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 13. Д. 375. Л. 6–8, 64–65.

⁸ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 60. Д. 83501. Ч. 1. Л. 135.

⁹ Отраслевой государственный архив МВД Украины. Ф. 46. Оп. 10. Д. 49.

отрядов, констатировали наличие в тылу только 80, остальные рассеялись или отступили вместе с Красной армией, при этом сведения о более 40 отсутствовали, а связь существовала лишь с 6 отрядами¹⁰.

В целом отработанная и эффективная система антипартизанских мер, используемая европейскими оккупантами с активным привлечением предателей и врагов советской власти и, без сомнения, просчеты в организации движения сопротивления привели к трагическим для партизанского движения последствиям в 1941–1942 гг. Из оставленных на территории УССР до лета 1942 г. 35 000 бойцов, объединенных в более чем полторы тысячи отрядов, на связи оставались 110. Выжившими и не потерявшими боеспособность считают не более 8 % из заброшенных в тыл врага в 1941 г. партизанских групп¹¹.

Важнейшей проблемой в организации партизанского движения стало неудовлетворительное обеспечение средствами радиосвязи. В 1941 г. лишь 2 % партизанских формирований имели связь с «большой землей». При этом контакт обеспечивали связные, что в условиях отступления Красной армии было неэффективным, а взаимно ценная информация теряла актуальность, устаревала¹². Отметим, что уже к лету 1942 г. ситуация кардинально меняется, партизаны и подпольщики получили 100 портативных радиостанций (связью были обеспечены более 10 тыс. бойцов за линией фронта). Кроме того, заработали три специальных мощнейших радиостанции для связи с партизанами: одна — в Воронеже и две — в Луганске (Ворошиловграде)¹³.

Известно, что за управление и организацию партизанского движения отвечал на первом этапе войны 4-й отдел НКВД — УНКВД УССР. Об этом прямо говорит приказ НКВД СССР от 25.08.1941 № 001151, который возлагал на 4-е отделы НКВД — УНКВД организацию партизанского движения. Осуществив перестройку и модернизацию работы республиканских отделов НКВД СССР, военное руководство весной 1942 г. реорганизовало их в управления (тоже 4-е), сделав действительно основным инструментом секретных операций против агрессоров. Для организации борьбы в тылу врага и взаимодействия партизанских и подпольных групп с 6-й, 12-й, 18-й, 21-й, 38-й, 40-й и 56-й армиями Юго-Западного и Южного фронтов, которые вели боевые действия на территории УССР, органы госбезопасности создали при штабах армий оперативные группы из числа сотрудников НКВД.

4-й отдел НКВД УССР осуществлял подготовку к работе за линией фронта и отправку в тыл врага партизанско-диверсионные группы. За сентябрь — октябрь первого года войны было подготовлено 365 партизанских отрядов и диверсионных групп общей численностью 3 869 специальных бойцов, а в тыл врага отправлено свыше 120 партизанских отрядов общей численностью более 5 800 бойцов¹⁴.

Как показывает динамика развития партизанского движения на первом этапе Великой Отечественной войны, несмотря на значительные потери и организационные проблемы, оно постепенно превращалось в заметный фактор противостояния агрессорам. Боевые достижения созданных органами госбезопасности партизанских формирований по состоянию на май 1942 г. представлены следующими цифрами республиканского наркомата: уничтожено около 15 тыс. вражеских солдат, 290 офицеров, среди которых 2 генерала, около 1,5 тыс. полицейев, предателей и вражеских агентов, более 30 вражеских эшелонов, около 130 танков и бронетранспортеров, около 400 единиц автотехники, 59 складов, взорвано более 150 автомобильных и железнодорожных мостов, разгромлено более 20 штабов немцев и их союзников и др. Согласно учетным документам НКВД УССР, до весны 1942 г. на оккупированной территории УССР действовало около 700 отрядов с более чем 25 тыс. бойцов¹⁵.

¹⁰ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 9. Д. 52. Л. 1–3.

¹¹ Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 384 с. С. 47–48, 51.

¹² Попов А. Ю. Указ. соч. С. 43.

¹³ З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. 2000. № 1. С. 150.

¹⁴ З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. 2000. № 1. С. 84.

¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов. Т. 3. Кн. 1 : Крушение блицкрига (1 января — 30 июня 1942 г.). М. : Русь,

К лету 1942 г. 4-е управление НКВД УССР уже было не в состоянии охватить руководством все партизанские отряды Советской Украины. Постановлением Государственного комитета обороны создается Центральный штаб партизанского движения, а при Военсовете Юго-Западного направления — Украинский штаб партизанского движения. 29 июня 1942 г. ГКО СССР дал Украинскому штабу партизанского движения статус республиканского органа. Для более эффективной совместной работы армии и партизан в его состав ввели и начальников разведотделов Южного и Юго-Западного фронтов. Полномочия Украинского штаба партизанского движения распространялись на места дислокации этих фронтов, Крым, области Западной Украины, Молдавской АССР. В июле 1942 г. НКВД УССР передал в подчинение Украинского штаба партизанского движения более тысячи партизанских формирований¹⁶. Преобразовали и 4-е управление органов НКВД — НКГБ, которое теперь занималось исключительно оперативной работой, в том числе — помощью партизанам в развертывании разведывательно-диверсионной работы и налаживании контрразведывательной защиты своих формирований.

5 сентября 1942 г. был представлен приказ Верховного главнокомандующего № 00189 «О задачах партизанского движения», который имел концептуальное значение для развертывания борьбы в тылу врага. Именно этот приказ определял задачи органов госбезопасности по оперативному обеспечению партизанского движения. В частности, предписывалось создать широкую агентурную разведывательную сеть, найти источники оперативной информации в органах оккупационной власти, на предприятиях, коммуникациях. Соответственно, Украинский штаб партизанского движения для выполнения этих указаний начал подготовку специалистов-организаторов партизанских отрядов, с перспективой создания новых отрядов на потерянных в 1942 г. территориях, организации рейдов на правобережье УССР, создание «партизанских краев», налаживание взаимодействия с партизанами других союзных республик. Речь шла также об организации деятельности в Центральной Европе¹⁷.

В середине 1942 г. Наркомат обороны СССР утвердил структуру и штаты Украинского штаба партизанского движения — 63 единицы, которые включали и разведывательные отделы¹⁸. Деятельность разведывательного отдела Украинского штаба партизанского движения представляет особый интерес с точки зрения определения значимости органов госбезопасности в противодействии агрессорам на территории УССР, ведь он фактически стал специальным подразделением НКВД — НКГБ по организации оперативной работы в партизанской среде. Сам разведотдел и соответствующие подразделения в партизанских формированиях в основном укомплектовывались кадровыми сотрудниками НКВД, НКГБ, а также Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии. Личный состав разведотделов комплектовался прежде всего оперативниками, направленными 4-м Управлением НКВД УССР.

В первые месяцы существования разведотдела Украинского штаба партизанского движения заработали оперативные отделы в 13 крупных партизанских соединениях и отрядах. Разведывательное управление Украинского штаба партизанского движения курировало и работу фронтовых оперативных групп Юго-Западного фронта — 21, 28, 40, 60-й армий, Южного фронта — 6, 9, 12, 18, 39-й армий, Кавказского фронта — 56-й, 57-й армий. Всего в 1942–1944 гг. разведотдел Украинского штаба партизанского движения подготовил и направил за линию фронта 68 заместителей командиров партизанских отрядов по разведке. Они возглавляли «оперативные части партизанских соединений, а в партизанских отрядах существовали должности заместителей командира по разведке»¹⁹.

2003. 706 с. С. 393.

¹⁶ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 13. Д. 507. Л. 3.

¹⁷ Брайко П. Е., Старинков И. Г. Партизанская война. М.: В/ч 64510, 1983. Ч. 1. 335 с. С. 67.

¹⁸ Кентій А. В., Лозицький В. С. Війна без пощади і милосердя: партизанський фронт у тилу вермахту в Україні (1941–1945). К.: Генеза, 2005. 408 с. С. 91.

¹⁹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 275. Л. 5, 127, 146.

Основные ориентиры получения оперативной информации разведорганами спецслужб посредством партизанского движения определялись приоритетами разведобеспечения действующей армии и победой над агрессорами. В частности, в октябре 1942 г. начальник разведывательного управления Центрального штаба партизанского движения генерал-майор Аргунов утвердил «примерную схему разведывательной сводки» для штабов партизанского движения, которая должна была составляться каждые три дня. А 16.10.1942 он утвердил «перечень вопросов, разработанных по темам, в соответствии с планом работы отдела политического информирования»:

- административное управление и режим на оккупированной территории;
- состояние промышленности, сельского и коммунального хозяйства, торговли, снабжения; эксплуатация населения, налоговая политика;
- культура, образование, пресса и издательское дело, здравоохранение;
- положение конфессий и политика оккупационных властей в этой сфере;
- политические настроения населения, отношение немцев к различным социальным группам и националистическому движению;
- тактика противника в борьбе с партизанами, формирование карательных «добровольных» подразделений полиции из местных жителей;
- факты жестокости, грабежей, иных притеснений гражданского населения оккупантами и т.д.

Мониторинг ситуации позволил сформировать адекватные задачи, план работы и состав советской агентуры: разведчиков-резидентов, организаторов диверсионной деятельности, квалифицированных агентов по изучению политико-экономической ситуации, агентов, внедренных в разведывательные школы противника, националистические формирования и др.²⁰

Усиленная сотрудниками госбезопасности, партизанская разведка предоставила значительный объем информации, полезной фронту. Опергруппы НКВД — НКГБ (с соблюдением «легенды» и конспирации) базировались непосредственно в партизанских отрядах, что позволяло им противостоять карателям и маскировать свою работу в общей разведывательной деятельности партизан, облегчало связь с агентурой, работавшей в зоне деятельности партизанских формирований.

Совершенствование методов работы, рост количества подготовленных кадров и необходимость тщательного информационного обеспечения стратегического наступления Красной армии привели к появлению шести «особых отрядов», которые формировались на основе отдельных партизанских групп (перебрасывались преимущественно самолетами на партизанские базы).

С конца 1942 г. сотрудниками госбезопасности была организована качественная и всесторонняя подготовка командиров партизанских отрядов и спецгрупп (4 месяца вместо 3 недель). Так, подготовка офицеров при разведывательном управлении Украинского штаба партизанского движения предусматривала изучение оперативной обстановки на оккупированной территории, состояния объектов агентурной, войсковой разведки (штабов, аэродромов, коммуникаций и т.п.), способов агентурной, полевой, технической разведки и т.п.²¹

По настоянию органов госбезопасности в партизанские школы начали зачислять боевых офицеров, командиров с высшим инженерным образованием. За данный период «лесные академии» выпустили 5 тыс. диверсантов, способных даже из ассортимента аптек и фотомагазинов изготовить минно-взрывное устройство. Это сразу сказалось на результатах. Половина убитых солдат и три четверти уничтоженной техники противника за линией фронта — на счету партизан. При этом партизанские потери составили не более 5 % от их общих, а ущерб врагу наносила каждая

²⁰ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 178. Л. 73.

²¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 178. Л. 59–61.

четвертая партизанская мина, тогда как у армейских саперов на один подбитый танк приходилось четыре тысячи мин.

На высокий уровень поднялось оперативное планирование масштабных диверсий, согласованных и с наступательными задачами действующей армии. В качестве примера можно вспомнить подготовленный Украинским штабом партизанского движения и утвержденный начальником Генштаба Красной армии А. М. Василевским «План разрушения железнодорожных мостов через Днепр, Десну и Стирь» (1943 г.), что должно было привести к осложнениям движения поездов в восточном направлении на 30 суток²².

Важным направлением деятельности органов госбезопасности было оперативное обеспечение партизанского движения контрразведывательной защитой, направленной на срыв усилий спецслужб противника по созданию в партизанских формированиях собственных агентур, для сбора разведывательной информации, срыва акций партизан, разложения их изнутри, подведение их под удары карательных отрядов. Для этого немецкими спецслужбами использовались предатели, агентура из местных жителей.

Для выполнения контрразведывательных задач сотрудниками госбезопасности и подготовленными ими специалистами в партизанских отрядах применялись: наблюдение за подозрительными лицами, оперативный поиск и проверка, агентурное проникновение в спецслужбы и карательные органы противника, вспомогательные, антисоветские повстанческие формирования, захват и допрос сотрудников спецслужб, агентуры врага, физическая ликвидация предателей и лиц, совершавших военные преступления, и т.п. Решительных мер требовала ликвидация «псевдопартизан», среди которых было немало опасных уголовных преступников.

В результате росла боевая эффективность партизанских сил. Деятельность оперативных групп в тылу врага во время войны способствовала обеспечению разведанными Красной армией, развертыванию партизанского движения, подрыва военно-экономического потенциала противника, проведению других важных оперативных мероприятий, в том числе формированию агентурной сети за рубежом. Налаженная органами государственной безопасности система разведывательной и контрразведывательной работы партизанских формирований на территории СССР стала заметным фактором боевых успехов на фронте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрианов В. Н. Зафронтовая работа органов государственной безопасности. — М. : ВКШ КГБ СССР, 1989. — 248 с.
2. Андрианов В. Н. Партизанская борьба в современных войнах. — М. : Знание, 1988. — 214 с.
3. Боярский В. И. Партизанская борьба в годы Великой Отечественной войны и участие в ней органов и войск государственной безопасности. Ч. 1. — М. : Краснознаменный ин-т повышения квалификации офицерского состава Пограничных войск КГБ СССР, 1991. — 291 с.
4. Боярский В. И. Партизанская борьба в годы Великой Отечественной войны и участие в ней органов и войск государственной безопасности. Ч. 2. — М. : Краснознаменный ин-т повышения квалификации офицерского состава Пограничных войск КГБ СССР, 1991. — 243 с.
5. Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. — М. : Граница, 2003. — 479 с.
6. Брайко П. Е., Старинов И. Г. Партизанская война. Ч. 1. — М. : В/ч 64510, 1983. — 335 с.
7. Веденеев Д. В. Таємний фронт Другої світової війни: розвідувальна та контррозвідувальна діяльність радянських органів державної безпеки в Україні (1939–1945 рр.) // Нариси військово-політичної історії України. Навчальний посібник. — Острог : Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. — 396 с.

²² Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1639. Л. 1–2.

8. Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. — М. : Олма-Пресс, 2000. — 416 с.
9. Зафронтальная работа оперативных групп органов государственной безопасности. — М. : ВКШ КГБ СССР, 1989. — 217 с.
10. Кентій А. В., Лозицький В. С. Війна без пощади і милосердя: партизанський фронт у тилу вермахту в Україні (1941–1945). — К. : Генеза, 2005. — 408 с.
11. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов. Т. 3. Кн. 1 : Крушение блицкрига (1 января — 30 июня 1942 г.). — М. : Русь, 2003. — 706 с.
12. Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. — М. : Олма-Пресс, 2003. — 384 с.
13. Сечкин Г. П. Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях. — М. : Воениздат, 1976. — 976 с.
14. Старинов И. Г. Мины ждут своего часа. — М. : Воениздат, 1964. — 235 с.
15. Старинов И. Г. Подготовка партизанских кадров : науч.-практ. пособие. — М. : В/ч 33965, 1989. — 116 с.
16. Цветков А. И., Петренко П. Е. Борьба советской контрразведки с диверсионно-разведывательными и бандитскими формированиями противника в годы Великой Отечественной войны // Труды ВКШ КГБ СССР. — 1985. — № 34. — С. 65–79.
17. Чайковский А. С. Айсберг: з історії органів внутрішніх справ і державної безпеки України. — К. : Парламентське вид-во, 2013. — 703 с.

REFERENCES

1. Andrianov VN. Zafrontovaya rabota organov gosudarstvennoy bezopasnosti [Frontline work of state security agencies]. Moscow: VKSH of the KGB of the USSR Publ.; 1989 (In Russ.).
2. Andrianov VN. Partizanskaya borba v sovremennykh voynakh [Guerrilla warfare in modern wars]. Moscow: Znanie Publ.; 1988 (In Russ.).
3. Boyarsky VI. Partizanskaya borba v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i uchastie v ney organov i voysk gosudarstvennoy bezopasnosti [Guerrilla warfare during the Great Patriotic War and the participation of state security bodies and troops in it]. Part 2. Moscow: Krasnoznamenny Institute for Advanced Training of officers of the Border Troops of the KGB of the USSR; 1991 (In Russ.).
4. Boyarsky VI. Partizanskaya borba v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i uchastie v ney organov i voysk gosudarstvennoy bezopasnosti [Guerrilla warfare during the Great Patriotic War and the participation of state security bodies and troops in it]. Part 2. Moscow: Krasnoznamenny Institute for Advanced Training of officers of the Border Troops of the KGB of the USSR; 1991 (In Russ.).
5. Boyarsky VI. Partizanstvo vchera, segodnya, zavtra [Partisanship yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Granitsa; 2003 (In Russ.).
6. Braiko PE, Starinov IG. Partizanskaya voyna [Guerrilla warfare]. Part 1. Moscow: military division 64510; 1983. (In Russ.).
7. Vedeneev DV. Taemnyy front Drugoi svitovoi viyni: rozviduvalna ta kontrozviduvalna diyalnist radyanskikh organiv derzhavnoi bezpeki v Ukraini (1939–1945 rr.). Narisi voenno-politichnoi istorii Ukraini. Navchalny posibnik. Ostrog: Vidavnitsvo National University «Ostrozka akademiya»; 2014 (In Ukrainian).
8. Drozdov Yul. Zapiski nachalnika nelegalnoy razvedki [Notes of the head of illegal intelligence]. Moscow: Olma-Press; 2000 (In Russ.).
9. Zafrontovaya rabota operativnykh grupp organov gosudarstvennoy bezopasnosti [Frontline work of operational groups of state security agencies]. Moscow: VKSH of the KGB of the USSR Publ.; 1989 (In Russ.).
10. Kentiy AV, Lozitsky VS. Viyna bez poshchadi i miloserdyia: partizanskiy front u tilu vermakhtu v Ukraini [War without mercy: the partisan front behind the lines of the Wehrmacht in Ukraine (1941–1945)]. Kiev: Geneza Publ.; 2005 (In Ukrainian).

11. Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov [State security bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents]. Vol. 3. 1: «The collapse of the Blitzkrieg» (January 1 — June 30, 1942). Moscow: Rus Publ.; 2003 (In Russ.).
12. Popov A Yu. NKVD i partizanskoe dvizhenie [The NKVD and the partisan movement]. Moscow: OLMA-Press; 2003 (In Russ.).
13. Sechkin GP. Sovetskie pogranichnye voyska v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. i vozmozhnye ikh deystviya v sovremennykh operatsiyakh [Soviet border troops in the Great Patriotic War of 1941–1945 and their possible actions in modern operations]. Moscow: Voenizdat Publ.; 1976 (In Russ.).
14. Starinov IG. Miny zhдут своего часа [Mines are waiting in the wings]. Moscow: Voenizdat Publ.; 1964 (In Russ.).
15. Starinov IG. Podgotovka partizanskikh kadrov: Nauch.-prakt. posob [Training of partisan cadres: Scientific and practical study guide]. Moscow: Military unit 33965 Publ.; 1989 (In Russ.).
16. Tsvetkov AI, Petrenko PE. Borba sovetskoy kontrrazvedki s diversionno-razvedyvatelnymi i banditskimi formirovaniyami protivnika v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The struggle of Soviet counterintelligence with sabotage and reconnaissance and bandit formations of the enemy during the Great Patriotic War]. *Proceedings of the KGB of the USSR*. 1985;34: 65-79 (In Russ.).
17. Tchaikovsky AS. Aysberg: z istorii organiv vnutrishnikh sprav i derzhavnoi bezpeki Ukraïni [Iceberg: z istorii organiv vnutrishnikh spravnoi derzhavnoi bezpeka Ukrainy]. Kiev: Parliamentske vid-vo Publ.; 2013 (In Ukrainian).

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.036-046

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА КОГНИТИВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Николаев Сергей Владимирович, директор по социально-экономическим исследованиям Интеллектуального партнерства по развитию и интеграции общества ИПРИО

111394, Россия, г. Москва, ул. Новогиреевская, д. 52

svn@iprio

© Николаев С. В., 2021

Аннотация. Статья рассматривает вопросы анализа и обобщения управленческих практик на историческом материале Второй мировой войны, используемый как когнитивный фреймворк. Вопросы стратегического управления в условиях неопределенности имели и имеют крайне важное значение при критических изменениях современности, экспоненциальном росте объема данных и уровня сложности.

Ключевые слова: ментальная модель; когнитивный фреймворк; СССР; Великая Отечественная война; информационный континуум; принятие управленческих решений; неопределенность; научно-экспертное сопровождение; трансдисциплинарность; коллективный интеллект.

ADMINISTRATIVE DECISION-MAKING IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY BASED ON THE COGNITIVE-HISTORICAL MODEL OF THE SECOND WORLD WAR

Sergey V. Nikolaev, Director of Socio-Economic Research of the Intellectual Partnership for Progress & Integration of Society-IPRIO Society
ul. Novogireevskaya, d. 52, Moscow, Russia, 111394

svn@iprio

Abstract. The paper examines the issues of analysis and generalization of administrative practices on the historical material of the Second World War, used as a cognitive framework. The issues of strategic management in conditions of uncertainty have been and are extremely important in the critical changes of modernity and the exponential growth of the volume of data and the level of complexity.

Keywords: mental model, cognitive framework, USSR, Great Patriotic War, information continuum, administrative decision-making, uncertainty, scientific and expert support, transdisciplinarity, collective intelligence.

Вопросы стратегического развития и управления в человеческом обществе изначально имели военно-прикладной характер, что обусловлено архаичностью человеческого бытия в дихотомии «жить или не жить». Военные стратегии как основа выживания перешли в общественные отношения — идеология поединка в спорте как первобытно-античная традиция, экономика и общество Японии построены на кодексе самураев Средних веков бусидо (武士道 — «путь воина»), японский принцип «бизнес — это война» пришел в классику современного менеджмента¹, фраза А. Моруа «бизнес — это сочетание спорта и войны» стала темой сочинения ЕГЭ по обществознанию.

Кроме того, мир проходит стадию перехода через катастрофические изменения к новой социо-техничко-экономической реальности, сопоставимую по масштабам с неолитической революцией, эпохально изменившей бытие человечества. В этой связи вопросы стратегического управления в условиях неопределенности являются одной из ключевых проблем современности.

Объект исследования — вопросы стратегического управления на сопоставлении стратегий Второй мировой войны и современных стратегий управления, предмет — ретроспективный анализ военно-политических стратегий и их последствий в предвоенный и ранний период Великой Отечественной войны. Гипотеза — государственное и военное управление СССР в 1941 г. проявило как эффективные опережающие военно-политические стратегии, так и недостаточное применение экспертно-методологического сопровождения военной науки и практики. Результатом станет рассмотрение новых граней теории принятия управленческих решений (ПУР) и тем самым ее обогащение и приращение научных знаний.

В методологический аппарат исследования включено использование глубоко изученного исторического материала, проанализированного во множестве аспектов Второй мировой войны. Выявленные и описанные многофакторные причинно-следственные связи исторических событий формируют фреймворк — объемную модель когнитивно-фактологического континуума на историческом материале, описавшем военно-политическую реальность середины XX в. Изучение возникновения и последствий реализации военных стратегий 1930–1940 гг. и их соотнесение с современным пониманием управленческих стратегий XXI в. через призму когнитивного фреймворка в едином методологическом ключе позволяет провести взаимный перекрестный анализ.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИИ О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Стратегическая, оперативная, тактическая разведка СССР вносили разногласье, в том числе дезинформацию о планах нападения Гитлера и сроках реализации. Дипломатия СССР поставляла разнородную информацию, что характерно для политических международных переговоров «двойного дна» и предположительности («политика — искусство возможного»). В современном мире неопределенность является штатным фоном для управленческих решений и используется сценарный подход возможного развития, подбор мер снижения рисков. Для оценки информации используют консенсус-прогноз, учет частотности версий, приоритизацию, перепроверку, анализ и т.д.

Из существовавших возможных трех направлений удара Германии тактическая авиаразведка Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) по наибольшей концентрации войск вермахта на границе СССР определила Север и Центр (Запад). Внешняя разведка СССР имела три подтверждаемых версии плана нападения «Барбаросса», из которых также был акцентирован Запад. Таким образом, с высокой степенью вероятности можно было сопоставить ключевые выводы стратегического, оперативного и тактического уровней, собрав тем самым методологическую целостность. Сформированная таким образом объективная динамическая модель

¹ Андерсон Д. Бизнес — это война. М. : АБ Пабблишинг Трейд, 2015. 36 с.

информационно-смыслового континуума позволяла моделировать и прогнозировать варианты изменения стратегии (план «Барбаросса» был изменен ходом А. Гитлера на Юг, 1941–1942 гг.) по слабым сигналам и логике войны.

РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СТАЛИНА

Бытует мнение, что в плане стратегического руководства у Сталина не было постоянных советников, что обусловлено моделью единоличного ручного управления. Отчасти это так, ярко выраженный орган коллективного обсуждения (по-современному «мастер-майнд», *mastermind*) не существовал из-за отсутствия соразмерных Сталину авторитетов и личностей одного ранга. Вместе с тем в его ближайшее окружение входили высшие чины государства, с кем происходило глубокое и обстоятельное общение в формате совещаний и неформальных ужинов. Таким образом, существовал «коллективный интеллект» как «организационный мозг» высшего руководства СССР с балансом коллегиальности и личной ответственности за ПУР. Накануне войны была полноценная система государственного управления. Главный военный совет (ГВС, 1938–1941 гг.) руководил военными кампаниями РККА в Польше, Финляндии, Бессарабии. В коллегиальный ГВС входило 8 руководителей Наркомата обороны, принималось решение, утверждалось наркомом обороны и направлялось Сталину. От него проект решения поступал в Правительство СССР и далее в Генеральный штаб (ГШ) как обязательное к выполнению постановление.

Достоверно известно по реконструкции приказов, что предписания о подготовке оружия отправлено 11 июня 1941 г., о полной боеготовности — 16 июня, о скрытном выдвижении на огневые рубежи — 18 июня². Борьба мнений и противоречивой информации по каналам дипломатии и разведки о нападении Германии отразилась в Директиве № 1, направленной на границу еще 21 июня. Она носила стратегически тонкий характер — привести войска в полную готовность, но не поддаваться на провокации («готовиться к худшему, надеяться на лучшее» — противоречие по теории Альтшуллера ТРИЗ). Это робастная стратегия по достижению целей при любых негативных и позитивных сценариях, которая в силу своей неординарности оказалась недопонятой командирами на местах. Любые заметные действия РККА могли выставить войну с Германией в неблагоприятном свете, где СССР предстал бы агрессором и изгоем, с открытием второго фронта с Японией (инверсия вины).

Таким образом, политико-стратегические выводы Сталина на пике концентрации стратегической информации должны были быть преобразованы Жуковым на язык однозначно понимаемых военно-стратегических действий командным составом приграничных частей РККА, интегрированных в логику предвоенных и военных действий: воинские уставы, оперативные планы и т.д.

Но войска на местах получили Директиву № 1, наполненную противоречиями и неопределенностью: что практически означает фраза «встретить возможный внезапный удар немцев» и как ее понять в военном оперативно-тактическом плане? Смысл ее был обозначен Сталиным в 22:20 накануне 22 июня 1941 г., далее короткий текст в несколько абзацев разрабатывался Жуковым, был отправлен в 00:30. В 01:45 был принят в Западном военном округе, направлен в части РККА в 02:35, не считая времени на дешифровку и передачу команд на места. И это в ситуации заранее приведенной боевой готовности. В течение дня 22 июня были выпущены противоречащие друг другу новые директивы: № 2 об атаке противника до восстановления границы СССР, № 3 — о ведении войны на территории врага.

Жуков как начальник ГШ РККА, участвующий в выработке финальной редакции директив июня 1941 г., по складу ума и мышления не обладал методологическим мышлением — органически не переносил бумажную работу с документами и

² Прудникова Е. А. За десять дней до войны. РККА начала готовиться отразить немецкое вторжение задолго до 22 июня 1941 года // Библиотека Лента.ру. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/21/22_june/ (дата обращения: 20.12.2021).

планами. Между тем корректная конвертация вложенных смыслов с уровня высшей (международно-политической) стратегии представляет собой сложный методологический переход:

- 1) каскадирование на нижестоящий оперативный уровень;
- 2) перекодировка в иное прикладное военно-техническое значение.

Как пример: при переводе с одного языка одной специфичной культуры и образным представлением на другой язык с иным смысло-семантическим образным представлением возможно тройное искажение в транзакциях даже в формально одной семантически-языковой отрасли (Смысло-представление1 → Язык1 → Язык2 → Смысло-представление2). Смысловая инфляция в трех коммуникационных транзакциях могла быть значительно сокращена по времени и объему при использовании трансдисциплинарного подхода, когда конвертация в иную отраслевую сферу (ортогонально — т.е. смежно, но без пересечения) и дешифровка сохраняет смысл, т.е. суть: Смысло-представление1 = Смысло-представление2.

Вопреки суждениям о «впадении в прострацию», Сталин как глава государства в первые часы и дни войны проводил множество встреч. Катастрофа падения обороны Белорусского направления не была осознана ввиду потери связи и управляемости ситуации. После начала Великой Отечественной войны в короткое время были созданы чрезвычайные органы управления страной — Государственный комитет обороны во главе со Сталиным, которому была отдана вся полнота власти (30 июня 1941 г.). Сталин был безусловным национальным и идеологическим лидером страны, управляя партийными и государственными делами, концентрируя весь комплекс государственного управления в условиях фактической катастрофы базовых политико-международных основ. При этом планы мобилизации и ведения войны, не являющейся чем-то невозможным и даже ожидаемым, должны быть разработаны ГШ заранее и автоматически внедрены в первые минуты Великой Отечественной войны.

Вряд ли данные особенности ПУР предвоенного СССР обусловлены исключительно т.н. «культом личности», индивидуально-психологической персоной Сталина и единоличности как системы управления. Существовавшее тогда доминирование идеологии построения социализма, небывалой в истории общественно-экономической формации и поэтому с неапробированными принципами, действовало в форме коллективного сознания («эгрегора») вне «ручного управления» — в иной организационно-политической парадигме. Эти несоответствия идеологического доминирования в предубеждениях сугубо наступательных операций были пересмотрены только после ряда военных катастроф 1941–1943 гг. (Дубно, Керчь, Харьков, Ржев). Василевский писал о Сталине: «в полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбой по-новому он стал лишь в ходе сражения на Курской дуге», т.е. в 1943 г. Но Сталин и не был полководцем, делегируя это в ГШ.

При этом же идеологическая доминанта сплотила народ СССР и движение антифашизма во всем мире в экзистенциальной борьбе на выживание с человеконенавистническим режимом Гитлера.

РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГИТЛЕРА

Многие современники говорили об одержимости Гитлера. Выход за рамки здравого смысла продолжился в грубом взломе международного права и начала захватнической экспансии — аншлюса Австрии и аннексии Судет (1938 г.) при бездействии системы коллективной безопасности Европы.

Гитлер как участник Первой мировой войны, закончившейся для Германии катастрофой, должен был опасаться войны на два фронта, поэтому его вялотекущая война с Англией предоставляла СССР определенную страховку (1939 г.). В совокупности факторов гипотетическое нападение Гитлера на СССР оценивалось как практически невозможная и не имеющая шансов невероятная авантюра. Однако на это он пошел вынужденно под грузом ответственности за раскрытый заговор против

США, Англии и СССР. Планы Германии по мировому господству, нападению на СССР и свержению Черчилля раскрылись (май 1941 г., «миссия Гесса»). Западня, в которой оказался Гитлер, и его отчаянный безнадежный шаг могли быть просчитаны в треугольнике сил «Запад — Германия — СССР» по теории игр.

При всем верховном целеполагании Гитлера в нацистской экспансии военное планирование формировалось в аппарате вермахта как концентрате органов власти Германии 1930–1940 гг. Авантюризм Гитлера, обрушивший истинные национальные интересы Германии, логику военной науки и международного права, приводил к заговорам высших чинов вермахта с целью государственного переворота, смены курса и 50 покушениям на Гитлера.

Спецслужбы, МИД и пропаганда Германии вели широкомасштабную дезинформацию немецкого и мирового сообщества (дезориентирование, возгонка неопределенности, управление хаосом, стратагема «война как хитрость» Сунь Цзы). Гитлер лавировал во внешней политике, делая предложения СССР о вхождении в якобы «партнерские» отношения против Англии. Германия уверяла СССР в ненападении, в том числе личном доверии между главами государств («письменные гарантии» Гитлера Сталину 1941 г., Буша-старшего Горбачеву 1990 г., Байдена Путину 2021–2022 гг.).

При этом Гитлер подталкивал Японию начать войну против флота и колоний Великобритании на азиатском театре военных действий, делегируя и распределяя силы Тройственного пакта Германии, Италии, Японии (1940 г., страны «оси») во Второй мировой войне. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией (13 апреля 1941 г.) оказался очевидно выгоден Сталину, сумевшему остановить экспансию Японии на Дальний Восток и вбить разногласия в страны «оси», и парадоксально выгоден Гитлеру³ (борьба противоположностей в диалектике), который перебросил и сконцентрировал на театре военных действий Европы свои войска, ранее размещенные в Японии для ее защиты от возможных атак СССР в рамках союзничества стран «оси».

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕГОТОВНОСТЬ СССР К НОВОМУ ТИПУ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Несмотря на проявленный успех Германии по управлению большими массами войск против Польши (1939 г.) и Франции (1940 г.), военачальники СССР не смогли предвидеть мощи, скорости и организованности ударов Германии. Нарком обороны Тимошенко публично заявил, что «нет ничего нового» в том, как быстро Гитлер провел развертывание войск и достиг стратегических целей войны серией последовательных операций (31 декабря 1940 г.). Тимошенко методически не оценил также логику основного направления наступления вермахта.

Германия при захвате Франции и Польши показала стратегию как удар на опережение мобилизации противника со всей мощностью развернутых сил (1939 г.). Механизированные корпуса РККА, расформированные в 1939 г., стали поспешно формироваться вновь с учетом поражения Франции (июль 1940 г.). Принятая в 1930-е гг. общевойсковая концепция РККА как стратегия непрерывных операций в одном направлении (наступательная теория глубокого боя Тухачевского на основе плана Шлиффена Первой мировой войны) по быстрому взлому обороны в нескольких местах и танковому прорыву апробированы Жуковым в боях на Халхин-Голе (1939 г.). Жуков опирался на заимствованную у Тухачевского ментальную модель «контрблицкриг» с идеологическим включением «молниеносной победы на территории врага». При этом несоразмерно большое место занимал опыт Первой мировой войны (и в Германии, и в СССР) и Гражданской войны⁴, заслоняя практику боевых действий

³ Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. 1939–1941. М.: Рипол Классик, 2011. С. 915.

⁴ Военные и военно-теоретические уроки. Блицкриг: подготовка, реализация, крах // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. М.: Кучково поле, 2015. Т. 12: Итоги и уроки войны. 864 с.

в предшествовавших Второй мировой войне региональных войнах. Возможно, поэтому полководцы с боевым опытом не проявили умение в первые годы Великой Отечественной войны («керченская катастрофа» Козлова; первые неудачи Жукова и Тимошенко 1941–1942 гг.).

Несмотря на детальное знание подобной теории и применение данной стратегии вероятным противником, СССР оказался не готов к ее использованию со стороны агрессора против себя. ГШ провел несколько военно-стратегических игр группы генералов — «синих» (немцы) против «красных» под командованием Жукова и Павлова соответственно (январь 1941 г.). Итогом моделирования и изучения кейсов военных операций Германии стал разгром «красных», что повторилось в начале Великой Отечественной войны — т.е. мысленный эксперимент удался, с некоторыми искажениями. Но Жуков при этом не учел эти выводы: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен» (1941 г.)⁵. Таким образом, когнитивная модель (фреймворк) в виде набора военных, технических и природных факторов и стратегий были известны, но не учтены, что привело к катастрофе и большим потерям СССР. В это же время аналогичные командно-штабные военные игры проводили в ГШ вермахта (декабрь 1940 г.).

Неоднозначный опыт военных действий РККА в Финляндии и Польше также не оказался учтен в должной степени, хотя они происходили в сходный исторический период на сходном театре военных действий по сходным методикам и подвергались корректному и результативному сопоставлению. Распропагандированные лозунги, что РККА в любом случае ответит «двойным ударом на удар» и победит «малой кровью», были опровергнуты в ходе финской войны.

Сталин не сделал должных выводов и публично декларировал победу: «Не только финнов победили, но и технику передовых европейских государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию» (17 апреля 1940 г.). Но реальным итогом финской войны стали следующие изменения, оказавшие серьезное влияние на победный исход будущей Великой Отечественной войны: выпуск нового скорострельного пистолет-пулемета Шпагина, обкатка танков с усилением брони и огневой мощи (Т-34 и КВ), обновление тактики партизанской и противотанковой войны. При этом промышленная политика СССР добилась крупных успехов индустриализации в рамках подготовки к противостоянию: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1931 г.)⁶. Но при этом по главному компоненту войны — пороху — обеспеченность была лишь на 30 %. Порох, присадки к авиатопливу, как и критические технологии токарных станков Loudon и Lodge для производства улучшенного «танка Победы» Т-34-85 (1943 г.)⁷, и многое другое было получено по ленд-лизу⁸ — промышленность СССР не была готова в полной степени.

В период 1938–1941 гг. произошла полная замена командующих военными округами, на 80–90 % сменились их заместители и начальники служб (родов войск), командиры корпусов, дивизий и полков. Но кадровые чистки в рядах РККА (1937 г.) не предотвратили измены и нарушений воинской дисциплины высших офицеров — провал Западного военного округа РККА, генерал Власов.

Руководители армии, упоминавшие оборонную доктрину (нарком Тимошенко, его заместитель Шапошников, начальник ГШ Мерецков), были убраны на вторые роли. Мерецков, в соответствии с должностью и сферой ответственности начальника ГШ РККА, заявил о необходимости укрепления границы и введении военного положения в силу неизбежности войны с Германией, за что его отстранили от

⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 217.

⁶ Сталин И. В. О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. М. : ОГИЗ, 1931.

⁷ Барятинский М. Б. Т-34 в бою. М. : Яуза : Эксмо, 2008. С. 352.

⁸ Стеттинус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М. : Вече, 2000. 400 с.

должности, посчитав «паникером войны». Вместо него назначили Жукова, который «от противного» в рамках идеологии, но в ущерб экспертной этике военной науки придерживался сугубо атакующей стратегии в русле царящей политико-идеологической доминанты. Военные теоретики вынужденно ориентировались на идеологические установки в иной ортогональной смысловой плоскости, что неизбежно вело к ошибкам планирования.

При этом ощутимо не хватало системы мер (доктринальные и стратегические документы, органы управления военного времени) на случай витавшей в воздухе войны после оккупации Гитлером Европы (1936–1940 гг.). Недостаточная институционализация военного управления в предвоенной ситуации, особенно при кажущейся безупречности и четкости госуправления СССР, представляется парадоксом. Государство и армия должны быть эффективны в своей «внутриотраслевой» логике в обеспечении национальных интересов, прогнозируя и оперативно реагируя на начало войны с позиций научно-объективного управления, уставов и планов, боевых и резервных позиций, в том числе пакетов часа икс.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ И ОПЕРЕЖАЮЩИЕ СТРАТЕГИИ СССР

Оценивая быстрое затухание темпов блицкрига Германии (август 1941 г.), можно сделать вывод, что он был обречен уже в 1939 г., когда состоялся перенос границ СССР на 300 км западнее. Технический анализ Великой Отечественной войны показал: немецким танкам не хватило физических ресурсов на дистанции свыше 500 км — моточасов работы двигателей танков, снабжения горючим. Из-за массовых небоевых потерь танков Гудериан не мог вести блицкриг прорывами танковых клиньев, наступление на Москву остановилось (август 1941 г.). Сбой ритмики перешел в затяжную осенне-зимнюю кампанию⁹, что медленно, но верно переломило ход Великой Отечественной войны в проигрыш Германии. Так проявилось свойство «антихрупкость» (переход количества в качество диалектики) — слабость в контроле территорий СССР стала его силой, к пространствам которого Третий рейх не был готов. Лично Гитлер допустил грубые ошибки планирования и навязал их ГШ вермахта — отсутствие сценария зимней войны, расфокусировка главных ударов, слишком широкий фронт, недооценка стратегических сил и ресурсов соперника.

План «Барбаросса» был обречен уже в марте 1941 г. на стадии приготовления. По мемуарам Судоплатова, в это время началась операция разведки СССР¹⁰ (возможно, совместно с Англией) по помощи военным и обществу Югославии в свержении своего режима, присоединившегося к Тройственному союзу Гитлера. Против неожиданной возникшей на фланге Германии ярой антифашистской страны вермахт начал наступление (April War, «Директива № 25» — апрель 1941 г.). Это нарушило ритмику подготовки Гитлера к вторжению в СССР, отняло календарный жизненно важный месяц у вермахта (блицкриг планировали в мае 1941 г.) и подарило его РККА для укрепления обороны. Судя по всему, Германии не хватило именно этого хронологического ресурса для успешной летней кампании (1941 г.).

Превентивным шагом, мало оцененным историографией, стратегически обеспечившим неминуемое поражение Германии, стал ввод войск Англии и СССР в Иран для южного коридора ленд-лиза между ними и одновременно отрезания Гитлера от иранской нефти (операция «Согласие», август 1941 г.)¹¹.

⁹ «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. М.: Наука, 1967. 752 с.

¹⁰ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: Олма-пресс, 1997. С. 688.

¹¹ Голуб Ю. Т. СССР и Великобритания на пути к операции «Согласие», август 1941 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2015. Т. 15. № 4. С. 99–108.

Благодаря совокупности превентивных стратегий СССР, уже в ноябре 1941 г. высшее руководство рейха (рейхсминистр вооружения Тодт, начальник ГШ вермахта Гальдер, командующие Рундштедт и Гот) признало фактическое поражение Германии, советуя Гитлеру отвод войск и политические переговоры¹². Разведка СССР сумела обострить напряжение США и Японии (операция «Снег», 1940–1941 г.), каскад взаимных угроз дошел до американо-японской войны в рамках Второй мировой войны (Перл-Харбор, декабрь 1941 г.).

ВЗАИМНЫЙ ХАОС ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ ВОЙНЫ

Германия при нападении на СССР резко изменила шаблоны и привычные паттерны начала и ведения войны. Вермахт начал войну по трем стратегически расходящимся направлениям шириной 900 км, что не входило в методологический фреймворк военной науки того времени. Положение СССР при угрозе захвата Москвы, потерь армий первого эшелона численностью 5,3 млн человек, больших потерь вооружений и боеприпасов, а также утери значительных агропромышленных территорий, оценивается отечественными военными историками как «висящее на волоске» (октябрь 1941 г.)¹³.

Необходимо отметить, что в ходе турбулентных военных действий в первые месяцы войны как со стороны Германии, так и со стороны СССР был потерян контроль ввиду быстрой смены ситуации, потери связи, прекращения снабжения войск и управляемости ситуации в целом. Случалось, что разрозненные окруженные части РККА объединялись и становились большой силой, как и партизанские отряды, неожиданно нанося удары по инфраструктуре вермахта в тылу оккупированной врагом территории. Таким образом, в первые месяцы Великой Отечественной войны проявилась взаимная хаотичность при ведении боев и управления войсками, но проявленность и катастрофичность ущерба для СССР оказались значительно выше.

Сегодня хаос описан в естественных и прикладных науках, а также биологических, социальных и технических сферах как нелинейность систем (Пуанкаре, Колмогоров, Пригожин). При кажущейся непредсказуемости хаос развивается по некоторым закономерностям, проявляя определенные поведенческие схемы развития и сценарии (теория хаоса, аттракторы, фракталы), т.е. поддается обузданию и использованию. Принцип (закон кибернетики) необходимого разнообразия Эшби утверждает, что управление сложной системой, обладающей некоторым разнообразием, требует превосходящего разнообразия. В реальности это означает, что хаос как внешнее обстоятельство нельзя побороть, но можно заложить в управляемой системе внутренние точки роста и вариативности, которые дают преимущество при резкой смене ситуации. Неопределенность, воспринимаемая как невыявленная угроза, используется как фактор психологической манипуляции и ксенофобии (принцип в шахматах «угроза страшнее исполнения»), при этом она служит источником нового развития. Сегодня неопределенность преодолевается методами научно-объективного прогнозирования, теории хаоса, сценарного проектирования, в том числе по слабым сигналам.

Управление в таких условиях протекает не по стратегическим шаблонам, а ситуативно. В этом можно усмотреть явление предсингулярных явлений, тогда скорость между новыми событиями резко растет ($V=S/t \rightarrow \infty$), то есть время между изменениями резко падает ($t \rightarrow 0$) — следовательно, изменение ситуации не осознается ее участниками. Данные командований воюющих стран устаревали на несколько дней от реальной ситуации, при этом ведущие боевые действия солдаты и офицеры не понимали общей складывающейся картины («фронт без линии фронта»).

¹² Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941 — сентябрь 1942). М. : АСТ: Астрель; Владимир : ВКТ, 2010. 704 с.

¹³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. / под ред. В. А. Золотарева [и др.]. М. : Воениздат, 2011. Т. 1 : Основные события войны. 932 с.

Эта ситуация впоследствии привела к созданию полковником ВВС США Бойдом на основе быстро меняющегося воздушного боя теории НОРД (наблюдение, ориентация, решение, действие) как цикла из тактов адаптации и саморегуляции (петля Бойда, Boyd Cycle).

ВЛИЯНИЕ ДЕФИЦИТА НАУЧНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПУР НА ХОД ВОЙНЫ

Так или иначе, компонент военного управления СССР в первые годы войны оказался очевидно проваленным в устойчивой структуре общественно-политического управления государства и общества в целом. Победа далась самоотверженностью солдат, которые ценой порой десятикратных потерь (баланс 50 : 1 в операциях под Керчью и Харьковом, 1942 г.) в живой силе, не считая попавших в плен, сдерживали продвижение вермахта, что в условиях развала военно-стратегического и оперативного управления часто не давало значительных результатов.

Представляется заслуживающим внимания сравнение провалов военного управления и эффективность работы тыла — эвакуация (кроме нескольких частных случаев), разработка и введение новой военной техники, запуск военного производства, снабжение войск. В конечном счете победа в войне была обеспечена ресурсами в нескольких смыслах — промышленным потенциалом, парком станков, технологиями, природными ресурсами и нефтью. Моральные ресурсы общества СССР были во многом предопределены озвученной государством миссией прогресса, гуманизма, социальной справедливости бесклассового общества, институционализированного при проектировании и структурировании социума в партийной форме и идеологии.

Вероломность нападения Гитлера вряд ли можно считать единственной причиной поражений РККА первых лет — скорее имела место внутренняя неспособность из-за внутривнутриполитических и идеологических особенностей организовать армию, которая полностью соответствовала бы проявленным угрозам и вызовам времени. Например, сложился очевидный «кадровый кризис» в обеспеченности компетенций командования на стратегическом и оперативном уровне, как по глубине и адекватности знаний и умений, так и в количественной представленности. В годы войны полководцы с провальными итогами боевых операций уже практически не репрессировались, а просто понижались в должности и переводились на другие участки. Реабилитация и перевод на фронт коснулась репрессированных ранее солдат и офицеров.

При наличии опережающих шагов по предотвращению Великой Отечественной войны некоторые компоненты краткосрочных стратегий по непосредственному управлению войсками на границе представляют собой или саботаж, или крайне маловероятное стечение неблагоприятных обстоятельств (прямое невыполнение приказа в Западном военном округе РККА о боеготовности привело к потере авиации, линейная концентрация войск и боеприпасов возле самой границы). Так или иначе, это следствие недостаточной организации и контроля военного управления. Становление страны в условиях внешнего агрессивного окружения не привело к высокой готовности РККА как наиболее эффективной сферы СССР в начальный период Великой Отечественной войны. Выявлены недостаточность экспертно-методологического сопровождения ПУР военного времени в научно-практическом аспекте, чему виной комплекс синергетически взаимоусиливающихся причин: объективные (политико-идеологические), субъективные (авторитарный стиль управления). Победа далась сверхмобилизацией усилий общества, тыла, жертвенностью и массовым героизмом многонационального советского народа в экзистенциальной борьбе против анти-социального и античеловеческого врага.

ВЫВОДЫ

Сопоставление военных и управленческих стратегий XX–XXI вв. оказалось полезным для научно-методологического обобщения и совершенствования теории ПУР в условиях неопределенности. Пример несоответствия военного управления и научно-методического сопровождения ярко демонстрирует «ошибка выжившего», ставшая хрестоматийной. Во время Второй мировой войны военные техники США принимали умозрительно решения о ремонте поврежденных узлов самолетов, вернувшихся после воздушного боя. Только математик А. Вальд (Columbia University, США) выявил ошибку систематического отбора лишь части случаев, ставших известными, впику другой половине неизвестных случаев (т.е. вид когнитивных искажений при нарушении объективности исследований). Стало методологически очевидно, вопреки натурному наблюдению, что усиления требуют не узлы, получившие повреждения, но обеспечившие выживаемость и возвращение самолета, а те узлы, пробои в которых оказались фатальными в недолетевших самолетах, не изученных должным образом. Это снизило потери авиации США с 50 до 30 % и применялось в последующих авиабоях военных конфликтов в Корее и Вьетнаме в 1950–1970 гг.

Это показывает, что настоящее время требует формирование управленческой команды специалистами как отраслевого управления, так и научно-методического сопровождения, а также специалистами когнитивно-психологического направления. Применение широты методологических подходов и трансдисциплинарности может обеспечить резкое увеличение качества и эффективности коллективного интеллекта как коллегиального органа управления в принятии решений, что позволяет проектировать новые человеко-машинные среды и системы поддержки принятия решений.

Государство обязано полагаться на широту и глубину научно-объективного подхода в управлении, учитывать допущенные просчеты в планировании и реализации, совместно с обществом (общественно-экспертным сопровождением) решать исторические задачи, т.к. не имеет права на ущемление национальных интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андерсон Д.* Бизнес — это война. — М. : АБ Пабблишинг, 2015. — 36 с.
2. Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки России. 1939–1941. — М. : Рипол классик, 2011.
3. *Барятинский М. Б.* Т-34 в бою. — М. : Яуза : Эксмо, 2008.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. Т. 1 : Основные события войны / под ред. В. А. Золотарева. — М. : Воениздат, 2011. — 932 с.
5. Военные и военно-теоретические уроки. Блицкриг: подготовка, реализация, крах // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. Т. 12 : Итоги и уроки войны / под ред. Е. И. Рычковой. — М. : Кучково поле, 2015. — 864 с.
6. *Гальдер Ф.* Военный дневник (Июнь 1941 — сентябрь 1942). — М. : АСТ : Астрель; Владимир : ВКТ, 2010. — 704 с.
7. *Голуб Ю. Т.* СССР и Великобритания на пути к операции «Согласие», август 1941 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». — 2015. — Т. 15. — Вып. 4. — С. 99–108.
8. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления : в 2 т. — М. : Издательство Агентства печати «Новости», 1979. — 488 с.
9. *Прудникова Е. А.* За десять дней до войны. РККА начала готовиться отразить немецкое вторжение задолго до 22 июня 1941 года // Библиотека Лента.ру. — URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/21/22_june (дата обращения: 20.12.2021).
10. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. — М. : Наука, 1967. — 752 с.
11. *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников : речь на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. — М. : ОГИЗ, 1931.

12. *Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы.* — М. : Вече, 2000. — 400 с.
13. *Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы.* — М. : Олма-Пресс, 1997.
14. *Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten.* — Heidelberg, 1951. — 462 p.

REFERENCES

1. Anderson D. *Biznes — eto vojna.* [Business is war]. Moscow: AB Publishing; 2015 (In Russ.).
2. Agressiya. *Rassekrechennye dokumenty sluzhby vneshney razvedki Rossii* [Aggression. Declassified documents of the Russian Foreign Intelligence Service]. 1939–1941. Moscow: RIPOLL Classic Publ.; 2011 (In Russ.).
3. Baryatinskiy MB. *T-34 v boyu* [T-34 in battle]. Moscow:Yauza, Eksmo Publ.; 2008 (In Russ.).
4. Zolotarev VA, editor. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. In 12 volumes. Vol. 1. The main events of the war. Moscow: Voenizdat Publ.; 2011 (In Russ.).
5. *Voennye i voenno-teoreticheskie uroki. Blitzkrieg: podgotovka, realizatsiya, krakh* [Military and military-theoretical lessons. Blitzkrieg: Preparation, implementation, collapse]. The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Vol. 12. Rychkova EI, editor. *Itogi i uroki vojny* [Results and lessons of the war]. Moscow: Kuchkovo pole Publ.; 2015 (In Russ.).
6. Galder F. *Voennyi dnevnik (Iyun 1941 — sentyabr 1942)* [War diary (June 1941 — September 1942)]. Moscow: ACT: Astrel; Vladimir: CGT Publ.; 2010 (In Russ.).
7. Golub Yu Vol. *SSSR i Velikobritaniya na puti k operatsii «Soglasie», avgust 1941 g.* [The USSR and Great Britain on the way to Operation Consent, August 1941]. *Proceedings of Saratov University. New Series. Sociology Series. Political Science.* 2015;15(4):99-108 (In Russ.).
8. Zhukov GK. *Vospominaniya i razmyshleniya: v 2 t.* [Memories and reflections: in 2 vols]. Moscow: Publishing House of the Novosti Press Agency; 1979 (In Russ.).
9. Prudnikova EA. *Za desyat dney do vojny RKA nachala gotovitsya otrazit nemetskoe vtorzhenie zadolgo do 22 iyunya 1941 goda* [Ten days before the war, the Red Army began preparing to repel the German invasion long before June 22, 1941]. Lenta.ru Library. Available at: https://lenta.ru/articles/2015/06/21/22_june (accessed: 12.01.2021) (In Russ.).
10. «Sovershenno sekretno! Tolko dlya komandovaniya». *Strategiya fashistskoy Germanii v voyne protiv SSSR* [«Top secret! Only for the command.» *Strategiya fashistskoy Germanii v voyne protiv SSSR*]. Moscow: Nauka Publ.; 1967 (In Russ.).
11. Stalin I. V. *O zadachakh khozyaystvennikov: Rech na Pervoy vsesoyuznoy konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoy promyshlennosti* [On the tasks of business executives: Speech at the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry]. Moscow: OGIZ Publ.; 1931(In Russ.).
12. Stettinius E. *Lend-liz — oruzhie pobedy* [Lend-lease is a weapon of victory]. Moscow: Vechе Publ.; 2000 (In Russ.).
13. Sudoplatov PA. *Spetsoperatsii. Lubyanka i Kreml 1930–1950 gody* [Special Operations. Lubyanka and the Kremlin 1930–1950]. Moscow: OLMA-PRESS Publ.; 1997 (In Russ.).
14. Guderian H. *Erinnerungen eines Soldaten.* Heidelberg; 1951 (In Russ.).

СУДЕБНАЯ ДОКТРИНА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Гоголева Татьяна Юрьевна, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук, доцент
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
tugogoleva@msal.ru

© Гоголева Т. Ю., 2021

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с генезисом правовой системы Древнерусского государства, местом и ролью прецедента в этой системе. Приводятся имеющиеся в отечественной историографии точки зрения на роль судебного прецедента в средневековом судопроизводстве Руси.

Ключевые слова: история государства и права; государство; право; доктрина; правовой обычай; правовой прецедент; судебная доктрина; историография.

THE JUDICIAL DOCTRINE IN THE LEGAL SYSTEM OF MEDIEVAL RUSSIA

Tatiana Yu. Gogoleva, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
tugogoleva@msal.ru

Abstract. The paper discusses issues related to the genesis of the legal system of the Ancient Russian state, the place and role of precedent in this system. The author provides the points of view available in Russian historiography on the role of judicial precedent in the medieval legal proceedings of Russia.

Keywords: history of the state and law, state, law, doctrine, legal custom, legal precedent, judicial doctrine, historiography.

Современная научная литература отмечает многообразие интерпретаций природы «судебной доктрины» в зависимости от тех методологических подходов, которыми руководствуются правоведы¹. В статье рассматривается генезис российской судебной доктрины в форме прецедента и во взаимосвязи со становлением политико-правовых институтов государства, нашедших отражение в публикациях отечественных исследователей.

Древнерусское государство не знало разделения административных и судебных полномочий. Князь осуществлял судопроизводство на основе традиций и обычаев.

¹ Серков П. П., Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. М. : Норма; Инфра-М, 2020. 297 с. ; Калинин А. Ю. Судебный прецедент как источник права в дореволюционной России // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2005. № 2. С. 55–64.

Обращаясь к ст. 33 Краткой редакции Русской Правды, можно согласиться с тем, что всякое самоуправство в судебном производстве наказывалось штрафом: «Или смерд умучить, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанине, и в тивунице, а в мечнице 12 гривне»². Авторский коллектив издания «Российское законодательство в X–XX вв.» в разделе «Комментарии» подвергает критике точку зрения С. В. Юшкова о том, что данная статья всего лишь о преступлениях против телесной неприкосновенности. Авторы настаивают, что в приведенном случае объектом посягательства выступает сам княжеский суд. Статья содержит санкции за насилие против лиц, подлежащих княжескому судопроизводству, и, с точки зрения исследователей, косвенно свидетельствует о длительном сохранении в Киевской Руси суда общинного³.

Аналогичную статью (ст. 78) можно найти и в Пространной редакции Русской Правды: «Аже смерд мучить без княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кун; аже огнищанина мучить, 12 гривен продаже, а за муку гривна»⁴. Статья запрещает, таким образом, «умучать» смерда и огнищанина «без княжа слова», самоуправство карается штрафом в пользу княжеского суда, при этом потерпевшему полагается возмещение. По сравнению со ст. 33 Краткой редакции данная статья свидетельствует о дальнейшем развитии древнерусского судопроизводства.

Как отмечает И. Н. Фалалеева, несмотря на обширную историографию, остается открытым вопрос о соотношении и роли традиционных правовых источников — обычая, прецедента, договора — в становлении политико-правовой системы Руси⁵.

По мнению известных отечественных историков В. В. Мавродина, А. А. Зимина, И. Я. Фроянова, Я. Н. Щапова, обычное право возникает ранее государственности и правовые обычаи являются исторически первой, превалирующей формой постепенно формирующихся правоотношений⁶. Иную позицию мы можем найти в научном наследии М. Ф. Владимирского-Буданова. Изучая княжеские уставы, он видит в них важнейший правовой источник Русской Правды: «Княжеские уставы возникали иногда по частным поводам, когда князю приходилось судить кого-либо и выносить приговор, не имеющий оснований в предшествующих уставах (см. Ак. 21). Таким образом, Судебные приговоры могут быть признаны особым источником Русской Правды»⁷.

Генезис судебного прецедента как источника древнерусского права можно представить следующим образом.

Во-первых, развитие социально-экономических отношений при переходе от родового строя к государственному порождал правовые коллизии, которые не были урегулированы. В результате появились прецеденты, возникавшие на основе разрешения подобных конкретных конфликтов. Так, в ст. 73 Пространной редакции Русской Правды значится: «Если кто подрубит дуб со знаменем или межевой, то платить 12 гривен штрафа»⁸. В отличие от ст. 71, в которой содержится общая норма

² Русская Правда. Краткая редакция. Текст по Академическому списку // Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. С. 7.

³ Российское законодательство в X–XX вв. : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. С. 62.

⁴ Русская Правда. Краткая редакция. Текст по Академическому списку // Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. С. 20.

⁵ Фалалеева И. Н. Политика-правовая система Древней Руси. IX–XI вв. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. С. 49.

⁶ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. СПб. : СПб.ГУ, 2008. 589 ; Зимин А. А. Законодательные памятники русского государства конца XV — начала XVII в. М., 1961. 38 с. ; Он же. Правда Русская. М. : Древлехранилище, 1999. 421 с. ; Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М. : Русская коллекция, 2015. 1044 с. ; Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М. : Наука, 1976. 239 с.

⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. С. 118.

⁸ Русская Правда. Пространная редакция. Текст по Троицкому списку / пер. В. Н. Сторожева // Хрестоматия по истории государства и права России / Ю. П. Титов. М. : Проспект, 1997. С. 19.

об уничтожении знаков собственности на бортях (нарушении границ собственности земельных участков), ст. 73 со всей очевидностью включает судебное решение, вынесенное по отдельному частному случаю на основе иска собственника, границы земли которого определялись по естественным ориентирам — дубам.

Другой путь формирования прецедента в Древнерусском государстве можно связать с полномочиями княжеской власти, когда князь по собственному усмотрению разрешает конфликты, создавая тем самым новые нормы. Например, известная ст. 42 Краткой редакции Русской Правды определяет порядок содержания княжеского слуги — вирника и заканчивается фразой «То ти урок Ярославль»⁹. Статья 2 Пространной редакции, введившая денежный выкуп вместо мести, в своей второй части гласит: «...а ино все, яко же Ярослав судил, *такоже и сынове* его уставиша»¹⁰. Таким образом сложно не согласиться, что прецедент как самостоятельный источник права имеет место в Русской Правде.

Наконец, еще один путь развития древнерусского прецедентного права лежит в плоскости фиксации правового статуса отдельных лиц, их прав и обязанностей. Например, ст. 23 Краткой Правды фиксирует: «А за старшего конюха при стаде 80 гривен, постановил Изяслав, когда дорогобужцы убили его конюха»¹¹. Прецедент, который свидетельствует о том, что князь своим решением законодательно защищал лиц в зависимости от того статуса, который они занимали в административно-управленческой иерархии.

Таким образом, сложные государствообразующие процессы требовали появления все новых и новых правил регулирования усложняющихся общественных отношений. Зачастую прецедент лежал в основе появления правовых обычаев, а обычай требовал нахождения конкретных нормотворческих решений по частным случаям. Судебная доктрина Древней Руси, основанная на прецеденте, формировалась в процессе становления государственности и отражала как закономерности, так и особенности этого процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов н/Д : Феникс, 1995. — 639 с.
2. Зимин А. А. Законодательные памятники русского государства конца XV — начала XVII в. — М. : Б. и., 1961. — 38 с.
3. Зимин А. А. Правда Русская. — М. : Древлехранилище, 1999. — 421 с.
4. Калинин А. Ю. Судебный прецедент как источник права в дореволюционной России // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2005. — № 2. — С. 55–64.
5. Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. — СПб. : СПбГУ, 2008. — 589 с.
6. Серков П. П., Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. — М. : Норма; Инфра-М, 2020. — 297 с.
7. Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Древней Руси. IX–XI вв. — Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. — 161 с.
8. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. — М. : Русская коллекция, 2015. — 1044 с.
9. Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. — М. : Наука, 1976. — 239 с.

⁹ Русская Правда. Краткая редакция. С. 8.

¹⁰ Русская Правда. Пространная редакция. С. 9.

¹¹ Русская Правда. Краткая редакция. С. 6.

REFERENCES

1. Vladimirsky-Budanov MF. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.; 1995 (In Russ.).
2. Zimin A. A. Zakonodatelnye pamyatniki russkogo gosudarstva kontsa XV — nachala XVII vv. [Legislative monuments of the Russian state of the late XV — early XVII centuries]. Moscow: B. I. Publ.; 1961 (In Russ.).
3. Zimin A. A. Pravda Russkaya [The truth is Russian]. Moscow: Drevlekhreshishche Publ.; 1999 (In Russ.).
4. Kalinin AYU. Sudebnyy pretsedent kak istochnik prava v dorevolyutsionnoy Rossii [Judicial precedent as a source of law in pre-revolutionary Russia]. The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2005;2: 55-64 (In Russ.).
5. Mavrodin V personas: Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2008 (In Russ.).
6. Serkov PP, Lazarev VV, Gadzhiev Kh I. Sudebnye doktriny v rossiyskom prave: teoriya i praktika [Judicial doctrines in Russian Law: theory and practice]. Moscow: Norma; INFRA-M Publ.; 2020 (In Russ.).
7. Falaleeva I. N. Politika-pravovaya sistema Drevney Rusi. IX-XI vv. [Politics-the legal system of Ancient Russia. IX-XI centuries]. Volgograd: Publishing House of Volgograd State University; 2003 (In Russ.).
8. Froyanov IYa. Lectures on Russian history. Lektsii po russkoy istorii. Kievskaya Rus [Kievan Rus. Moscow: Russkaya kollektsiya Publ.; 2015 (In Russ.).
9. Shchapov YaN. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. [Old Russian princely charters of the XI-XV centuries]. Moscow: Nauka Publ.; 1976 (In Russ.).

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII в.)

Зайцева Людмила Анатольевна, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент 125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
lazajtseva@msal.ru

© Зайцева Л. А., 2021

Аннотация. В статье на основе хронологического принципа проанализированы основные нормативные правовые акты, иллюстрирующие новеллы в регулировании брачно-семейных отношений эпохи императора Петра I.

Ключевые слова: семейное право; государство; право; система права; законодательство; Российская империя; государственные реформы; правовое регулирование брачно-семейных отношений; брак; семья; правовой статус.

EVOLUTION OF THE MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS REGULATION IN RUSSIA (THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY)

Lyudmila A. Zaitseva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
lazajtseva@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the main normative legal acts illustrating novelties in the regulation of marriage and family relations of the era of Emperor Peter the Great on the basis of the chronological principle.

Keywords: family law, state, law, legal system, legislation, Russian Empire, state reforms, legal regulation of marriage and family relations, marriage, family, legal status.

Памяти профессора
Федосеевой Галины Юрьевны посвящается

Эпоха преобразований первой четверти XVIII в. начала новый период в развитии семейного права в России. Именно в это время началось внедрение светского законодательства в регулирование брачно-семейных отношений нормами обычного и канонического права. Петр I «вывел русскую женщину из терема, дал мужчине, по писанию, помощь достойную»¹.

¹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М. : Наука, 1984. С. 161.

Институт брака преобразовался. Указ от 3 апреля 1702 г.² уничтожил рядные и сговорные записи, имевшие столь важное значение ранее. Оставляя обручение и венчание, допускалось расторжение обручения: если жених или невеста отзовут свое решение, то «и в том быть свободным, по правильному Святых Отцев рассуждению». Основанием, например, могло быть состояние здоровья сторон. Обратим внимание, практически законодательство противоречило церковным канонам: признание и обручения, как брака, нерасторжимым (в частности, постановление VI Вселенского собора).

Кроме того, Указ устанавливал срок между обручением и венчанием (6 недель) для размышления жениха и невесты. Обязательство выдачи приданого оставалось, но без материальных гарантий. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, Петр I, реформируя семейное право, имел перед собой двойную задачу:

- лишить сговор имущественно-обязательной силы;
- отнять у церковного обручения его религиозную обязательность³.

В 1714 г. Петр I впервые вводил образовательный ценз для вступления в брак:

- Указ от 20 января 1714 г.⁴ содержал требование «послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтобы учить дворянских детей цифири и геометрии и положить штраф такой, что невольнo будет жениться, пока сего выучится»;
- Указ от 28 февраля 1714 г.⁵ определял, венчанию подлежали дворяне, которые имели свидетельство об успешной сдаче испытаний по геометрии и арифметике: должно было учить цифири и геометрии детей от 10 до 15 лет дворянских, приказных, дьячих и подьячих во всех губерниях.

Говоря о базовом условии вступления в брак, Петр I изменил возрастной ценз. 23 марта 1714 г. принимается один из самых известных Указов, получивший название в литературе — Указ о единонаследии⁶. Значительно повышался возраст вступления в брак и связывался с дееспособностью. Так, ст. 5 Указа закрепляла возраст принятия наследства: «А пока наследники недвижимых вещей до двадцати лет возраста своего не придут, а другие оставшиеся в движимых обоого пола до вышеписанных лет не приспеют, никаким их письмам или записям не верить, которые прежде тех лет явятся у кого; и дабы кадеты обоих полов каким образом не были притеснены в молодых летах, того для, невольнo в брак вступать ранее, мужского пола до двадцати, а женского до семнадцати лет». По оценке А. И. Загоровского, для лиц особого статуса установлен «более зрелый брачный возраст, чем определен в кормчей»⁷.

Семейное законодательство отчасти представлено и в Артикулах воинских 1715 г.⁸:

² Указ «От отмене рядных и сговорных записей, совершаемых у крепостных дел; о писании вместо того домовых заручных росписей приданому; о недействительности обручения по причине оказавшихся нравственных или телесных недостатков жениха или невесты, или по нежеланию их вступить в брак и о неповороте их движимого имущества, по смерти бездетной жены, в род ее» от 3 апреля 1702 г. // ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. IV. 1700–1712. № 1907. С. 191–192.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 485–486.

⁴ Указ «О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для учения Дворянского чина детей Арифметике и Геометрии» // ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. V. 1713–1719. № 2762. С. 78.

⁵ Указ «Об обучении Дворян приказного чина, Дьячих и подьяческих детей Арифметике и Геометрии, о посылке для того в Губернии учеников из Математических школ и об учреждении училищ при Архиерейских домах и монастырях» // ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. V. 1713–1719. № 2778. С. 86.

⁶ Указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 г. // ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. V. 1713–1719. № 2789. С. 91–94.

⁷ Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. Харьков: тип. М. Ф. Зильберберга, 1884. С. 287.

⁸ Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 4 / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. С. 326.

- «Кто при живой жене своей на другой браком сочается, и тако две жены разом иметь будет, онаго судить по церковным канонам» (арт. 171);
- «А ежели супруг или хотя супруга к тому обмануты, в супружество вступит с тем, кто уже женат, оный от всякого наказания уволен, и в прежней чести и достоинстве содержан будет» (арт. 172).

В главе 20 вводилась ответственность за половые преступления (содомский грех, насилие и блуд). Артикулы закрепляли светские наказания (смертная казнь, каторга, ссылка, телесные наказания) за преступления, которые ранее были подсудны церковному суду, а теперь переходили к суду государственному. Юрисдикция церковного суда была значительно сужена. Петровская эпоха, безусловно, подтверждала статус моногамной семьи с индивидуальным хозяйством и укрепление семейной нравственности.

Петр I обращался и к имущественным отношениям супругов. Так, 4 ноября 1715 г. принимается Указ⁹, в котором закреплялось, что «купчие и закладные от женских персон на поместья и вотчины их... писать, и в приказах записывать их велеть без запрещения с определенную с них пошлиною». Указ от 15 апреля 1716 г.¹⁰, рассматривая приданое, утверждал, что «ее недвижимое и движимое, с чем она шла за него замуж, или по родству ей данно, по свидетельству письменному, при ней да будет». Таким образом, приданое — имущество исключительно жены и муж не мог им распоряжаться. Теперь имущественные отношения супругов основывались на принципе раздельности, причем жена пользовалась полной правоспособностью. Дееспособность жены предусматривалась в полном объеме¹¹.

Основания прекращения брака в эпоху Петра I дополнялись. В Указе «О женах каторжных невольников» от 16 августа 1720 г.¹² говорилось: «К каторжным невольникам, которые посланы на урочные годы, женам их и детям ходить невозбрано; а которые сосланы в вечную каторжную работу, тех женам, которые похотят идти замуж, или постричься, или в своих приданных деревнях жить, и в том дать им свободу, понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умре». Ссылка — законное основание развода. А. И. Загоровский дедуцирует: «В допетровское время, при расторжении брака, на первый план обыкновенно выдвигались интересы мужей. В рассматриваемом случае мы видим обратное явление: отправная точка — интерес жены. Это заметный результат общего подъема социальной роли женщины — цель, которую преследовал великий преобразователь России»¹³.

Петровская эпоха внедрила в общественную жизнь России возможность заключения брака с христианами других конфессий. 23 июля 1721 г. был принят Указ «О дозволении находящимся в Сибирской Губернии Шведским пленникам вступать в брак с православными, без перемены исповедуемой ими религии»¹⁴. В Указе речь шла о тех пленниках, которые присягали на верность русскому царю и имели знания по вопросам поиска руд, опыт работы на горно-металлургических мануфактурах, могли наладить торговлю железом и медью. Им разрешалось жениться на русских

⁹ Указ «О позволении писать купчие и закладные на недвижимое имение лицам женского пола» от 4 ноября 1715 г. // ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. V. 1713–1719. № 2952. С. 181.

¹⁰ Указ «О выделении мужу после умершей жены, а жене после мужа из всего имения четвертой части и о разделе прочих вещей» от 15 апреля 1716 г. // ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. V. 1713–1719. № 3013. С. 459.

¹¹ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М. : Зерцало-М, 2014. С. 462–463.

¹² ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. VI. 1720–1722. № 3628. С. 231.

¹³ Загоровский А. И. Указ. соч. С. 333.

¹⁴ ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. VI. 1720–1722. № 3798. С. 401–402.

Известно особое отношение Петра I к иностранным специалистам. Еще в 1702 г. был принят Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» // [Первое] Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. 1700–1712. № 1910.

девушках или вдовах, но на условиях, закрепленных в договоре. Указ есть разительный пример воздействия светской власти на церковное законодательство в брачных вопросах¹⁵. Принимая это решение, Петр I ставил перед страной цель — освоение и развитие Сибири. Нужно было укоренить шведов, оставшихся на территории страны после войны со Швецией: шведы должны принять русское подданство, не принуждая при этом жен к изменению вероисповедания, однако детей крестить в православии.

Святейший Синод, в свою очередь, обратился с Посланием к подданным, исповедующим православие, «О беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами» 18 августа 1721 г.¹⁶ Документ дублировал положения Указа от 23 июля 1721 г. и утверждался особый контроль со стороны православных священников (под страхом лишения сана): они должны были наблюдать «ходят ли жены русские в церковь; исповедуются ли духовникам своим» и дети семилетнего возраста.

Послание от 18 августа 1721 г. подчеркивало: «Высочайшие и самодержавные власти имеют в таковых браках великие нужды». Церковь была обязана охранять Православие и влиять на изменение веры иностранцев. К тому же целый раздел содержали исторические примеры браков, которые заключены лицами разного вероисповедания. Так, в п. 24 описывается брак Великого Князя Российского Ярослава: дочь Анна, выдана была за Генриха первого, Короля Французского, 1060 г.

В соответствии с Указом от 21 октября 1721 г.¹⁷ в случае возвращения пленных домой, то исключительно одних без жен и брать с них «сказки, по которым к тем женам они впредь возвратиться намерены, давать им в том сроку на год, или на два; а ежели они по тому сроку не появятся, то те их жены от супружества с ними будут свободны». Сведения об уехавших пленных необходимо было направлять в Сенат и далее в Синод. С пленными, получавшими свободу, жен не отпускали; в случае невозвращения мужа брак признавался расторгнутым, то есть считали браки действительными только на территории Российской империи.

В петровскую эпоху появляется необходимость получения дозволения начальства на изменение своего статуса, связанного с семейным положением. 5 апреля 1722 г. был принят Регламент об Управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского. Дополнительно вводился для специальной категории военно-служащих, помимо возрастного ценза, институт разрешения начальства чиновникам военной, статской и придворной служб¹⁸.

В соответствии с Указом «О свидетельствовании дураков в Сенате» от 6 апреля 1722 г.¹⁹ запрещалось вступление в брак «дуракам» (безумным), как «лицам, неспособным иметь требуемую для брака волю».

Одним из основных условий заключения брака в петровскую эпоху становилась свободная воля вступающих в брак. Петр I закрепил гарантии свободного волеизъявления в самом радикальном законе, направленном к пресечению «принужденных» браков в замечательном и в юридическом, и в бытовом отношении указе²⁰. Речь идет об Указе от 5 января 1724 г.²¹ К примеру, в качестве гарантии вводилась присяга

¹⁵ Загоровский А. И. Указ. соч. С. 294.

¹⁶ ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. VI. 1720–1722. № 3814. С. 413–419.

¹⁷ Указ «Об отправлении военнопленных и прочих Шведов, находящихся в России по Губерниям и Провинциям в Военную Коллегию; об удержании не уплативших долги, поступивших в услужение по записям на урочные годы, или в Гражданскую службу, принявших веру Греческого исповедания, и о взыскании штрафа за утайку военнопленных» от 21 октября 1721 г. // [Первое] Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. 1720–1722. № 3839. С. 442–444.

¹⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 494.

¹⁹ ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. VI. 1720–1722. № 3949. С. 643–644.

²⁰ Загоровский А. И. Указ. соч. С. 286.

²¹ Указ «О непринуждении родителями детей и господами рабов своих и рабынь к браку без самовольного их желания» от 5 января 1724 г. // ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. VII. 1723–1727. № 4406. С. 197–198.

родителей насильно не женить, не выдавать замуж. По этому поводу М. Ф. Владимирский-Буданов пишет: «Петровскому законодательству предлежала трудная задача примирить две противоположности: охранить свободное произволение брачующихся и дать в то же время место для участия в заключении брака воле родителей»²².

Новеллой петровской эпохи является учреждение Метрических книг как реестра для записи актов гражданского состояния. 20 февраля 1724 г. принимается Указ «О содержании священникам метрических книг для записи родившихся, браком сочетавшихся и умирающих, и о присылке из оных ежегодно экстрактов к Архиепископам»²³. Структура такой книги должна была состоять из следующих составляющих:

- часть 1 «О рождающихся»;
- часть 2 «О бракосочетавшихся»;
- часть 3 «О умерших».

Ежегодно сведения книг необходимо было направлять в Синод, тем самым осуществлялась попытка осознания государственной властью демографической обстановки в стране.

Первая четверть XVIII в. ознаменована государственными реформами и формированием новой системы права. Новеллы петровской эпохи многогранны, так как «выводили народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни»²⁴.

Итак, трансформация семьи и брака тесно связана со всеми преобразованиями и отвечала запросам времени. Петровское законодательство представляет большой научный интерес и нуждается в дальнейших исследованиях, что и актуализируется в юбилейный, 2022 год — год 350-летия со дня рождения Отца Отечества, императора Всероссийского, Петра Великого.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005. — 797 с.
2. Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. — Харьков : тип. М. Ф. Зильберберга, 1884. — 490 с.
3. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). — М. : Зерцало-М, 2014. — 547 с.
4. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. — М. : Наука, 1984. — 231 с.

REFERENCES

1. Vladimirsky-Budanov MF. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005 (In Russ.).
2. Zagorovskiy AI. O razvode po russkomu pravu [About divorce under Russian law]. Kharkiv: MF Zilberberg Publishing House; 1884 (In Russ.).
3. Latkin VN. Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.). [Textbook of the history of Russian law of the Empire period (XVIII and XIX centuries)]. Moscow: Zertsalo-M; 2014 (In Russ.).
4. Soloviev SM. Publichnye chteniya o Petre Velikom [Public readings about Peter the Great]. Moscow: Nauka Publ.; 1984 (In Russ.).

²² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 491–492.

²³ ПСЗ. Собрание 1-е, 1649–1825. Т. VII. 1723–1727. № 4480. С. 266–267.

²⁴ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М. : Наука, 1984. С. 9.

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.056-063

КОСВЕННЫЙ ИСК В РОССИЙСКОМ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Гусейнов Нариман Шахин-оглы, студент Московского
государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
leralion515@gmail.com

© Гусейнов Н. Ш., 2021

Аннотация. Косвенный иск является относительно новой категорией для российского цивилистического процесса, занимая особое место в системе исков. Исторически возникший в англосаксонском праве, этот институт был воспринят отечественным процессуальным правом, а законодателем сделана попытка адаптировать его в наш процесс. В статье обосновывается научная и практическая несостоятельность признания участника корпорации ее представителем в производстве по косвенному иску.

Ключевые слова: арбитражный процесс; косвенный иск; корпоративные споры; возмещение убытков; оспаривание сделок; косвенная заинтересованность; классификация исков; процессуальный истец; процессуальное представительство.

AN INDIRECT CLAIM IN THE RUSSIAN ARBITRATION PROCEDURE

Nariman Shahin ogly Huseynov,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
leralion515@gmail.com

Abstract. An indirect claim is a relatively new category for the Russian civil procedure, occupying a special place in the system of claims. Historically originated in Anglo-Saxon law, this institution was perceived by domestic procedural law, and the legislator made an attempt to adapt it to domestic procedure. The article attempts to substantiate the scientific and practical inconsistency of recognizing a corporation participant as its representative in the proceedings on an indirect claim.

Keywords: arbitration procedure, indirect claim, corporate disputes, damages, contesting transactions, indirect interest, classification of claims, procedural plaintiff, procedural representation.

Возможность правильной и своевременной защиты прав участников гражданского оборота связана с существованием отвечающей их интересам формы такой защиты. Эффективность используемых процессуальных способов защиты находится в зависимости от того, как развиваются институты материального и процессуального права. При этом, как указывала М. С. Шакарян, согласованность

процессуального и материального права является объективной предпосылкой доступности и эффективности правосудия¹. Однако процессуальное законодательство до недавнего времени не отражало специфику разрешения споров, возникающих из корпоративных отношений. Качество судебной защиты прав субъектов этих отношений страдало из-за неразработанности адекватной процессуальной формы защиты прав.

Изменения в нормативно-правовом регулировании произошли с принятием Федерального закона от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с внесенными изменениями была на законодательном уровне оформлена роль арбитражного суда в разрешении корпоративных споров. За ним был закреплен статус основного юрисдикционного органа по рассмотрению и разрешению дел, связанных с созданием, управлением и участием в коммерческих юридических лицах. Вместе с вышеуказанными нововведениями, в составе вводимой главы 28.1 содержались статьи, в которых был закреплен порядок предъявления участником косвенного иска.

Говоря о природе косвенного иска участника корпорации, необходимо еще раз вернуться к вопросу о защите корпоративных прав участников юридического лица. Важно понимать, что в обычной обстановке управления обществом данные права должны были бы защищать органы управления, поскольку в соответствии со ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Но в некоторых случаях это противоречит здравому смыслу. Например, когда члены руководящего органа общества своими действиями причинили убытки обществу, вряд ли ими будет предъявлен иск от имени этого общества к самим себе о возмещении причиненных убытков. Одним из процессуальных новшеств, которое позволило решить указанную выше проблему, является признание в процессуальном законе косвенного характера иска участника корпорации, предъявляемого в ее интересах. Косвенный иск — это иск, который подает участник корпорации от своего имени в защиту прав и законных интересов юридического лица, а защита интересов компании обеспечивает защиту корпоративных прав самого участника.

Законодательное регулирование института косвенного иска в отечественном правопорядке представлено в гл. 28.1 АПК РФ. В материально-правовых источниках можно найти нормы о праве участника юридического лица обратиться в суд, действуя от имени корпорации. В частности, в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ участники корпорации наделяются правом требовать возмещения причиненных корпорации убытков или оспаривать совершенные ею сделки. В статье 53.1 закреплены и нормы об ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица, за виновное причинение убытков этому юридическому лицу. Нормы содержатся и в специальных законах, например в п. 3 ст. 6, п. 5 ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»; п. 3 ст. 6, п. 5 ст. 55 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Характеризуя косвенный иск и его место в системе классификации исков, безусловно, необходимо определиться с тем, какое содержание мы вкладываем в понятие иска, поскольку вопрос о его правовой природе остается дискуссионным. Иск — это обращенное к суду требование юридически заинтересованного лица о защите субъективного права или охраняемого законом интереса путем разрешения спора о праве. В структуре иска выделяют его составные части — элементы. Они

¹ Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г. М. : Лиджист, 2001. С. 61–69.

индивидуализируют иск, позволяя отличить один иск от другого². Выделяют следующие элементы иска: предмет, основание и содержание. Итак, последовательно раскроем наполнение каждого из них применительно к институту косвенного иска.

Исходя из вышеизложенного понимания иска, предметом иска является, собственно, то право или правоотношение, о защите которого истец просит суд. Учитывая, что участник корпорации, подавая косвенный иск, оспаривает определенные действия менеджмента этого юридического лица, которые принесли, по его мнению, вред и ущерб интересам компании, то предметом косвенного иска является соответственно правоотношение по надлежащему управлению юридическим лицом. Если предметом иска будут субъективные права участника, то такой иск косвенным назвать нельзя, поскольку в предмете косвенного иска непосредственно защищаемого субъективного права участника не усматривается.

Основание иска представляет собой совокупность обстоятельств, с которыми истец связывает необходимость предоставления судом защиты. В процессуальной науке выделяют фактическое и правовое основание иска. Важно подчеркнуть, что в арбитражном процессе, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ обязательно указание истцом в исковом заявлении правового основания. Фактическое основание представляет собой комплекс определенных юридических фактов (фактический состав). В косвенном иске фактическим основанием будут факты, свидетельствующие о выходе за пределы своих полномочий органов юридического лица при заключении сделки или свидетельствующие о причинении юридическому лицу убытков путем осуществления ненадлежащего управления обществом (ненадлежащее управление обществом) следует понимать со ссылкой на положения ст. 53.1 ГК РФ, а также постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»). Правовое основание — указание на конкретные нормы права, на которых основывается требование истца к суду. В контексте косвенного иска правовым основанием будут нормы ГК РФ (ст. 53.1, 65.2, 174), а также нормы Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ст. 44), Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ст. 71), Федерального закона от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (ст. 22).

Содержание иска — это действие, о совершении которого истец просит суд, обращаясь к нему с требованием о защите права. Оно определяется истцом, исходя из способов защиты права, предусмотренных законом. При предъявлении косвенного иска участником корпорации содержанием иска будет возмещение убытков, а также признание оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки.

Именно на содержании иска как на способе истребуемого истцом способа защиты базируется процессуально-правовая система классификации исков. Согласно этой классификации иски делятся на: иски о присуждении, иски о признании, преобразовательные иски. Говоря о косвенном иске, необходимо отметить, что в зависимости от его конкретного содержания, он может относиться ко всем трем вышеперечисленным видам исков. В случае если участником корпорации заявлено требование о возмещении убытков, — налицо иск о присуждении, поскольку он просит суд обязать ответчика совершить определенные действия и исполнить свою обязанность по возмещению убытков, предусмотренную, в частности, ст. 53.1 ГК РФ. Если участник оспаривает сделку, совершенную корпорацией, и требует применить последствия ее недействительности, при этом сделка является недействительной в силу оспоримости, то имеет место преобразовательный иск, поскольку оспоримая сделка недействительна в силу признания ее таковой судом. То есть участник просит суд своим решением прекратить или изменить существующее правоотношение. Если же сделка недействительна в силу ничтожности, то нужно помнить, что ничтожная

² Блажеев В. В., Уксусова Е. Е. Гражданский процесс. М. : Проспект, 2015. С. 211.

сделка недействительна независимо от признания ее таковой судом. В таких случаях будет иметь место отрицательный иск о признании.

Достаточно значимую роль в процессуальной науке и практике играет и материально-правовая классификация. С точки зрения материально-правовой классификации косвенный иск можно охарактеризовать как иск гражданско-правовой, возникающий из корпоративных правоотношений. Косвенный иск отдельно выделяется и в рамках классификации исков по характеру защищаемого интереса³. Так, согласно этой классификации различают иски личные, групповые, в защиту неопределенного круга лиц и производные (косвенные).

Однако какой же критерий необходимо считать наиболее подходящим для отграничения косвенного иска от других исков? В процессуальной науке существуют различные позиции по вопросу об определении такого надлежащего критерия. М. А. Ерохова выделяет в качестве определяющего критерия юридической квалификации корпоративного иска как прямого или косвенного вопрос о том, кому будет осуществляться присуждение по решению суда⁴. Поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 225.8 по иску участника общества присуждение имущества будет производиться не участнику, а юридическому лицу, то иск носит косвенный характер. Представляется, что выделение этого критерия как основного при определении правовой природы иска недостаточно, поскольку осуществление присуждения по косвенному иску не участнику, а юридическому лицу — есть следствие того, что участник защищает свой интерес не прямо, а через защиту интересов корпорации. В. В. Ярков, например, в качестве основного критерия для классификации предлагает косвенный характер защищаемого интереса⁵.

С ним не соглашается Т. А. Васильева, которая считает, что наряду с материально-правовым критерием (характер защищаемого интереса) следует выделять и процессуальный критерий (особый процессуальный порядок предъявления иска). Под процессуальным критерием автор предлагает понимать особый порядок формирования воли участника корпорации на обращение в суд с косвенным иском. Участник сначала должен прийти с предложением обратиться в определенный срок в суд к органу юридического лица. Получение им отказа означает «дефектность» прямого механизма формирования воли у юридического лица, и в таком случае, по мнению Т. А. Васильевой, у участника формируется косвенная заинтересованность, которая и должна являться основным критерием для квалификации косвенного иска. При этом автор отмечает, что эта заинтересованность по природе своей не будет ни материально-правовой, ни процессуальной⁶. Однако такая интерпретация понятия заинтересованности противоречит сложившемуся в процессуальной науке пониманию этого термина в его соотношении с категорией юридического интереса, существующего, по мнению ученых, объективно⁷. Как отмечает Т. В. Сахнова, юридическая заинтересованность является категорией субъективной и отражает в себе интерес — как объективную основу процесса⁸. Действительно, говоря о юридической заинтересованности, мы отмечаем, что это заинтересованность в рассмотрении и разрешении судом дела. Заинтересованность материально-правовая выражается в стремлении с помощью судебной деятельности восстановить или защитить

³ Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2010. С. 538–540.

⁴ Ерохова М. А. Процессуальные особенности корпоративных споров в российском праве: коллективные и косвенные иски // Акционерное общество. 2016. № 11 (150). С. 172–179.

⁵ Ярков В. В. Особенности рассмотрения дел по косвенным искам // Юрист. 2000. № 12. С. 17–20.

⁶ Васильева Т. А. Косвенный иск в цивилистическом процессе: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. С. 79.

⁷ Гукасян Р. Э. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1970. 190 с.

⁸ Сахнова Т. В. Интерес и заинтересованность в цивилистическом процессе. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 83–98.

нарушенное право, заинтересованность процессуальная выражается в стремлении достичь конкретного процессуального результата, соответствующего функциональному назначению участия субъекта в производстве по гражданскому делу. Таким образом, под заинтересованностью в самом общем виде необходимо понимать определенное субъективное ожидание от процесса, но никак не механизм формирования воли при обращении в суд. Описанная Т. А. Васильевой процедура — есть, по сути, соблюдение досудебного порядка регулирования, который присущ странам англосаксонского права, где суды требуют от участника корпорации обосновать безуспешность обращения к другим формам защиты права, кроме судебной. Здесь важно отметить, что российское законодательство такой досудебной процедуры не требует, но это не исключает наличия заинтересованности, являющейся движущей силой процесса, у участника корпорации, обращающегося в суд с косвенным иском.

Вопрос о характере заинтересованности очень тесно связан с проблемой определения процессуального статуса участника юридического лица в производстве по косвенному иску. При введении косвенного иска законодатель был вынужден адаптировать в отечественный правовой порядок институт англосаксонского права. Стоит обратить внимание на формулировку в ч. 1 ст. 225.8 АПК РФ: «...такие участники пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности истца...». Такими же правами в ч. 3 ст. 52 и ч. 4 ст. 53 АПК РФ наделяются прокурор или государственный орган, орган местного самоуправления или иной орган, обратившийся в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов других лиц. Это сходство отмечается и в процессуальной науке. Можно сказать, что предъявление косвенного иска участником корпорации законодателем задумывалось реализовать по модели защиты прав и интересов других лиц от своего имени⁹. Однако Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ в ч. 1 ГК РФ была добавлена ст. 65.2, содержащая указание на право участника, действуя от имени корпорации, требовать возмещения причиненных корпорации убытков и оспаривать совершенные ею сделки. Согласно положениям ГК РФ участник является, по сути, законным представителем компании, действуя в процессе от ее имени. Из вышеизложенного видно, что материально-правовые нормы, устанавливающие право участника на обращение в суд с таким иском, не вполне соответствуют ст. 225.8 АПК РФ. Поскольку из формулировки АПК РФ следует, что участник предъявляет косвенный иск в защиту интересов корпорации, но от собственного имени.

В процессуальной науке неоднократно отмечалось, что представительство в материальном праве и процессуальном праве имеет значительные различия, поэтому ссылка на норму материального права о представительстве как на наделяющую участника корпорации правом совершать процессуальные действия от имени компании — некорректна. Несмотря на это, Верховный Суд в п. 32 постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разрешил это противоречие со ссылкой на ст. 53.1 и 65.2 ГК РФ в пользу материально-правовых норм, поддержав подход о статусе участника юридического лица в производстве по косвенному иску как законного представителя юридического лица.

Аналогичная позиция содержится в п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». Выступление участника корпорации, обратившегося с косвенным иском, в качестве законного представителя кажется не вполне обоснованным. Ведь если считать участника общества, предъявляющего косвенный иск, представителем компании в процессе, то собственно предъявленный иск перестает быть косвенным и становится прямым, поскольку представитель действует от имени юридического лица, как если бы оно само подавало иск.

Такой подход ВС РФ вызвал критику со стороны многих процессуалистов. В доктрине отмечается, что участник корпорации при предъявлении косвенного иска действует в качестве процессуального истца, при этом признание участника в

⁹ Ерохова М. А. Указ. соч. С. 172–179.

производстве по такому иску представителем — есть упущение законодателя при введении ст. 65.2 ГК РФ и пренебрежение процессуально-правовыми нормами. Представляется, что предъявление косвенного иска участником корпорации функционирует по модели защиты прав чужих лиц от собственного имени. Существенной чертой такой модели является одновременное наличие фигур процессуального истца и материального истца. Субъект, обращающийся в суд от своего имени за защитой прав и интересов других лиц, обладает только заинтересованностью в достижении конкретного процессуального результата (процессуальной заинтересованностью) и материальной заинтересованности не имеет.

Для обоснования этой позиции необходимо рассмотреть материально-правовую сторону вопроса, обратившись к структуре корпоративных правоотношений, и выяснить — может ли причинение убытков юридическому лицу сказаться на имущественной сфере его участника, претерпевают ли корпоративные права участника какие-то изменения и нарушаются ли они. Нужно сказать, что причинение убытков юридическому лицу на самом деле может повлечь серьезные последствия для его участников непосредственно. Например, может снизиться рыночная стоимость долей или акций, принадлежащих участнику. В случае сильного снижения капитализации компании ею может быть принято решение уменьшить размер выплачиваемых дивидендов или отказаться от их выплаты в принципе. В случаях, когда стоимость чистых активов компании станет меньше ее уставного капитала по окончании отчетного года, в соответствии с п. 6 ст. 35 Федерального закона «Об акционерных обществах» и п. 4 ст. 30 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» компания должна уменьшить уставный капитал до величины, не превышающей стоимости ее чистых активов, что приведет к уменьшению размеров долей и акций участников. Все это свидетельствует о том, что причинение юридическому лицу убытков сказывается на правах и интересах его участников. То есть участник юридического лица заинтересован в защите прав юридического лица, а именно заинтересован в решении суда о взыскании убытков в пользу корпорации. Таким образом, усматривается наличие у участника заинтересованности в достижении конкретного процессуального результата, проще говоря, процессуальной заинтересованности. Такое понимание находит выражение и в судебной практике. Как указал ВС РФ в определении СК по ЭС от 26.08.2016 № 305-ЭС16-3884 по делу № А41-8876/2015: «...участник корпорации, предъявляя соответствующие требования по настоящему делу, действует не только в интересах корпорации как ее представитель, но и преследует свой опосредованный (косвенный) интерес (а поэтому, по сути, является косвенным истцом), который обосновывается наличием у Компании как истца материально-правового требования, обусловленного недопущением причинения ему ущерба как субъекту гражданско-правовых отношений. Интерес юридического лица, который обеспечивается защитой субъективного права, в данном случае произведен от интересов его участников, так как интересы общества не просто неразрывно связаны с интересами участников, они предопределяются ими, и, следовательно, удовлетворение интересов компании обеспечивает удовлетворение интереса ее участников». Необходимо признать, что наиболее удачной являлась первоначальная попытка адаптации косвенного иска в наш правовой порядок, когда законодатель пошел по пути признания участника юридического лица — процессуальным истцом, а общество — истцом материальным.

Однако из-за обозначенного выше противоречия материального и процессуального права суды неоднозначно определяют стороны в производстве по косвенному иску. При изучении судебной практики становится понятно, что суды воспринимают по-разному указанные выше положения закона и толкование, данное ВС РФ. В ряде дел суды считают участника — представителем, а корпорацию — истцом¹⁰. В других

¹⁰ Постановление АС МО от 29.01.2018 по делу № А41-84477/2014 ; постановление АС Дальневосточного округа от 11.07.2017 № Ф03-2382/2017 по делу № А73-1768/2016 ; постановление АС Поволжского округа от 18.08.2016 № Ф06-11717/2016 по делу № А72-15655/2015.

делах суды признают участника корпорации непосредственной стороной дела¹¹. Встречаются дела, где юридическое лицо в производстве по косвенному иску привлекается судом к участию в процессе в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора¹².

Наиболее примечательно упомянутое ранее определение Верховного Суда РФ от 26.08.2016 № 305-ЭС16-3884 по делу № А41-8876/2015. В нем суд признает участника корпорации ее процессуальным представителем, ссылаясь на ст. 65.2 ГК РФ и п. 32 постановления Пленума ВС РФ № 25, при этом юридическое лицо занимает в процессе место соответчика, поскольку является контрагентом по оспариваемой участником сделке. Сложно вообще понять, как процессуальный представитель общества и само общество могут быть по разные стороны в процессе.

Итак, на данный момент прослеживается два основных подхода к пониманию косвенного иска в отечественном правовом порядке. Очевидно, что подход, согласно которому участник корпорации обращается в суд в качестве процессуального представителя, не вполне уместен. Поскольку представитель не может иметь никакой заинтересованности в процессе, представитель не должен нести судебные расходы, в то время как в соответствии с ч. 3–4 ст. 225.8 АПК РФ судебные расходы могут возлагаться на участника, подавшего иск. А самое главное, что признание участника представителем противоречит сущности косвенного иска, нейтрализуя косвенный характер иска, что в конце концов приведет к его исчезновению.

По итогу важно отметить, что тема корпоративных косвенных исков все еще остается недостаточно разработанной в доктрине цивилистического процесса. Конечно, такое положение вещей неизбежно, поскольку косвенный иск как институт, зародившийся и используемый в совершенно другом правовом порядке, при введении в наше право требует более тщательной проработки со стороны законодателя для удачной его адаптации. Ситуацию усугубляет и непоследовательный подход законодателя к регулированию механизма действия косвенного иска и, как следствие, имеющееся в данный момент теоретическое противоречие между правовым регулированием института в материально-правовых и процессуально-правовых источниках. Все это сказывается и на практике применения косвенного иска. Представляется, что для решения этих проблем нужно искать ответы непосредственно в целях, для которых эта необычная конструкция используется на практике. Законодателю нужно определиться с тем, в какую процессуальную форму он хочет облечь этот институт, исключить противоречие материального и процессуального права в этом ключе, для того чтобы косвенный иск органично занял свое место среди способов защиты корпоративных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Блажеев В. В., Уксусова Е. Е. Гражданский процесс. — М. : Проспект, 2015. — 411 с.
2. Васильева Т. А. Косвенный иск в цивилистическом процессе: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2019. — 275 с.
3. Гукасян Р. Э. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. — Саратов : Приволжское книжное издательство, 1970. — 190 с.
4. Ерохова М. А. Процессуальные особенности корпоративных споров в российском праве: коллективные и косвенные иски // Акционерное общество. — 2016. — № 11 (150). — С. 172–179.
5. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 704 с.

¹¹ Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 22.06.2016 № Ф02-1986/2016 по делу № А33-14535/2015 ; постановление АС Дальневосточного округа от 20.10.2015 № Ф03-4267/2015 по делу № А73-13593/2014.

¹² Постановление АС Северо-Западного округа от 24.04.2018 по делу № А56-46427/2017 ; постановление АС Северо-Кавказского округа от 20.03.2018 по делу № А63-16826/2016 ; постановление 18 ААС от 10.04.2017 по делу № А34-10625/2016.

6. Сахнова Т. В. Интерес и заинтересованность в гражданском процессе. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. — Вып. 4. — С. 83–98.
7. Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г. — М. : Лиджист, 2001. — С. 61–69.
8. Ярков В. В. Особенности рассмотрения дел по косвенным искам // Юрист. — 2000. — № 12. — С. 17–20.

REFERENCES

1. Blazheev VV, Uksusova E. E. Grazhdanskiy protsess [Civil procedure]. Moscow: Prospekt Publ.; 2015 (In Russ.).
2. Vasilyeva TA. Kosvennyy isk v tsivilisticheskom protsesse: sravnitelno-pravovoe issledovanie [An indirect claim in the civil process: comparative legal study]. Cand. Sci. (Law) Thesis. Krasnoyarsk; 2019 (In Russ.).
3. Gukasyan RE. Problema interesa v sovetskom grazhdanskom protsessualnom prave [The problem of interest in the Soviet civil procedural law]. Saratov: Privolzhskoe Publishing House; 1970 (In Russ.).
4. Erokhova MA. Protsessualnye osobennosti korporativnykh sporov v rossiyskom prave: kollektivnye i kosvennye iski [Procedural features of corporate disputes in Russian Law: collective and indirect claims]. Joint Stock Company. 2016;11(150):172-179 (In Russ.).
5. Osokina GL. Grazhdanskiy protsess [Civil procedure]. The general part. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.; 2013 (In Russ.).
6. Sakhnova TV. Interes i zainteresovannost v tsivilisticheskom protsesse [Interest and concernment in the civil process]. *Voronezh: Publishing House of Voronezh State University*. 2008;4:83-98 (In Russ.).
7. Shakaryan MS. Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v sudakh obshchey yurisdiktsii [Problems of accessibility and effectiveness of justice in courts of general jurisdiction]. In: *Problems of accessibility and effectiveness of justice in arbitration and civil proceedings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, January 31 — February 1, 2001*. Moscow: Lidzhist Publ.; 2001 (In Russ.).
8. Yarkov VV. Osobennosti rassmotreniya del po kosvennym iskam [Features of consideration of cases on indirect claims]. *Jurist*. 2000;12: 17-20 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.064-067

СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И АНТИКРИЗИСНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА Ф. РУЗВЕЛЬТА

Берзина Анжелика Александровна, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук, доцент
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
f-berzina2017@yandex.ru

© Берзина А. А., 2021

Аннотация. В статье рассматриваются основные социально-экономические преобразования Нового курса Ф. Рузвельта, направленные на возрождение и оздоровление экономики США, пострадавшей в результате Великой депрессии — мирового экономического кризиса конца 1920–1930-х гг. Особое внимание уделяется изучению роли государства в экономике в годы кризисов и опыту такого активного вмешательства в США.

Ключевые слова: мировой экономический кризис; реформы; Новый курс; Великая депрессия; регулирование экономики; государственный контроль; социальные преобразования; финансово-банковская система; социальное обеспечение; трудовой договор; профсоюзы; безработица; страхование.

FRANKLIN RUSVELT'S SOCIAL LEGISLATION AND ANTI-CRISIS ECONOMIC POLICY

Angelika A. Berzina, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
f-berzina2017@yandex.ru

Abstract. The article discusses the main socio-economic transformations of the New Course of F. Roosevelt, aimed at reviving and improving the US economy, which suffered as a result of the Great Depression — the global economic crisis of the late 1920s-1930s of the twentieth century. Special attention is paid to the study of the role of the state in the economy during the years of crises and the experience of such active intervention in the United States.

Keywords: global economic crisis, reforms, New Deal, Great Depression, economic regulation, state control, social transformations, financial and banking system, social security, labor contract, trade unions, unemployment, insurance.

Актуальность изучения данного вопроса связана с ролью государства в экономике в годы кризисов и с положительным опытом такого активного вмешательства в США с целью устранения последствий мирового экономического

кризиса конца 1920–1930-х гг. в основных сферах хозяйственной деятельности общества.

Во многом результативность мероприятий так называемого Нового курса определялась личностью президента Франклина Делано Рузвельта, сумевшего провести масштабные и прогрессивные преобразования, повлиявшие на дальнейшее развитие США как мировой державы. Даже на сегодняшний день эти реформы считаются передовыми и применяются в современных реалиях. При этом важнейшей составляющей регулирования экономики США становится вмешательство государства в хозяйственную жизнь.

В данный непростой период Ф. Рузвельт проявил себя как выдающийся руководитель. Президент очень хорошо понимал, какая на него возложена ответственность и насколько важно выбрать правильную стратегию для решения поставленных задач.

В рамках политики Нового курса четко прослеживается два направления реформ: установление государственного контроля над экономикой и социальные преобразования. На первом этапе была проведена реорганизация финансово-банковской системы. В начале марта 1933 г. были закрыты все банки, что помогло избежать обмена банкнот на золото. В одном из своих радиообращений к американскому народу Ф. Рузвельт в этой связи говорил: «...банковские каникулы во многих случаях создают большие неудобства, но вместе с тем дают возможность пополнить запасы наличных денег, как того требует ситуация»¹.

Из-за сложившихся условий американские граждане были вынуждены «доставить 1 мая 1933 г. Федеральному резервному банку или его филиалу, или агентству, или любому банку — члену Федеральной резервной системы все золотые монеты, золотые слитки и золотые сертификаты, которые в настоящее время принадлежат им» и если их стоимость превышает 100 долл. (Указ № 6102 президента США о запрете накоплений золотой монеты, золотых слитков и золотых сертификатов). В случае неисполнения нарушитель мог быть «оштрафован на сумму не более 10 000 долл. США или, если физическое лицо, может быть заключено в тюрьму на срок не более 10 лет, или и то и другое», а также это предписание касалось любого должностного лица, «которое сознательно участвует в любом таком нарушении, может быть наказано аналогичным штрафом, тюремным заключением или и тем и другим» (Указ № 6102 президента США).

Важным аспектом банковского закона было то, что он дал право президенту санкционировать возобновление деятельности тех банков, которые признавались устойчивыми, и предоставил широкие полномочия по контролю международных финансовых сделок. Для оздоровления банковской системы необходимо было существенно укрупнить банки, с этой целью предусматривалась выдача правительственного кредита в размере одного миллиона долларов.

По Чрезвычайному закону о банках они были разделены на три группы: во-первых, это так называемые «здоровые» банки, которые можно было открывать сразу же, во-вторых — банки, которые нуждались в незначительной материальной помощи для их оздоровления, а в-третьих — бесперспективные учреждения, которые следовало закрыть по причине их ненадежности. В первой волне были открыты двенадцать банков Федеральной резервной системы, затем постепенно открылись и остальные частные банки, заручившиеся государственной поддержкой. Но более шести тысяч «нездоровых», с точки зрения государства, банков перестали существовать².

С целью стабилизации ситуации в дальнейшем были приняты еще несколько законов, касающихся банковской деятельности. Одним из самых действенных стал закон Гласса-Стиголла от 16.06.1933, в соответствии с которым коммерческим банкам категорически запрещалось работать с ценными бумагами, это право получали только специализированные финансовые организации. Тем самым были снижены

¹ Рузвельт Ф. Беседы у камина. М. : ИТРК, 2003. 406 с.

² Тимошина Т. М. Экономическая история зарубежных стран. М. : Юстицинформ, 2012. С. 392.

риски, которым подвергались средства вкладчиков, создавалась Федеральная корпорация страхования депозитов до пяти тысяч долларов. Это повысило доверие к банкам со стороны вкладчиков и предупредило дальнейшее банкротство в данной сфере.

Следует отметить, что значительное расширение полномочий Федеральной резервной системы позволило ей стать единственным способом усиления правительственного контроля над банками. Кроме того, этот закон разделил депозитные и инвестиционные функции банков. Таким образом, был поставлен барьер для спекулятивных операций. Принятие данного закона сыграло важную роль в стабилизации банковской системы США. Несколько десятилетий Америка жила без банковских кризисов. Нормы, закрепленные законом Гласса — Стиголла, продолжали свое действие до 1999 г.

В 1934 г. стали появляться и активно проникать во все слои общественной жизни новые оппозиционные течения. Одни высказывались против преобразований Ф. Рузвельта, так как считали их недостаточно решительными, в то время как другим его меры, напротив, казались чрезвычайными и не слишком необходимыми. Стало очевидно, что нужно делать выбор либо в пользу отказа от политики реформ, либо в пользу проведения новых мер в либерально-социальном законодательстве. Таким образом, произошла переориентация политики Ф. Рузвельта и его администрации. В 1935 г. начался второй этап Нового курса, который отличался отказом от тактики балансирования, что в гораздо большей степени стало учитывать интересы основной массы населения Америки.

Наиболее эффективной мерой второй половины Нового курса Ф. Рузвельта стало принятие Национального акта о трудовых отношениях или, как его принято называть, Закона Вагнера, в соответствии с которым ликвидировалось неравенство при заключении трудового договора между работниками и работодателями. Легализовались право рабочих на стачку и пикетирование, а также деятельность профсоюзов, что закреплялось в общефедеральном масштабе впервые. Вводился так называемый принцип «закрытого цеха», поскольку предприниматель должен был заключать коллективные договоры с профсоюзами и отказывать в приеме на работу лицам, в них не состоявшим, подписавшим коллективный договор. Контроль над осуществлением закона был возложен на Национальное управление по трудовым отношениям. Действие данной реформы распространялось в основном на предпринимателей, обязанных исполнять решение Национального управления, которое в случае обнаружения незаконных действий оформляло дело и передавало его в суд.

Закон Вагнера ясно и понятно определил и закрепил важнейшие права рабочих в области трудовых отношений, а также гарантии их реализации.

Особым объектом политики Нового курса была безработица. Создается система социального обеспечения, которая в дальнейшем также получила свое развитие. В августе 1935 г. вышел новый закон, учреждающий два типа страхования: первым типом являлось страхование по старости, вторым — страхование по безработице. Между ними было несколько общих черт, в частности изъятие из сферы действия значительных групп трудящихся (таких как государственные служащие, домашняя прислуга, сельскохозяйственные рабочие), невысокая сумма страховых выплат, большое количество оговорок для получения права социального обеспечения.

Закон «О социальном обеспечении» 1935 г. стал первым в истории США общефедеральным нормативным правовым актом, имевшим социальную направленность, он позволил улучшить уровень жизни граждан, заложил основы для дальнейшего развития социальной сферы.

Особые успехи в социальной сфере были достигнуты в жилищном вопросе. Жилищное строительство стало объектом стимулирования. Среди населения более чем на 25 % выросло число американцев, которые обзавелись собственным жильем.

В конечном итоге рассмотренные выше социально-экономические преобразования, ставшие важнейшей частью Нового курса Ф. Рузвельта, были рассчитаны на возрождение и оздоровление экономики страны, нивелирование последствий

социальных катаклизмов конца 1920–1930-х гг., а также на сдерживание населения от опасных для традиционных ценностей американского общества движений. Реформы Нового курса сформировали основательную базу для генезиса государственного регулирования условий труда и взаимоотношений рабочих с работодателями, в том числе и в наши дни.

Ф. Рузвельт, преодолевая сомнения, не побоялся экспериментировать и принял те смелые шаги, которые в результате и помогли спасти страну от Великой депрессии. Тот факт, что в США фундаментальные основы данных кардинальных преобразований были заложены именно в период Нового курса Ф. Рузвельта, дает основание полагать, что это время является крупнейшей вехой в мировой истории XX в. и одной из самых прогрессивных эпох в истории США. Несмотря на предпринятые государственные меры и их соответствующее положительное влияние, экономические проблемы длились вплоть до 1941 г. Настоящий выход из кризиса произошел только с началом Второй мировой войны. На практике этому содействовали такие крупные факторы, как мобилизация мужчин на фронт и массированное финансирование военных заказов.

Таким образом, необходимо знать причины возникновения, способы распространения, движущие силы и возможные последствия мирового экономического кризиса для того, чтобы суметь избежать его повторения в своей стране, в том числе посредством вмешательства государства и корректировки законодательства. Не менее важно находить пути решения в случае, если крах одной из жизнеобеспечивающих отраслей произошел. Вместе с тем появление экономических кризисов, их цикличность, степень влияния на всю государственную структуру и пути выхода до сих пор вызывают дискуссии и споры среди историков, политиков, экономистов и других ученых.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рузвельт Ф. Беседы у камина. — М. : ИТРК, 2003. — 406 с.
2. Тимошина Т. М. Экономическая история зарубежных стран. — М. : Юстицинформ, 2012. — 500 с.

REFERENCES

1. Roosevelt F. Besedy u kamina [Conversations by the fireplace]. Moscow: ITRK Publ.; 2003 (In Russ.).
2. Timoshina T. M. Ekonomicheskaya istoriya zarubezhnykh stran [Economic history of foreign countries]. Moscow: Justitsinform Publ.; 2012 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.068-072

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Жанузакова Лейла Тельмановна, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, заместитель директора Научно-исследовательского института права при университете «Туран», доктор юридических наук, профессор
010000, Казахстан, г. Нур-Султан, пр. Кабанбай батыра, д. 19
zhanleila@mail.ru

© Жанузакова Л. Т., 2021

Аннотация. В статье отмечаются несоответствия между отдельными положениями нового Закона, а также с Законом РК «О государственной службе в Республике Казахстан» и Реестром должностей политических и административных государственных служащих. Несмотря на формальность передачи назначения и освобождения от должности Уполномоченного по правам человека Сенату Парламента, он остается по-прежнему креатурой главы государства. В этой связи предлагается данный институт полностью передать в ведение Парламента, наделив правом вносить кандидатуры депутатов, депутатские объединения, общественные объединения и неправительственные организации, а при рассмотрении кандидатур учитывать мнение экспертов и гражданского общества. По мнению автора, при назначении Уполномоченного следует учитывать такой важный критерий, как наличие безупречной репутации.

Ключевые слова: конституционное право; государство; право; конституция; закон; Национальный центр; президент; парламент; уполномоченный по правам человека; полномочия; статус; должность.

THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS AS A STATE INSTITUTION FOR THE HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Leila T. Zhanuzakova,
Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Researcher, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; Deputy Director, Research Institute of Law, University «Turan»
ul. Kabanbai Batyr, d. 19, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
zhanleila@mail.ru

Abstract. The article notes inconsistencies between certain provisions of the new Law, as well as with the Law of the Republic of Kazakhstan «On Public Service in the Republic of Kazakhstan» and The register of Positions of Political and Administrative Civil Servants. Despite the formality of transferring the appointment and dismissal of the Commissioner for Human Rights to the Senate of the Parliament, he remains as before a nominee of the Head of State. In this regard, it is proposed to transfer this

institution completely to the introduction of the Parliament with the right to nominate deputies, deputy associations, public associations and non-governmental organizations when considering candidates to take into account the opinion of experts and civil society. According to the author, when appointing a Commissioner, such an important criterion as the presence of an impeccable reputation should be taken into account.

Keywords: constitutional law, state, law, constitution, law, National Center, President, Parliament, Commissioner for Human Rights, powers, status, position.

С 2002 г. в Республике Казахстан (далее — РК) действуют институт Уполномоченного по правам человека и образованный для обеспечения его деятельности Национальный центр по правам человека. Создание этих учреждений — результат демократических преобразований в стране. Подобные правозащитные институты функционируют во многих демократических государствах мира¹.

Казахстанский омбудсмен наделен рядом полномочий: вправе входить в государственные органы и любые организации, получать необходимую информацию, обращаться со своими предложениями к ним, разрабатывать и вносить рекомендации по устранению выявленных нарушений и т. д. Однако акты, определяющие его статус, не в полной мере соответствуют Парижским принципам о статусе национальных учреждений, утвержденным ООН 20 декабря 1993 г.² Так, п. 2 Парижских принципов требует закрепления полномочий национального учреждения на уровне конституции или закона.

В Казахстане статус уполномоченного и его аппарата до 2021 г. регулировался указами президента. Причем достаточно долгое время он оставался вне конституционного поля. Лишь в 2017 г. в Конституции РК появилась норма, закрепляющая порядок его назначения (уполномоченный назначается и освобождается от должности Сенатом Парламента по представлению президента), а сам его статус в Конституции не прописан, хотя права человека признаны высшей ценностью государства. Это принижает значение и уровень данного института. Был разработан проект Закона «Об уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан»³.

Закон определяет уполномоченного как лицо, занимающее «ответственную государственную должность», установленную Конституцией «в целях обеспечения государственной гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного государственного управления и самоуправления, иными организациями и должностными лицами».

¹ См.: Башимов М. С. Институт омбудсмана (Уполномоченного по правам человека): теория и практика. Астана : Фолиант, 2003. 312 с. ; Колобова Т. В. Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2021. 26 с. ; Феоктистов Д. Е. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 24 с. ; Чуксина В. В. Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2016. 54 с. ; Шакиров А. О. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан: возможности совершенствования на основе применения зарубежного опыта // Право и государство. 2016. № 4. С. 13–18 ; Шуакпаев М. Б. Направления, формы и методы деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан: проблема реализации правозащитных функций // Ural Journal of Legal Research. 2019. № 2. С. 187–200.

² Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы). Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20.12.1993 // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия. Дополнение № 49 (A/48/49). С. 369–370.

³ Закон РК от 29.12.2021 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан» // Казахстанская правда. 2021. 30 декабря.

Указанная норма вроде повышает значимость Уполномоченного в правозащитном механизме, но в то же время вызывает ряд вопросов. Почему его цель — соблюдение и уважение прав человека только государственными органами, организациями и должностными лицами? А на простых граждан это не распространяется? Как быть с положениями Конституции о том, что «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц» (п. 5 ст. 12), об обязанности каждого «уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц» (п. 1 ст. 34)? Налицо несоответствие положениям Основного Закона. Кроме того, комментируемая норма имеет внутреннее противоречие с другой нормой Закона, устанавливающей ограничения на деятельность Уполномоченного. Согласно п. 2 ст. 7 Закона РК «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан» он не может находиться на государственной службе.

Одновременно возникает несоответствие с Законом «О государственной службе Республики Казахстан»⁴, согласно которому «государственный служащий — гражданин Республики Казахстан, занимающий в установленном законодательством Республики Казахстан порядке оплачиваемую из республиканского или местных бюджетов либо из средств Национального Банка Республики Казахстан государственную должность в государственном органе и осуществляющий должностные полномочия в целях реализации задач и функций государства».

Реестром должностей политических и административных государственных служащих Уполномоченный отнесен к политическим госслужащим⁵.

Единственное объяснение появления подобных неточностей в Законе заключается в том, что в Законе о государственной службе допускается возможность нераспространения его норм на тех госслужащих, для которых определен иной правовой статус. Однако это не означает, что на Уполномоченного не распространяются все нормы этого Закона. Например, он имеет те же права, свободы и обязанности, как и другие госслужащие, но обладает и специфическими правами и обязанностями, дополнительными гарантиями его деятельности.

Закон сохранил конституционный порядок назначения и освобождения от должности Уполномоченного по правам человека. Хотя формально данный институт передан в сферу ведения Парламента, но представление кандидатуры президентом говорит о том, что он остается креатурой главы государства, Сенату остается лишь ее утвердить. В большинстве зарубежных стран омбудсмен назначается парламентом самостоятельно.

В Казахстане, как уже это есть и в России, надо предоставить право вносить кандидатуры депутатам обеих палат Парламента, депутатским объединениям, а также общественным объединениям и неправительственным организациям. Желательно, чтобы при рассмотрении кандидатур, например, на уровне комитетов учитывалось мнение экспертов и гражданского общества. Такой порядок будет соответствовать положениям Парижских принципов, которые устанавливают, что процедура формирования национального учреждения должна предусматривать «гарантии обеспечения плюралистического представительства общественных сил..., участвующих в деятельности по поощрению и защите прав человека».

Закон изменил требования к кандидатам на должность Уполномоченного по сравнению с Положением. Дополнительно к наличию гражданства РК устанавливается ценз оседлости — 10 последних лет постоянного проживания в стране. Не обязательно теперь иметь высшее юридическое или иное гуманитарное образование, достаточно просто высшего образования, но зато повышен стаж опыта правозащитной работы с 3 до 5 лет. Введено требование по владению государственным языком и обладанию дееспособностью.

⁴ Закон РК от 23.11.2015 «О государственной службе Республики Казахстан» // Ведомости Парламента РК. 2015. № 22. V. Ст. 153.

⁵ Указ Президента РК от 29.12.2015 № 150 «Об утверждении Реестра должностей политических и административных государственных служащих» // Казахстанская правда. 2015. 31 декабря.

Все эти требования разумны. Но упущен такой важный критерий, как наличие безупречной репутации. Этот критерий включает в себя не только нравственно-этическую сторону, но и правовую оценку. Так, недопустимо назначать на эту должность лицо, уволенное из государственного органа или организации по отрицательным мотивам, либо совершившее в прошлом коррупционное правонарушение, или привлекавшееся к уголовной ответственности. Безусловно, нужно учитывать, что если лицо подвергалось уголовному преследованию по политическим мотивам, то впоследствии оно подлежит полной реабилитации.

По нашему мнению, кандидат в омбудсмены должен иметь десятилетний опыт правозащитной работы, а его возраст должен быть повышен с 30 до 35 лет.

Сами требования к назначению Уполномоченного должны корреспондировать основаниям освобождения от должности (ст. 6) Закона. Так, одним из таких оснований является совершение уголовного проступка. На какой стадии уголовного дела это будет определяться? А как же быть с принципом презумпции невиновности, согласно которому лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана судом? Пунктами 2, 3, 6 предусмотрено такое основание, как «вступление в законную силу в отношении его обвинительного приговора суда», что, по сути, охватывает не только уголовные преступления, но и уголовные проступки.

Совершение административного коррупционного правонарушения (после вступления в силу соответствующего решения суда о признании виновным) разве не препятствует продолжению занимать данную должность? Отсутствуют в Законе и такие основания, как решение суда о признании лица умершим или безвестно отсутствующим, смерть, нарушение присяги, совершение порочащего поступка. Очевидно, что следует устранить данные пробелы и неточности.

Закон наделяет Уполномоченного рядом полномочий, позволяющих ему эффективно взаимодействовать с различными государственными органами на всех уровнях управления. Процедура рассмотрения жалобы также расписана достаточно подробно, а сам Уполномоченный получил дополнительные права. Например, он наделен правом ходатайствовать о направлении обращения в Конституционный совет лицами, имеющими такое право, обращаться в Верховный суд с предложением дать разъяснения по вопросам судебной практики⁶.

Рекомендации и ходатайства Уполномоченного рассматриваются в течение 15 рабочих дней, и ему сообщается о результатах рассмотрения. К сожалению, из Закона выпала норма, содержащаяся в прежнем Положении, о том, что при отклонении «рекомендации Уполномоченного должностное лицо обязано мотивировать свое решение по существу»⁷. На наш взгляд, эта норма должна быть восстановлена, поскольку в противном случае статус рекомендации сильно девальвируется.

Учитывая конституционный статус Уполномоченного, считаем возможным предоставить ему право самостоятельно обращаться в Конституционный Совет по вопросам, указанным в Конституции, в части соблюдения прав человека. Целесообразно наделить его правом законодательной инициативы. Данные полномочия потребуют внесения поправок в Конституцию РК, но позволят существенно повысить роль данного института в системе защиты прав человека.

Наделение казахстанского Уполномоченного по правам человека дополнительными полномочиями, усиление гарантий его независимости, в том числе путем конституционного закрепления не только порядка его назначения, но и основных полномочий и гарантий деятельности (целесообразно прописать их в отдельной главе Конституции), укрепление его аппарата квалифицированными сотрудниками позволят во много раз повысить эффективность его деятельности и сделать его, действительно, структурой, которая бы возглавляла систему правозащитных учреждений и координировала, соединяла бы усилия государства и гражданского общества в деле обеспечения и охраны прав человека и гражданина.

⁶ Закон РК «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан».

⁷ Положение об Уполномоченном по правам человека : утверждено Указом Президента РК от 19.09.2002 № 947 «Об учреждении должности Уполномоченного по правам человека» (утр. силу) // САПП РК. 2002. № 30. Ст. 328.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Башимов М. С.* Институт омбудсмена (Уполномоченного по правам человека): теория и практика. — Астана : Фолиант, 2003. — 312 с.
2. *Колобова Т. В.* Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2021. — 26 с.
3. *Феоктистов Д. Е.* Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2012. — 24 с.
4. *Чуксина В. В.* Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Омск, 2016. — 54 с.
5. *Шакиров А. О.* Деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан: возможности совершенствования на основе применения зарубежного опыта // *Право и государство*. — 2016. — № 4. — С. 13–18.
6. *Шуакпаев М. Б.* Направления, формы и методы деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан: проблема реализации правозащитных функций // *Ural Journal of Legal Research*. — 2019. — № 2. — С. 187–200.

REFERENCES

1. Bashimov MS. Institut ombudsmena (Upolnomochennogo po pravam cheloveka): teoriya i praktika. [Institute of the Ombudsman (Commissioner for Human Rights): Theory and Practice]. Astana: Foliant Publ.; 2003 (In Russ.).
2. Kolobova T. Administrativno-pravovoy status upolnomochennogo po pravam cheloveka v subekte Rossiyskoy Federatsii: Avtoref. dis. ... kand. yurid nauk [Administrative and legal status of the Commissioner for Human Rights in the subject of the Russian Federation: Author's Abstract]. Voronezh; 2021 (In Russ.).
3. Feoktistov DE. Konstitutsionno-pravovoy status Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii (sravnitelno-pravovoe issledovanie): Avtoref. dis. ... kand. yurid nauk [Constitutional law status of the Commissioner for Human Rights in the the Russian Federation: Author's Abstract]. Saratov; 2012 (In Russ.).
4. Chuksina V personas: Gosudarstvennye spetsializirovannye organy po sodeystviyu pravam cheloveka i ikh zashchite (sravnitelno-pravovoe issledovanie): Avtoref. dis. ... dokt. yurid nauk [State specialized bodies for the promotion of human rights and their protection (comparative legal research): Author's Abstract]. Omsk; 2016 (In Russ.).
5. Shakirov A.A. Deyatel'nost' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Respublike Kazakhstan: vozmozhnosti sovershenstvovaniya na osnove primeneniya zarubezhnogo opyta [The activity of ombudsman of the republic of kazakhstan: the possibility for improvement based on foreign experience]. *Law and the State*. 2016;4:13-18 (In Russ.).
6. Shuakpaev MB. Napravleniya, formy i metody deyatel'nosti upolnomochennogo po pravam cheloveka v Respublike Kazakhstan: problema realizatsii pravozashchitnykh funktsiy [Directions, forms and methods of activity of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan: the problem of the implementation of human rights functions]. *Ural Journal of Legal Research*. 2019;2:187-200 (In Russ.).

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ СИЛЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Румянцева Валентина Геннадьевна, главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
valentinorum@mail.ru

© Румянцева В. Г., 2021

Аннотация. Статья демонстрирует взгляды представителей социологического направления на проблему эффективности и креативности юридической науки.

Ключевые слова: юриспруденция; право; социологическая юриспруденция; социология права; социологический подход; общественные отношения; правовое отношение; творчество; право в действии; право в текстах.

THE ISSUE OF THE CREATIVE POWER OF JURISPRUDENCE

Valentina G. Rumyantseva, Chief Editor, Journal «Russian Law Online»; Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
valentinorum@mail.ru

Abstract. The article presents the views of representatives of the sociological direction in relation to the problem of efficiency and creativity of legal science.

Keywords: jurisprudence, law, sociological jurisprudence, sociology of law, sociological approach, public relations, legal attitude, creativity, law in action, law in texts.

Главное, в чем таится несовершенство юриспруденции, — потеря цели, служение людям. Толкование и систематизация действующих понятий поглощают громадную долю юриспруденции. Так было ранее, так есть и сейчас. Юристы не изучают жизнь, а ограничиваются исследованием текстов друг друга. В лучшем случае их работа направлена на критику существующих институтов. Так, более столетия назад австрийский правовед Е. Эрлих подчеркивал, что всю сложную социальную реальность рассматривают, если не исключительно, то преимущественно, через призму судебной практики. Это сужает картину жизни. Ведь право в обществе значительно более широкое явление. Вывод был сделан на основании изучения около 600 томов решений австрийских, немецких, французских судов с помощью метода, именуемого в последующем конкретно-социологическим. Е. Эрлих считал, перед судом представлена лишь частица правовых отношений: «из необозримого количества жизненных отношений только немногие в виде исключений привлекают к себе внимание судов и других учреждений. Ведь наша жизнь протекает не перед учреждениями»¹. Свое социологическое мировоззрение ученый строил на

¹ Ehrlich E. Die Tatsachen des Gewohnheitsrechts. Leipzig : Deuticke, 1907. S. 7.

анализе всей правовой действительности (законодательство, судебная практика, обычное право, явления хозяйственной жизни).

По Е. Эрлиху, живое созерцание действительности — всегда самый эффективный источник юридических понятий. «Для того чтобы господствовать над природой, человек исследует законы природы, и для того, чтобы юрист мог овладеть жизненными процессами, он должен знать жизнь»². Позже американский ученый Р. Паунд напишет: «это задача социальных наук найти, как постоянно делать процесс удовлетворения человеческих претензий и требований менее убыточным, с меньшим сопротивлением, и более эффективным в удовлетворении непрерывно возрастающего количества человеческих требований. Так как это возможно сделать или содействовать этому с помощью установления правопорядка, поэтому и относится к области юриспруденции»³.

Сложилась такая обстановка, при которой из теории и обществоведения ушли живая дискуссия и творческая мысль. Никто глубоко и всесторонне не интересуется, что действует из законов на самом деле. Юриспруденция, в оценке позитивистов, а затем и нормативистов, основывается на аксиомах, не требующих доказательства. «Ученая юриспруденция есть... умственная деятельность и техника, которая направлена на унификационную обработку позитивного права»⁴.

Р. Паунд указывает, что метафизическая школа в гармонизации частных интересов выбрала верную цель науки. Ее ошибка заключалась в «слишком узком и абстрактном представлении задачи; в вере, что универсальное абстрактное примирение достигло бы того, что должно было быть сделано с помощью компромиссов и урегулирований с учетом времени и места»⁵. Подобная отрицательная оценка правовой теории чувствуется и в концепции русского юриста С. А. Муромцева, считавшего, что метафизики имеют «ложный» взгляд, по которому все исследование должно стремиться к отысканию юридических норм, всюду годных и применимых⁶. Наука не может свестись к догме права, из «определения» делают исследование самых сокровенных свойств предмета, причин, хода и законов его развития, иначе она не выйдет за рамки формально-логической обработки материала.

В целом, по мнению социологической юриспруденции, креативный потенциал правовой науки напрямую зависит от четкого понимания ее цели и задач⁷. Негативные моменты можно нейтрализовать путем всестороннего изучения жизни, выявления генетически сформировавшихся обычаев и отношений между индивидами.

Вычленив отдельное явление, придавая ему абстрактный характер, забывается неразрывность всех правоотношений, которые в силу своей природы могут и должны рассматриваться не только в совокупности, но и во взаимодействии с другими процессами. Так как юридическая система функционирует в свете преследуемых ею социальных целей, то и юриспруденция развивается в тесной взаимосвязи с общественными науками⁸. Исходя из этого принципа, социологическая юриспруденция приходит к заключению, что правоведение неразрывно связано с социологией, и признает правильным тот метод, который не изолирует право от других частей социального целого, а рассматривает его в связи и во взаимодействии с ним.

² Ehrlich E. Die Juristische Logik. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1918. S. 128 ; Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München; Leipzig : Duncker & Humblot, 1913. S. 384.

³ Pound R. Interpretations of Legal History. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1946. P. 158.

⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. СПб. : Тип. М. Меркушева, Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1909. С. 225.

⁵ Pound R. Op. cit. P. 153, 158.

⁶ Зверев Н. А. Положительное направление в разработке общего учения о праве // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Кн. 1. С. 131.

⁷ Pound R. Op. cit. P. 157.

⁸ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 1979. С. 38.

Социология права своевременно распознает ростки нового права среди уже отживших правовых норм, руководствуется правилом «каждой дедукции предшествует индукция». Цель, к которой она стремится, — получение общих, основанных на эмпирических исследованиях воззрений о связях, существующих между правом и обществом, учитывая социально-экономические, политические, законодательные предпосылки, а также их юридическую обработку и законодательное закрепление⁹. Прогресс социологического правопонимания Е. Эрлих усматривает не в том, что оно вытесняет унаследованное понятие права, а в том, что оно открывает целостность права и стремится воспроизвести перед глазами реальный смысл права. Но существование одной общественной науки нисколько не устраняет ни возможности, ни практической необходимости дифференциации отдельных ее ветвей¹⁰. Вместе с расширением научных исследований в области права, его нельзя растворять в тех сферах, с которыми оно соприкасается и связано.

Социологическая юриспруденция преодолела крайность учения О. Конта, категорически отрицавшего возможность раздельного научного познания сторон общества, и сделала весьма важный вывод, согласно которому право изучается как многогранное явление (социальное, психическое, организационное, нормативное), сохраняющее свою самобытность и автономность. «Руководствуясь как чисто теоретическими, так и практическими соображениями, она всегда должна проводить идею о самобытности, самоценности и автономности права. Только отстаивая эту точку зрения на право, представители юридической науки у нас будут способствовать тому, чтобы право заняло в нашей жизни подобающее ему место»¹¹.

Только социологическая разработка дает возможность научно овладеть явлениями права, устанавливать законы возникновения и развития права. Ясно, что для решения теоретических и практических задач правоведению требуются точное, отчетливое знание самих юридических понятий и конструкций, их систематизация и обобщение. Представление о праве без догмы будет неполно. Социологическое изучение права не исключает догматического, а дополняет его. Нельзя не отдать должное догматическому подходу, который необходим при применении абстрактных правовых норм к конкретным случаям жизни, при условии если формально-логический подход не выступает как единственный методологический принцип. «Вступаясь за догму, когда существование ее никто не оспаривает, значит бороться с призраками»¹².

Теоретическая, историческая, догматическая, политическая, критическая точки зрения могут проводиться обособленно или равно применяться в исследовании, разработке права во имя прогресса цивилизации. Такова творческая сила юриспруденции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зверев Н. А.* Положительное направление в разработке общего учения о праве // Журнал гражданского и уголовного права. — 1881. — Кн. 1. — С. 129–159.
2. *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. — СПб. : РХГИ, 1999. — 375 с.
3. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. — СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 1979. — 250 с.
4. *Муромцев С. А.* Что такое догма права? // Юридический вестник. — 1884. — № 4. — С. 759–765.
5. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. — СПб. : Тип. М. Меркушева, Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1909. — 768 с.
6. *Ehrlich E.* Die Juristische Logik. — Tubingen : J. C. B. Mohr, 1918. — 337 S.

⁹ *Ehrlich E.* Grundlegung der Soziologie des Rechts. S. 399, 405.

¹⁰ *Зверев Н. А.* Указ. соч. С. 133.

¹¹ *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб. : РХГИ, 1999. С. 385.

¹² *Муромцев С. А.* Что такое догма права? // Юридический вестник. 1884. № 4. С. 763.

7. Ehrlich E. Die Tatsachen des Gewohnheitsrechts. — Leipzig : Deuticke, 1907. — 57 S.
8. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. — München; Leipzig : Duncker & Humblot, 1913. — 432 S.
9. Pound R. Interpretations of Legal History. — Cambridge; Massachusetts : Harvard University Press, 1946. — 171 p.

REFERENCES

1. Zverev NA. Polozhitelnoe napravlenie v razrabotke obshchego ucheniya o prave [Positive direction in the development of the general doctrine of law]. *Journal of Civil and Criminal Law*. 1881;1:129-159 (In Russ.).
2. Kistyakovskiy BA. Filosofiya i sotsiologiya prava [Philosophy and Sociology of Law]. St. Petersburg: RHGI Publ.; 1999 (In Russ.).
3. Yakhnovets SA. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava [Definition and basic division of law]. Moscow: Publishing house of St. Petersburg State University; 1979 (In Russ.).
4. Yakhnovets SA. Chto takoe dogma prava? [What is the dogma of law?]. *Legal Bulletin*. 1884;4:759-765 (In Russ.).
5. Petrazhitskiy LI. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti.: v 2 t. [The theory of law and the state in connection with the theory of morality: in 2 vols]. St. Petersburg: M. Merkushev Publishing House; Publishing House «Ekateringof. pech. delo»; 1909 (In Russ.).
6. Ehrlich E. Die Juristische Logik. Tübingen: J.C.B. Mohr; 1918.
7. Ehrlich E. Die Tatsachen des Gewohnheitsrechts. Leipzig: Deuticke; 1907.
8. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München; Leipzig: Duncker & Humblot; 1913.
9. Pound R. Interpretations of Legal History. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press; 1946.

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Москалевич Галина Николаевна, доцент кафедры права и экономики Минского инновационного университета, кандидат юридических наук, доцент
220102, Белоруссия, г. Минск, ул. Лазо, д. 12
moskalevich74@gmail.com

© Москалевич Г. Н., 2021

Аннотация. В статье рассмотрены различные подходы к понятию «юридическая техника», раскрыто значение данного понятия. Предложено авторское определение юридической техники. Показана роль юридической техники в разработке законодательных актов, создания качественных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: юридическая техника; правотворчество; нормотворчество; качество законодательства; законодательные акты; нормативные правовые акты; средство; способ; законодательство; экспертиза законодательных актов; форма права; элемент юридической технологии.

THE CONCEPT OF LEGAL TECHNIQUE: A HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Galina N. Moskalevich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Law and Economics, Minsk Innovation University
ul. Lazo, d. 12, Minsk, Belarus, 220102
moskalevich74@gmail.com

Abstract. The article discusses various approaches to the concept of «legal technique», explains the meaning of this concept. The author gives the definition of legal technique. The paper shows the role of legal technology in the development of legislative acts, the creation of high-quality regulatory legal acts.

Keywords: legal technique, law-making, rulemaking, quality of legislation, legislative acts, regulatory legal acts, means, method, legislation, examination of legislative acts, form of law, element of legal technology.

Актуальность темы исследования обусловлена теоретической значимостью юридической техники для правовой науки и практической необходимостью совершенствования системы законодательства, прежде всего в плане изложения правовых норм.

Право реализуется в действии лиц, его применяющих, при этом действия основаны на актах разного уровня права. Властные органы, выражая волю по правилам поведения в определенных сферах, формулируют их в строго определенной форме, текст которых должен быть понятен, однозначно трактован для правильного правоприменения. Отсюда велика роль юридической техники, которая органически

связана с формой права. Юридическая техника влияет на нормативные и законодательные акты, содержание которых напрямую зависит от формы правового акта.

В связи с этим И. С. Кич отмечает недостаточно высокое качество нормативных правовых и иных актов: «Размытые формулировки, неточные термины и дефиниции, неоднозначное понимание, искажение смысла и содержания правовых норм, нарушение логики изложения норм права в статьях законов, дублирование»¹. Автор полагает, что такое низкое качество правовых актов является следствием несоблюдения правил юридической техники.

Проблема применения юридической техники на современном этапе развития российского государства является чрезвычайно актуальной. Это предопределяется развитием всех сфер деятельности государства, а следовательно, и потребностью регулирования новых типов круга общественных отношений. Ни одно государство не может существовать без надлежащего механизма правового регулирования, который обеспечивает функционирование правовой системы общества. Этот механизм составляют правовые акты, работа над которыми предусматривает учет ряда обстоятельств, являющихся предметом изучения юридической техники.

Значимость исследуемой темы обусловлена также тем, что юридическая техника является индикатором правовой культуры в стране. Именно в этом выражается формулирование норм права в актах власти, их понимание правоприменителями, следование последними не только букве, но и духу закона, ставя в приоритет акты высшего уровня, провозглашающие права и свободы человека и гражданина. От того, насколько высок уровень юридической техники, зависит, насколько право, выраженное в форме — источниках, является доступным для граждан, насколько оно отражает их интересы и стремления и в какой мере обеспечивает возможность наиболее рационального использования в повседневной жизни.

С теоретической точки зрения актуальность темы исследования определяется тем, что юридические техники традиционно относятся к сфере применения технологий и программного обеспечения для оказания помощи отдельным юристам, юридическим фирмам, среднему и крупному бизнесу в управлении практикой, хранении документов, выставлении счетов, бухгалтерском учете и электронном использовании. Однако, несмотря на это, в науке до сих пор не выработан единый подход к определению понятия «юридическая техника», отсутствует однозначное его определение.

Проблемы юридической техники рассмотрены в трудах российских ученых-правоведов С. С. Алексеева, В. М. Баранова, Н. А. Власенко, Л. С. Давыдовой, В. Н. Карташова, Т. В. Кашаниной, Д. А. Керимова, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузовой, В. С. Нерсисянца, А. С. Пиголкина, А. Ф. Черданцева, Е. С. Шугриной и др. Однако понятие и значение юридической техники полностью не раскрыты и требуют дальнейшего исследования.

Цель данного исследования состоит в анализе и раскрытии понятия «юридическая техника» применительно к российскому законодательству.

Разработка категории «юридическая техника» имеет долгую историю. В правовой мысли XVII–XVIII вв. возникают взгляды о необходимости выработки определенных правил разработки законов, которые должны неукоснительно соблюдаться законодателем, причем обосновываются требования, которые являются актуальными и сегодня: изложение закона должно быть лаконичным, а предложение должно формулироваться простыми словами; слова, которые используются, должны быть однозначными; целесообразно применять мотивации закона².

Ш. Монтескье отмечал, что нарушения правил разработки законов приводят к появлению декларативных (недействующих) законов, которые ослабляют действие других нормативных правовых актов законодательства.

¹ Кич И. С. Понятие юридической техники и ее соотношение со смежными категориями права // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2019. С. 89.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Дашков и К., 2019. 607 с.

Термин «юридическая техника» нашел широкое применение в юрисдикции, как в теории, так и в практике. Также данная категория фигурирует и в правовых актах, однако доктринального определения ей в законодательстве России не дано. Исследователи по-разному определяют юридическую технику, придерживаясь при этом в качестве основы разного понимания права и формы его выражения. Так, в частности, В. Г. Баранов считает, что юридическая техника представляет собой определенный набор правил, средств выражения, признанных в конкретном государстве приемов, применяемых для формулирования и применения, толкования нормативных правовых актов и актов правоприменения³. Д. А. Керимов, еще в период развития советской правовой науки, формулировал юридическую технику исключительно в плане правил, применяемых при подготовке нормативных актов, так же, как и другие авторы того периода, делая акцент на определенных установленных правилах формирования норм тех или иных отраслей, самой формы издания акта⁴. С. С. Алексеев дополнял это толкование приемами и правилами систематизации нормативных правовых актов для их совершенствования⁵. А. С. Александров трактует юридическую технику как оперирование средствами юридического языка с целью толкования содержания текста юридической нормы⁶.

Другой подход был высказан А. А. Ушаковым, который, не отрицая сформировавшееся учение о юридической технике в советский период, разделял ее по сфере применения — для создания акта и для его применения. Таким образом, автор формировал комплексный подход к исследуемой категории. В своей работе он отмечал, что сам по себе акт нельзя рассматривать в отрыве от его реализации во внешнем мире, т.е. применение его не менее важно, как и его издание, куда включаются приемы и правила оформления, в том числе не только объективные (структура правовых норм, юридическая терминология и т.д.), но и субъективные, т.е. как он будет восприниматься профессиональными правоприменителями и обычными гражданами⁷.

Наиболее полно, по нашему мнению, определяет юридическую технику М. Л. Давыдова. Суть сформулированного учением мнения заключается в том, что юридическая техника относится не только к разным этапам формирования правовых актов, их издания, правоприменения, но и к определенной сфере деятельности человека — профессиональной. Обычный человек, усваивая те или иные нормы, не применяет юридическую технику, но только с ее помощью акт может быть не только законным (издан соответствующим органом, в определенном порядке, прошедший определенные этапы предложения, обсуждения, опубликования и т.д.), но и понятным конкретному гражданину. В связи с этим, по мнению автора, юридическая техника представляет в первую очередь профессиональную совокупность правил, средств, которые используются как при создании норм и актов, так и при их применении. Она исключает противоречия, неоднозначное толкование, обеспечивает должный для общества и установления законности в нем форму акта и его содержание⁸.

Ряд авторов под юридической техникой понимают степень совершенства формы, структуры, языка права; прикладную деятельность юристов⁹. С данным определением, по нашему мнению, нельзя согласиться, так как степень совершенства правовой системы как совокупности действующих нормативных актов — законов и актов

³ Баранов В. Г. Предисловие // Проблемы юридической техники : сборник статей. Н. Новгород, 2000. С. 10.

⁴ Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М. : Госюриздат, 1962. 127 с.

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права : курс лекций : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.

⁶ Александров А. С. Техника доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник статей : в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 466.

⁷ Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах. Пермь, 1961. 77 с.

⁸ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград : Волга, 2009. 318 с.

⁹ Колесник И. В. Юридическая техника в системе правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая мысль. 2013. № 4 (78). С. 56.

подзаконной степени определяется не юридической техникой, а совершенством ее формирования и применения в конкретном государстве.

Выделяют широкий и узкий подходы в понимании юридической техники. В основе первого подхода заложено понимание того, что юридическая техника отождествляется с правом в целом либо лежит в его основе. Такой подход позволяет утверждать, что юридическая техника является инструментальной частью любой юридической практики, охватывает почти все виды правовой деятельности и весомо влияет на их качество. Другой — узкий подход, по сути, отождествляет юридическую и законодательную технику, ограничивая исследуемую категорию исключительно набором правил и приемов, применяемых в законотворческом процессе¹⁰. Однако, определяя законодательную технику как систему средств и способов создания законов, можно отметить, что данная категория не отражает всей сущности юридической техники, так как право в общем понимании не существует в отрыве от правоприменения, создает определенный уровень правовой культуры и правопорядка в государстве. Исходя из этого, нельзя при формулировке юридической техники исключить из данной категории сферу правоприменения, правопонимания.

Неоднозначность отношения ученых к категории «юридическая техника» отчасти связана с разными подходами к пониманию права. Например, представитель социологического подхода А. Б. Венгеров полагает, что в качестве юридической техники выступает трансформация наиболее существенных для общества потребностей в правовую область, в результате чего происходит конструирование юридических норм, обязательных для каждого члена социума и являющихся необходимыми факторами, устанавливающими порядок. К этим необходимым факторам в сфере юридической техники исследователь причисляет в том числе общественное сознание, традиции, культуру, психологию и т.д. Такая позиция автора показывает, что юридическую технику он понимает в самом общем виде: и как способ подготовки закона, и как сам закон, и как юриспруденцию вообще¹¹. Анализ советских исследований говорит об отождествлении учеными юридической и законодательной техники.

На наш взгляд, юридическая техника — это своего рода система средств и способов, которые обоснованы на научном уровне и подтверждены на практике, применяются в процессе создания, систематизации, применении, реализации и интерпретации нормативных правовых актов. Существенное значение имеет специфика юридической техники, в том числе ее сложность, многогранность и многоаспектность, причем при реальном воплощении ее средств и приемов в нормативных правовых актах их можно рассматривать уже как свойство конкретной системы законодательства. Использование юридической техники помогает юристам выявлять их возможности, преодолевать препятствия в решении правовых вопросов и понимать, как элементы юридической техники могут улучшить их практику.

Сущность юридической техники состоит в ее дисциплинирующих свойствах, в том, что она выступает в качестве барьера, препятствия, в случае если возникают абстрактные притязания либо самоуправные действия, посягающие на правовое пространство. Кроме того, она обеспечивает знаниями о том, какие конкретные условия применяются при том или ином правовом акте, действии или ситуации...¹² В соответствии с французской доктриной права юридическая техника способствует обеспечению справедливости и эффективности правовых норм, выступает в качестве средства адаптации абстрактных формулировок к реальным обстоятельствам, зачастую нелегко поддающихся анализу и решению.

Юридическая техника представляет собой важный инструмент, с помощью которого реализуются права и законные интересы человека и гражданина — в соответствии с Конституцией Российской Федерации. При этом большое значение имеет как

¹⁰ Давыдова М. Л. Указ. соч.

¹¹ Голенок С. Г. Юридическая техника в системе регионального нормотворчества (теоретико-прикладной аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 21.

¹² Агжанова Д. М. Понятие юридической техники // Молодой ученый. 2018. № 48 (234). С. 95.

знание своих прав, так и их защита, умение реализовать эти права в практической деятельности.

Юридическую технику можно рассматривать как элемент юридической технологии и как один из факторов, оказывающих существенное влияние на качество и эффективность нормативных правовых актов. Юридическую технику можно охарактеризовать как систему научно обоснованных и практически сложившихся средств и способов, используемых при создании, систематизации, применении, реализации и интерпретации нормативных правовых актов. Правила юридической техники выступают в качестве технико-юридических норм, закрепляющих правильное и целесообразное использование технических средств и приемов, которые могут быть выражены в нормативных актах, в том числе особых инструкциях по подготовке и оформлению законопроектов. Юридическая техника исключает противоречия, не должна иметь неоднозначное толкование, она должна обеспечить необходимую для установления в обществе законности форму акта и его содержание.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агжанова Д. М. Понятие юридической техники // Молодой ученый. — 2018. — № 48 (234). — С. 95–97.
2. Александров А. С. Техника доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник статей : в 2 т. — Н. Новгород, 2001. — Т. 2. — С. 466–474.
3. Алексеев С. С. Общая теория права : курс лекций : в 2 т. Т. 2. — М. : Юрид. лит., 1982. — 360 с.
4. Баранов В. Г. Предисловие // Проблемы юридической техники : сборник статей. — Н. Новгород, 2000. — С. 10–12.
5. Венгеров А. Б. Теория государства и права. — М. : Дашков и К., 2019. — 607 с.
6. Голенок С. Г. Юридическая техника в системе регионального нормотворчества (теоретико-прикладной аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — СПб., 2005. — 244 с.
7. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. — Волгоград : Волга, 2009. — 318 с.
8. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. — М. : Госюриздат, 1962. — 127 с.
9. Кич И. С. Понятие юридической техники и ее соотношение со смежными категориями права // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. — 2019. — С. 89–92.
10. Колесник И. В. Юридическая техника в системе правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая мысль. — 2013. — № 4 (78). — С. 56–61.
11. Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах. — Пермь, 1961. — 377 с.

REFERENCES

1. Agzhanova DM. Ponyatie yuridicheskoy tekhniki [The concept of legal technique]. *Molodoi uchenyi*. 2018;48(234): 95-97 (In Russ.).
2. Aleksandrov AS. Tekhnika dokazyvaniya v russkom ugovovno-protsessualnom diskurse [The technique of proof in the Russian criminal procedural discourse]. In: Legislative technique of modern Russia: Status, problems, improvement: Collection of articles: in 2 vols . Vol. 2. N. Novgorod; 2001 (In Russ.).
3. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy: v 2 t. [General theory of law: course of lectures: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1982 (In Russ.).
4. Baranov VG. Predislovie [Preface]. Problems of legal technique: collection of articles. N. Novgorod; 2000 (In Russ.).

5. Vengerov AB. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of the State and Law]. Moscow: Dashkov i K. Publ.; 2019 (In Russ.).
6. Golenok SG. Yuridicheskaya tekhnika v sisteme regionalnogo normotvorchestva (teoretiko-prikladnoy aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk [Legal technique in the system of regional rulemaking (theoretical and applied aspect): Cand. Sci. Thesis]. St. Petersburg, 2005 (In Russ.).
7. Davydova ML. Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii [Legal technique: problems of theory and methodology]. Volgograd: Volga Publishing House; 2009 (In Russ.).
8. Kerimov DA. Kodifikatsiya i zakonodatelnaya tekhnika [Codification and legislative technique]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1962 (In Russ.).
9. Kich IS. Ponyatie yuridicheskoy tekhniki i ee sootnoshenie so smezhnymi kategoriyami prava [The concept of legal technology and its relation to related categories of law]. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019; 89-92 (In Russ.).
10. Kolesnik I. Yuridicheskaya tekhnika v sisteme pravotvorcheskoy i pravoprimenitelnoy deyatel'nosti [Legal technique in the system of law-making and law enforcement]. *Yuridicheskaya mysl*. 2013;4(78): 56-61 (In Russ.).
11. Ushakov AA. Ponyatie yuridicheskoy tekhniki i ee osnovnykh problemakh [The concept of legal technology and its main problems]. Perm; 1961 (In Russ.).

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Глотова Елена Леонидовна, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук, доцент
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
elglotova@msal.ru

Байгарина Августа Евгеньевна, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук, доцент
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
aebajgarina@msal.ru

Данилова Наталья Викторовна, преподаватель кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), преподаватель
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
nvdanilova@msal.ru

© Глотова Е. Л., Байгарина А. Е., Данилова Н. В., 2021

Аннотация. Статья посвящена методологическим подходам к преподаванию историко-правовых дисциплин в высших учебных заведениях, осуществляющих подготовку юридических кадров. Историко-правовые дисциплины должны иметь выход на практическую деятельность, закладывать основы профессиональных знаний, а не только нести информационную нагрузку.

Ключевые слова: юриспруденция; высшее юридическое образование; государство; право; история; методология; периодизация; стандарт; преподавание; историко-правовые дисциплины.

THE ISSUE OF TEACHING HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES IN THE SYSTEM OF TERTIARY LEGAL EDUCATION

Elena L. Glotova
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
nvdanilova@msal.ru

Avgusta E. Baigarina

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
elglotova@msal.ru

Natalia V. Danilova

Lecturer, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
nvdanilova@msal.ru

Abstract. *The article is devoted to methodological approaches to the teaching of historical and legal disciplines in higher educational institutions that train legal professionals. Historical and legal disciplines should result in practical activities, lay the foundations of professional knowledge, and perform not only information function.*

Keywords: *jurisprudence, higher legal education, state, law, history, methodology, periodization, standard, teaching, historical and legal disciplines.*

Реалии современной жизни диктуют новые задачи и условия при подготовке будущих высококвалифицированных юридических кадров. В настоящее время возникает объективная необходимость внесения определенных коррективов не только в организацию образовательного процесса, но и в методику преподавания историко-правовых дисциплин в сфере юридического образования в России. Историко-правовая школа способствует реализации цели¹.

Исторический опыт высшего юридического образования показывает: с XIX в. в Российской империи стало активно осуществляться преподавание историко-правовых дисциплин. На изучение законов вместе с историей их создания ориентировал Университетский устав 1835 г., покончивший с преподаванием естественного права и закрепивший практический характер подготовки юристов, существенно возрастает интерес к римскому праву среди русских правоведов, внесших значительный вклад в его изучение.

Проведя анализ ФГОС ВПО — бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция², можно заметить, в обязательную часть программы бакалавриата (предусматривающую обеспечение формирования общепрофессиональных компетенций) не входит дисциплина (модуль) «Римское право», причем доказывать роль и значение указанной дисциплины в мировой культуре вообще, а тем более в истории права, нет никакой необходимости.

Еще министром народного просвещения Н. П. Боглеповым (1898–1901) предписывалось, «чтобы обучение римскому праву продолжалось в течение всего университетского курса»³. В этой связи как никогда важно напомнить мнение Е. А. Суханова, слова которого не только не потеряли своей актуальности, но и приобрели новый смысл: «Вновь стала очевидной невозможность подготовки квалифицированных

¹ См.: Исаев И. А. Социокультурная архитектура историко-правовой научной школы: традиции и инновации // История государства и права. 2021. № 12. С. 3–10.

² Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2020 № 1011 (ред. 26 ноября 2020 г.) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009070039> (дата обращения: 20.12.2021).

³ Яснопольский Н. П. Специализация учебных планов преподавания и занятий науками юридическими, государственными и экономическими в университетах России. Опыт исторического исследования. Киев : Типография Императорского университета Св. Владимира Акцион, 1907. С. 33.

юристов без глубокого изучения хотя бы основ римского гражданского права, давно ставших по сути языком общения юристов разных стран, позволяющим воспринимать и профессионально оценивать конкретные законодательные решения различных правовых систем»⁴.

Не менее важным представляется вопрос, связанный с формированием учебных планов в высших учебных заведениях. Необходимо учитывать предметную специфику и особенности историко-правовых дисциплин, которые закладывают основы фундаментального образовательного базиса, направленные на приобретение (освоение) студентами соответствующих знаний в практико-ориентированной модели обучения. Об установлении определенной последовательности при изучении учебных предметов, входящих в учебный план, отмечалось еще в Общем уставе Императорских российских университетов 1884 г.: «Каждый факультет составляет один или несколько учебных планов, в которых обозначаются как науки, подлежащие изучению студентами того факультета, так и нормальный порядок их изучения...»⁵.

На современном этапе представляется целесообразным, актуальным и положительно необходимым инициировать корректировку и совершенствование учебных планов юридических вузов при преподавании историко-правовых дисциплин. Следует придерживаться рационального подхода и «выстраивать» учебные планы таким образом, чтобы обеспечить определенную логическую последовательность при изучении дисциплин и междисциплинарную взаимосвязь: изучение дисциплины (модуля) «Римское право» может представлять для обучающихся определенные сложности и трудности в деле освоения учебного материала (приобретения знаний, умений и навыков) без сформированных ранее базовых знаний по дисциплинам «Латинский язык» (который также не вошел в обязательную часть программы бакалавриата), «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран».

Вопрос о необходимости соблюдения последовательности в преподавании историко-правовых дисциплин ранее неоднократно поднимался в научном сообществе. С. В. Кодан указывал на пользу «синхронного обучения», подкрепленного практикой: «Параллельное изучение теории и истории государства и права (вначале зарубежных стран, а затем России), создает возможность для наилучшего усвоения понятийного аппарата юриспруденции»⁶.

Проблема периодизации истории государства и права представляет широкий простор для дискуссий, споров и обсуждений. В отличие от теории государства и права историко-правовая наука изучает конкретные процессы развития государственно-правовых институтов. При объяснении процессов и явлений, составляющих содержание истории государства и права, могут даваться самые различные оценки и трактовки, высказываться разнообразные мнения. С одной стороны, эволюция государственно-правовых явлений развивается в хронологической последовательности, проявляется в определенном историческом пространстве. Поскольку история государственно-правовых институтов разворачивается во времени из прошлого в будущее, вполне логично воспользоваться временной шкалой, на которой каждое событие находит свое место. Хронологическая, она же логическая, последовательность событий и явлений дает знания основ исторического развития государственных учреждений и правовых институтов.

Историко-правовая наука предполагает изучение сущности, содержания юридических норм и законодательных памятников, выявление мотивов и целей законодателя

⁴ Новицкий И. Б. Римское право. М. : ТОО ТЕИС, 1998. С. 3–4.

⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1884 год. Царствование императора Александра III. СПб. : Типография Высочайше утвержд. товарищ. «Общественная польза», 1893. Т. 9. С. 1005.

⁶ Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н. История государства и права в условиях реформирования юридического образования: методологические, методические, социально-культурные аспекты: межвузовский научно-методический семинар (обзор докладов и сообщений) // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 212–213.

при их принятии. Хронологическая последовательность ориентирует на понимание особенностей правовой культуры того или иного общества, знание действовавших в его условиях норм права, правил судопроизводства.

Несмотря на то что социальные и политические изменения происходили в различные исторические эпохи, им были присущи некоторые общие закономерности и проявления. Поэтому, с другой стороны, общеизвестное деление истории государства и права на четыре хорошо известных периода (Древний мир, Средние века, Новое время, Новейшее время) оказывается условным. Чтобы получить достоверную картину государственно-правового прошлого, представляется разумным предположить, что одного критерия времени недостаточно. Даже хронологически упорядоченные события и правовые памятники различных стран должны рассматриваться в том социально-политическом, экономическом и культурном контексте, в котором они происходили.

С учетом последних достижений историко-правовой науки предполагается возможным использование цивилизационного подхода, заложенного в своих основах Н. Я. Данилевским, А. Тойнби, Ф. Броделем, Ж. Ле Гоффа. Безусловно, цивилизация самобытна во всем, цивилизация немыслима без государства (или множества государств, как это было, например, в Древней Греции). Однако нельзя игнорировать противоречивости критерия выделения типов цивилизации: своеобразие — понятие чрезвычайно расплывчатое.

Сегодня очевидна насущная потребность в установлении и соблюдении определенной логичной очередности преподаваемых в вузах дисциплин в рамках реализации конкретных программ бакалавриата, так как каждый предмет учебного плана формирует соответствующие навыки и способствует накоплению профессионального опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н. История государства и права в условиях реформирования юридического образования: методологические, методические, социально-культурные аспекты: межвузовский научно-методический семинар (обзор докладов и сообщений) // Российский юридический журнал. — 2012. — № 3. — С. 212–213.
2. Исаев И. А. Социокультурная архитектура историко-правовой научной школы: традиции и инновации // История государства и права. — 2021. — № 12. — С. 3–10.
3. Новицкий И. Б. Римское право. — М.: ТОО ТЕИС, 1998. — 245 с.
4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1884 год. Царствование императора Александра III. — СПб.: Типография Высочайше утвержд. товарищ. «Общественная польза», 1893. — Т. 9. — 1353 с.
5. Яснопольский Н. П. Специализация учебных планов преподавания и занятий науками юридическими, государственными и экономическими в университетах России. Опыт исторического исследования. — Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира Акцион, 1907. — 306 с.

REFERENCES

1. Bazhenova TM, Zipunnikova NN. Istoriya gosudarstva i prava v usloviyakh reformirovaniya yuridicheskogo obrazovaniya: metodologicheskie, metodicheskie, sotsialno-kulturnye aspekty: mezhvuzovskiy nauchno-metodicheskiy seminar (obzor dokladov i soobshcheniy) [History of the state and law in the context of reforming legal education: Methodological, methodical, socio-cultural aspects: Interuniversity scientific and methodological seminar (review of reports and communications)]. *Russian Juridical Journal*. 2012;3: 212-213 (In Russ.).

2. Isaev IA. Sotsiokulturnaya arkhitektura istoriko-pravovoy nauchnoy shkoly: traditsii i innovatsii [Socio-cultural architecture of the historical and legal scientific school: Traditions and innovations]. *History of State and Law*. 2021;12:3-10 (In Russ.).
3. Novitskiy IB. Rimskoe pravo [Roman Law]. Moscow: TOO TEIS Publ.; 1998 (In Russ.).
4. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. 1884. The Reign of Emperor Alexander III. St. Petersburg: Tipografiya Vysochayshe utverzhd. Tovarishch. «Obshchestvennaya Polza»; 1893 (In Russ.). Vol. IX. (In Russ.).
5. Yasnopolskiy NP. Spetsializatsiya uchebnykh planov prepodavaniya i zanyatiy naukami yuridicheskimi, gosudarstvennymi i ekonomicheskimi v universitetakh Rossii. Opyt istoricheskogo issledovaniya [Specialization of curricula for teaching and studying legal, state and economic sciences at Russian universities. The experience of historical research]. Kiev.: Printing House of the Imperial University of St. Vladimir's Excision; 1907 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2021.20.4.088-092

ЮРИДИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Яхновец Савелий Анатольевич, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
xwitchcrystal@yandex.ru

© Яхновец С. А., 2021

Аннотация. Важным и актуальным компонентом в области судебных независимых решений в уголовном судопроизводстве, безусловно, является система философского мировоззрения судьи. Представляется необходимым указать на инновационный потенциал судебного усмотрения с последующим созданием подобного института, способного формировать плюрализм судебных мнений, лишенных излишнего формализма и критических ошибок.

Ключевые слова: юридическая аксиология; судебское усмотрение; уголовно-правовая сфера; философия права; уголовное право; правотворчество судьи; уголовное судопроизводство; юридические ценности; уголовный процесс; судебский профессионализм; судебская этика.

LEGAL AXIOLOGY OF JUDICIAL DISCRETION IN A CRIMINAL LAW FIELD

Saveliy A. Yakhnovets

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
xwitchcrystal@yandex.ru

Abstract. An important and relevant component in the field of judicial independent decisions in criminal proceedings is certainly important and plays a primary role in the system of the philosophical worldview of the judge. It seems necessary to point out the innovative potential of judicial discretion with the subsequent creation of such an institution capable of forming a pluralism of judicial opinions devoid of excessive formalism and critical errors.

Keywords: legal axiology, judicial discretion, criminal law sphere, philosophy of law, criminal law, judicial lawmaking, criminal proceedings, legal values, criminal procedure, judicial professionalism, judicial ethics.

Судейское усмотрение как самодовлеющее явление по своей структуре тесно связано с культурными, профессиональными, правовыми установками, ценностями и взглядами. Особо значимыми являются должностные и социальные принципы судьи, тем более их применение при рассмотрении уголовных дел. Ключевая роль отводится и тому факту, что участники уголовного процесса не могут быть до конца уверены, какое значение и философское определение права

толкует судья, когда применяет определенные юридические меры, используя свои полномочия. Однако восприятие права как сферы должного является значительным упрощением его истинного бытия. Очевидно, что при таком толковании права за его пределами должны оставаться юридическая практика, проявляющая себя в многообразии правовых ситуаций, а также вся правовая жизнь, которая вполне справедливо может называться сферой сущего, поскольку в ней реализуются и защищаются конкретные жизненные интересы субъектов права и существуют вполне олицетворенные и опредмеченные явления, которые в сфере должного представлены лишь косвенным образом. В этой связи вполне целесообразным выглядит рассмотрение ценностного регулирования как средства преодоления обезличенности права как результата его чрезмерной рационализации, консервации в рамках должного¹.

Судейское усмотрение тем самым чередует и совмещает в себе различные рациональные и научные методы в совокупности с эмпирическими и психологическими подходами к определению значимости выводного положения. Важность философских и правовых ценностей судьи в уголовном праве заключается в грамотном и корректном применении санкций, более глубоком рассмотрении дела и качественной организации процесса. Уголовное право не потерпит случайностей и халатного отношения к своей сущности, именно поэтому судья должен руководствоваться сложившейся у него микросистемой ценностей, которые будут тесно коррелировать с правовой оболочкой и нормативным содержанием. Иными словами, именно с помощью уникальных аксиологических идей судейское усмотрение сможет быть максимально эффективным при рассмотрении уголовных дел.

Творческая самореализация судьи дает ему право посмотреть на ситуацию обвиняемого с иной стороны, со стороны сострадания, применения основ гуманизма и человечности по отношению к нему, ведь буква закона не всегда может давать четко определенный и выраженный ответ на те или иные уголовные казусы. Духовно-правовой рост, а равно и относящиеся к нему ценности, характеризуют судью как мудрое и опытное должностное лицо, которому присущ дух профессионализма и серьезный жизненный путь, именно благодаря такому квазиправовому явлению судейское усмотрение может более широко спроецировать картину во время уголовного процесса и рассмотреть абсолютно каждую деталь, основываясь на собственной истории жизни. Одна из фундаментальных ролей принадлежит и различным этическим соображениям судьи, ведь его собственный психологический портрет, его характер и мышление будет напрямую отражать исход того или иного уголовного процесса. В случае, если судья претерпевает определенный внутриличностный кризис или проживает в нелегкое для него время, то его усмотрение может иметь чересчур эмоционально-экспрессивный характер. Если же судья является человеком, который по своему характеру хладнокровный, имеющий силу воли и крепкие психические барьеры, то его усмотрение будет максимально рациональным и ясным, ведь никакое внешнее влияние не сможет ему помешать. Карьерный рост как одна из базисных позиций судейского усмотрения также носит особый характер. Чем больший судейский опыт имеет должностное лицо, чем более масштабно охвачено оно было своей работой, тем больше философских и правовых принципов было заложено в его сознание. Вследствие чего он может мыслить довольно оригинально и нестандартно, что поможет ему при различении тех или иных обстоятельств уголовного дела. Жизнь судьи напрямую апеллирует к потенциалу его судейского усмотрения. При вынесении приговора он будет руководствоваться всеми прожитыми его периодами и ситуациями. Данный кейс имеет довольно серьезный субъективный характер, который может в какой-то мере определяться и социальными аттитюдами, но непосредственно личные ситуации судьи, в которых он пребывал и свидетелем которых являлся, будут максимизировать судейское усмотрение и делать его абсолютно самостоятельным инструментом для определения исхода дела.

¹ Горобец К. В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс. Одесса : Фенікс, 2013. С. 81.

Судейское усмотрение так или иначе практически на все свое содержание распространяет именно субъективно-идеалистический подход. Как утверждал М. М. Бахтин: «Никто не может занять нейтральной к Я и другому позиции: отвлеченно-познавательная точка зрения лишена ценностного подхода, для ценностной установки необходимо занять единственное место в едином событии бытия, необходимо воплотиться. Всякая оценка есть занятие индивидуальной позиции в бытии: даже богу надо было воплотиться, чтобы миловать, страдать и прощать, как бы сойти с отвлеченной точки зрения справедливости»².

Под судебским усмотрением в уголовном праве в данной работе понимается прежде всего определенная творческая и управомочивающая деятельность судьи, которая совершается исключительно в процессуальной форме, предполагающая альтернативу в виде возможности выбора собственного решения в пределах законных норм и своих должностных полномочий. Правовая философия судьи в отправлении уголовного правосудия заключается прежде всего в том, насколько суровый или гуманный будет приговор, на какие обстоятельства или элементы нужно уделить наиболее вещественный акцент, как будет проходить сам уголовный процесс. Пределы судебного усмотрения носят относительный характер и в тех случаях, когда с помощью оценочных понятий в законе характеризуются субъективные признаки. Так, упоминаемые в ст. 153 и 155 УК РФ низменные побуждения не имеют нормативно обозначенного содержания и должны толковаться по усмотрению правоприменителя. Определить волю законодателя и очертить примерные рамки такого усмотрения призвана наука уголовного права. В соответствии с ее рекомендациями к низменным следует отнести те мотивы, с которыми закон связывает усиление уголовной ответственности либо в рамках Общей части, относя их к обстоятельствам, отягчающим наказание, либо в рамках Особенной части, рассматривая их в конкретных составах преступлений как квалифицирующий признак или используя их как конститутивные признаки специальных составов преступлений, признаваемых более опасными по сравнению с общими составами таких преступлений (например, террористический акт как частный случай убийства)³.

Отдельное внимание стоит уделить либеральным, демократическим и гуманным принципам судебного усмотрения. Именно данные философские, правовые и человеческие категории являются показателем высокой моральной и нравственной компетенции. Естественно, что применяться они также должны правильно и справедливо. Каждое из указанных качеств по сути может спасти человеку жизнь, не деформировать его судьбу, не лишить его смысла существования. Например, когда речь идет об альтернативных наказаниях, то логичнее и корректнее выбирать наименее суровую санкцию, опять же нужно смотреть и на личность подсудимого. Однако для нарушителя закона данный факт очень многое может значить, ведь по сути своей уголовно-исполнительные процедуры вряд ли принесут пользу подсудимому, зато могут сделать его в будущем потенциальным рецидивистом. Для судьи подобные решения также имеют первичное значение ввиду того, что от принятия тех или иных решений будет складываться его дальнейший судебский темперамент и профессиональные привычки касаясь возможности применять собственные знания для решения уголовных вопросов. От того, какие юридические ценности преподнесло судье его образование, опыт работы и окружение, зависит и ряд других серьезных условий. У судьи имеется право и корректировать сущность преступления, если это является возможным, тем самым он может отнестись более лояльно к подсудимому, показав свою собственную систему правовых взглядов на конкретный кейс: вера в судьбу, в себя; достоинство судьи как высшая ценность — данные аксиологические элементы применимы для процессуальной возможности исполнения как для подобной процедуры, так и для ряда других. Думается, что в последние годы проблема судебного усмотрения не только не утратила своего

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 120.

³ Кораблина О. В. Понятие и признаки судебного усмотрения в российском уголовном праве // Вестник АГТУ. 2007. № 3. С. 247.

В будущем непременно будет иметь место масштабная судебная и уголовно-исполнительная реформа ввиду того, что подобные юридические категории должны идти на шаг вперед самой законодательной базы и быть актуальными. Развитие подобного вопроса представляет возможным создать уникальный и единичный институт судебного права, который позволит улучшить проведение уголовного процесса и внедрить неолиберальные и неodemократические принципы для развития данной отрасли права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1986. — 444 с.
2. Горобец К. В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс : монография. — Одесса : Фенікс, 2013. — 218 с.
3. Грачева Ю. В. Перспективы существования судебного усмотрения в уголовном праве // Lex russica. — 2014. — № 8. — С. 947–957.
4. Кораблина О. В. Понятие и признаки судебного усмотрения в российском уголовном праве // Вестник АГТУ. — 2007. — № 3. — С. 242–248.
5. Трухачев В. В. Судейское усмотрение в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник ВГУ. — 2013. — № 2. — С. 389–397.

REFERENCES

1. Bakhtin MM. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1986 (In Russ.).
2. Gorobets K. personas: Aksiosfera prava: filosofskiy i yuridicheskiy diskurs : monogr. [The Axiosphere of Law: philosophical and legal discourse: monograph]. Odessa: Feniks Publ.; 2013 (In Russ.).
3. Gracheva Yu. personas: Perspektivy sushchestvovaniya sudeyskogo usmotreniya v ugodovnom prave [Prospects for the existence of judicial discretion in criminal law]. *Lex russica*. 2014;8: 947-957 (In Russ.).
4. Korablina OV. Ponyatie i priznaki sudeyskogo usmotreniya v rossiyskom ugodovnom prave [The concept and signs of judicial discretion in Russian criminal law]. *Bulletin of the ASTU*. 2007;3: 242-248 (In Russ.).
5. Trukhachev V. personas: Sudeyskoe usmotrenie v ugodovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii [Judicial discretion in the criminal process of the Russian Federation]. *Proceedings of Voronezh State University*. 2013;2:389-397 (In Russ.).

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА О РЕЗУЛЬТАТАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО ПРОЕКТА № 18-29-15045 «МОДЕЛИ НАУЧНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»¹

ANALYTICAL NOTE CONCERNING THE RESULTS OF IMPLEMENTATION OF SCIENTIFIC PROJECT NO 18-29-15045 «MODELS OF SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION: FEATURES AND PROSPECTS OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION»²

Natalya A. Sokolova, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nasokolova@msal.ru

Elvin S. Teymurov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
esteymurov@gmail.com

© Sokolova N. A., Teymurov E. S., 2021

A complex nature of scientific and scientific and technical cooperation, the importance of the results of cooperation for the whole mankind, the issues of the use of intellectual property products, economic problems, the use of spaces covered by the international legal regime require the States to join their efforts. The creation of an international legal framework that takes into account the interests of all the States, defines competent international organizations in the field of integration, presupposes the formation of high-quality and effective models of scientific cooperation.

The international law regulation in the creation and development of models of scientific cooperation, on the one hand, requires the definition and recognition of general principles that form the ideological basis of such scientific collaboration. On the other hand, it is

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15045.

² The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No 18-29-15045.

necessary to take into account the standards and features of international scientific and technical cooperation in various fields through the implementation of international scientific projects for the development of nuclear energy and energy efficiency, environmental protection, improving the efficiency of the legal regime of the Arctic, development of space and marine scientific research, *etc.* These areas are promising in the context of implementation of strategic interests of the Russian Federation.

Created models of scientific and technical cooperation should take into account the issues of differentiated responsibility of the States, the exchange of information, the development of technological and other standards.

Foresight in relation to models of scientific and technical cooperation involves not only identifying their key components and system connections. It also requires assessing the prospects for the use of such models, choosing the most appropriate model with due regard to the level of development of the States, ranking scientific and technological challenges, national interests and priorities of the Russian Federation.

As a result of the study, general characteristics of the models of scientific and scientific and technical cooperation are given and the features of its international legal regulation are defined, taking into account the strategic interests of the Russian Federation.

The team of the scientific project:

- has analyzed the proceedings of domestic and foreign studies, judicial practice (mainly of international judicial bodies) concerning the problems of international legal regulation of scientific and scientific and technical cooperation;
- has examined the international law experience of institutional and conventional regulation of scientific and technical cooperation;
- has studied modern problems of the concept of the common heritage of the mankind (on the example of the World Ocean and celestial bodies);
- has examined the legal regime of scientific research in the polar regions of the world;
- has substantiated on the basis of interdisciplinary research the models of scientific and technical cooperation, including optimal models for the Russian Federation, taking into account the priorities of its scientific and technological development.

In accordance with the objectives of the study, close attention was paid to the examination of legal models of international scientific and technical cooperation in the field of nuclear, marine and space research, as well as in the field of environmental protection.

Obtained scientific results have a pronounced interdisciplinary character at the intersection of legal science, political science, oceanography, physics, astronomy and ecology, covering not only the study of scientific activity in the relevant fields, but also the organizational conditions for their implementation and development.

Global technologies generated by scientific and technological progress have required scientific and technical cooperation of States, as a result of which the scope of international legal regulation has significantly expanded. The conventional model of scientific and technical cooperation is implemented in the form of international agreements and treaties, the significance, potential and characteristic features of which must be taken into account to increase the effectiveness of this model:

- the purpose of scientific and technical cooperation consists not only of effective interaction to obtain new knowledge, but it also involves subsequent use, including the use to protect the interests of the State and to solve global problems;
- scientific and technical cooperation is an important element of bilateral and multilateral relations that contributes to their development, enhances good friendly relations between countries and peoples, creates prerequisites for the development of mutually beneficial trade and economic ties and, at the same time, facilitates obtaining advantages in the economic and security fields. On the basis of successful interstate cooperation in the field of scientific and technical cooperation, relations regulated by private international law are subsequently developing more actively;
- taking into account the Russian experience, international scientific and technical cooperation can develop in several directions. Firstly, the coordination direction, as it was within the CIS and resulted in the active development of bilateral relations; secondly,

- the development of integration cooperation within the EAEU; and thirdly, a special format of cooperation within the BRICS;
- international scientific and technical cooperation is actively developing attracting the attention of the States, which is expressed in the form of accelerated international legal regulation, the search for optimal models of joint scientific activity, the use of the obtained scientific results, the potential of the principles of international law. International rulemaking in the field of scientific and technical cooperation has a peculiarity caused by the need for proactive legal regulation, *i.e.*, the development of international law rules not in response to adverse situations, but in anticipation of their occurrence in order to prevent harmful consequences;
 - cooperation in the scientific and technical sphere is carried out in accordance with special bilateral and multilateral agreements between organizations of partner countries (interstate cooperation), or joint scientific and scientific and technical activities of scientific communities and individual scientists from different States. Indeed, individual contacts between scientists and scientific organizations are important, this has long been clearly recognized at the international level. At the same time, individual contacts between scientists and scientific organizations neither ensure the implementation of the state strategy in this area of cooperation nor form this strategy. Such a function should be implemented by the State. On the contrary, this interaction should be based on the foundation of interstate scientific and technical cooperation;
 - the sphere of scientific and technical cooperation is most open to various classical and more flexible formats of interaction. The paradigm of such broad cooperation through the sphere of science and technology is also aimed at achieving certain political goals of cooperation.

The authors have established that the legal models of international scientific and technical cooperation can be understood as an image (description) of the regulation of the interaction among subjects of international law and with other actors who do not have international legal personality reflecting the most significant characteristics of this interaction, including: a conceptual and ideological basis, limits of regulation, a range of legal regulators, a status and activity of the subjects, legal risks and expected results of interaction.

Taking into account the forms of international cooperation, it is proposed to identify conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation. Such differentiation encourages better understanding of the legal models of international scientific and technical cooperation and, to a certain extent, it is provisional, since they both are closely related and reflect different aspects of the legal model. The institutional model characterizes the status and activities of the subjects to a greater extent, whereas the conventional model of international scientific and technical cooperation primarily reflects a set of legal regulators of the subjects' interaction. At the same time, the conventional model is not limited exclusively to international treaties and customs, and it also includes instruments containing soft law norms.

MARINE AND SPACE RESEARCH

The formation of the models of scientific and technical cooperation involves the analysis of individual areas of international scientific and scientific and technical cooperation that are carried out in the form of scientific research. Such areas include international legal regulation of scientific research in outer space, Polar Regions, nuclear and energy security.

The conceptual basis of the conventional model of international scientific and technical cooperation in the field of marine scientific research is formed as a result of the interaction between States, international organizations and other actors in order to promote the expansion of knowledge about the essence of phenomena and processes occurring in the marine environment and relationships between them with due regard to the rights and obligations of other States through the conclusion of bilateral and multilateral agreements based on the provisions of the Convention of 1982.

Although the 1982 UN Convention on the Law of the Sea does not contain the concept of marine scientific research, most of the preliminary proposals in one form or another are reflected in the general provisions of Part XIII of the 1982 Convention. At the same time, the issue of distinguishing scientific research from other types of activities has repeatedly become the subject matter of international judicial disputes. The International Court of Justice in the case *Whaling in Antarctic* (Australia v. Japan) in 2014 evaluated the criteria of marine scientific research highlighted by experts. The Court pointed to the three signs of marine scientific research:

- 1) defined and achievable objectives (questions or hypotheses) that aim to contribute to knowledge important to the conservation and management of stocks;
- 2) «appropriate methods», including the use of lethal methods only where the objectives of the research cannot be achieved by any other means;
- 3) the avoidance of adverse effects on stock.

The 1982 Convention establishes that such research should be conducted exclusively for peaceful purposes, using appropriate scientific methods and means, without interfering with the implementation of other legitimate activities.

Cooperation should result in simplification and creation of conditions for joint marine scientific research, ensuring the availability of information about the main scientific programs and their objectives, as well as the knowledge resulting from such research, through their publication and dissemination using appropriate channels.

As a result of the conducted research, it was found that the conventional model of international scientific and technical cooperation in the field of marine scientific research is based on the 1982 UN Convention on the Law of the Sea and includes, depending on the specific situation, bilateral and multilateral international treaties, decisions and resolutions of competent international organizations, as well as numerous acts containing soft law norms aimed at specifying various aspects of interaction.

The identification of conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation, their structural elements, as well as the results of the study of conventional models on the example of marine scientific research determined the need for further examination of institutional models of international scientific and technical cooperation and their interrelations, as well as organizational and legal forms for the creation and use of global research infrastructure, identifying their advantages and disadvantages, the possibilities of application and adaptation to projects of the «megascience» class in Russia.

The institutional model of international scientific and technical cooperation characterizes the status and activities of subjects. In the field of marine scientific research, it is mainly expressed in the establishment of international intergovernmental and non-governmental organizations. European research infrastructure consortia act as an independent institutional model.

As a result of the conducted research, it was found that institutional models of international scientific and technical cooperation can be divided into ecosystem and collaboration models. Ecosystem models create the necessary legal, organizational, economic and other conditions for international cooperation and joint marine scientific research without carrying out direct scientific research. Collaboration models are created directly for the implementation of international scientific research. There is no strict separation between them, however, if the former are mainly focused on creating the necessary environment and conditions for simplifying and strengthening international scientific and technical cooperation, then collaborative models mainly adapt the developed mechanisms of interaction to the needs of a specific project.

To determine the characteristic features, the authors examine in detail the most significant models in the field of marine scientific research, namely: the institutional models of international scientific and technical cooperation of ecosystem type (Intergovernmental Oceanographic Commission of UNESCO and Scientific Committee for Ocean Research) and of collaborative type (European Consortium of Research Infrastructure «European Center for Marine Biological Resources» and GRID-Arendal). Ecosystem models make the most noticeable contribution to the formation of regulatory and organizational frameworks

for the implementation of international projects in the field of ocean research and their financing. They attract a significant number of bodies and programs of international intergovernmental and non-governmental organizations, specialized national scientific institutions, concerned structures and individual scientists to participate in them. Institutional collaborative models carry out international research projects and act as a unifying platform for various research institutions and scientists, based largely on the organizational, financial and structural basis developed by ecosystem models.

Conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation are also applied in the field of space research. International scientific and technical cooperation in this field, in addition to sharing the burden of financial costs, the formation of multinational research groups and the exchange of data between their participants and the entire scientific community, in some cases is caused by the specifics of the phenomena under study that require participation of various States. For example, the study of the relationship between the solar wind, the magnetosphere and the ionosphere, the physical processes of magnetospheric space storms require a significant number of orbital and ground-based sources located on different parts of the Earth, which predetermines the necessary and mutually beneficial nature of cooperation.

Institutionally, international cooperation in the field of space exploration and use is carried out within the framework of various intergovernmental and non-governmental organizations: COPUOS, WMO, UNESCO, WHO, ITU, ICAO, ESA, COSPAR, *etc.* Despite the fact that the subject matter of agreements on international scientific and technical cooperation in the field of space research in some cases includes national scientific institutions and other organizations, fundamental changes in the structure of relations are not taking place. National institutions, whether academies of sciences or State corporations, when concluding international agreements, perform not private, but public functions delegated to them by the relevant State. Unlike international scientific and technical cooperation in the field of marine research in the space, there is a strong dependence even of non-governmental institutions on the results of the implementation of state space programs.

Currently, there is an active transformation of space exploration associated with the expansion of the individuals' participation in this activity. Enhancing participation of private actors is becoming a priority for a number of national space agencies. Taking into account concerns about the effectiveness and benefits of international cooperation in major international projects and accelerated involvement of the private sector in the implementation of space projects, a departure from the practice of implementing large-scale international scientific projects in space is expected. A striking example of this is the refusal of further operation of the ISS, which was first voiced by the United States. States with strong and independent space programs will determine the further development of international space research, allowing other countries to join them only in certain cases and to their joint interests. In fact, this is now being observed by the example of the Artemis Agreements of 2020, when the United States offered its understanding for the further development of relations concerning space exploration, and other states were given a choice: whether to join, implement their programs or stay «out of the game.»

The biggest part of the scientific and technical cooperation in space research is being transferred to the field of public-private partnerships. States have sufficient regulatory tools to administer these studies for socially significant purposes. And interstate scientific and technical cooperation will continue in the order of relatively short-term interaction on certain issues of space research, whether it is the installation of a certain module on a particular partner mission, the implementation of joint tests or observations on modules, *etc.*

NUCLEAR RESEARCH AND MEGASCIENCE

A leading role in implementation of international scientific and technical cooperation continues to be played by States pursuing national interests and determining the vector of its

development. At the same time, the composition of participants in scientific collaborations includes a significant number of entities who cannot be equated with traditional subjects of international law due to their legal status or they do not fall under the classification of subjects of law, while their participation in international scientific projects is caused by the realities of scientific cooperation and becomes a practical prerequisite for the projects' success and effectiveness.

In this regard, a significant number of models of international scientific and technical cooperation of the Russian Federation, leading European countries and the United States of America in the nuclear field have been studied. Based on the conducted research, it was revealed that there are two key factors identifying the legal aspects that determine the effectiveness and success of legal models of international scientific and technical cooperation: organizational and legal registration (the establishment of a separate independent entity or the use of existing «umbrella» legal structures) and used legal instruments and the law governing the activity.

The study proves that the organizational and legal model of international scientific and technical cooperation both using existing international intergovernmental organizations of the framework type or legal entities under national law, and establishing new special entities, can be schematically represented as a four-level system. The first level includes, depending on the organizational and legal form of international scientific and technical cooperation, the existing legal framework of activities of an international intergovernmental organization or the national legislation of the State where the legal entity is established. The second level is the internal law of an international intergovernmental organization or a local regulatory act issued by an «umbrella» structure. The third level consists of various memoranda of understanding. The fourth level is optional and includes, as a rule, various bilateral agreements of the organization itself.

It should be borne in mind that the great advantage of using umbrella-type organizational and legal models for international scientific and technical cooperation in the creation and operation of a global research infrastructure in the nuclear field is caused by the readiness of most of its tools and mechanisms that have already proven their efficiency in practice. It is only needed to adapt them to the specifics of a certain project. The possibility of implementing a significant number of projects is also necessary. However, if it is necessary to ensure a clear equity participation of partners in the implementation of the project, their financial obligations and a management structure dependent on them. Then, the creation of a special project-type legal entity (international or national) is a more appropriate form.

Based on the «legal environment» within which the models will function, the use of an international intergovernmental organization implies certain benefits, immunities and privileges, withdrawal from the jurisdiction of the host State regarding an agreed range of issues, *etc.* In modern conditions, an important factor is that it is much more difficult to subject international intergovernmental organizations to politically motivated unilateral restrictive measures («sanctions»). At the same time, the use of the construction of a legal entity under national law can provide greater efficiency, flexibility and managerial cheapness of the process, especially due to the fact that exceptions from national law can also be provided for them.

At the same time, according to the results of the analysis, the most successful way is to develop a special organizational and legal entity that is mentioned in the draft federal law «On Scientific, Scientific and Technical and Innovative Activities in the Russian Federation» — an international research organization.

Within the framework of the study, the authors examined the approaches being formed in the Russian doctrine and jurisprudence to understanding what a «unique scientific installation of the megascience class» means from the legal point of view of the legal science. The study examined the correlation of this concept with the internationally recognized term «a global research infrastructure,» analyzed the legal nature of the global research infrastructure, its types and distinctive features, on the basis of which recommendations

were developed regarding the draft federal law «On Scientific, Scientific and Technical and Innovative Activities.»

The peculiarity of Megascience is that its task is to obtain fundamentally new knowledge that significantly complements or even changes our ideas about the world around us, significantly and even abruptly advancing humanity in its cognition of reality. The state of modern science is such that this cannot be achieved without international scientific cooperation, collaboration, providing intellectual exchange both in terms of existing experience and the results obtained. Thus, such a characteristic as a breakthrough nature of the results obtained corresponds primarily to the concept of «megascience» as an activity. On the other hand, «mega-tasks» require a special «mega-infrastructure» for their solution, the distinguishing features of which, in turn, are the scale, labor intensity, the need to attract the maximum possible resources — from intellectual to material and financial — for its creation and operation.

Within the framework of international institutions devoting their activities to international scientific cooperation for the creation and use of global research infrastructure facilities (the OECD Global Scientific Forum, established by the G8 in 2008, the Group of Senior Officials on Global Research Infrastructures, the European Strategic Forum on Research Infrastructures functioning within the EU), it is customary to distinguish two types of research infrastructures, including global ones: 1) geographically localized infrastructures (installations) located in one place — single-sited research infrastructures (facilities) and 2) international distributed research infrastructures consisting of installations and other equipment located in different countries, combined into one network for the implementation of specific scientific projects.

Based on the results of the study, the following definition of the global research infrastructure was proposed: physically large, expensive, unique in their technical characteristics equipment complexes designed for conducting long-term scientific research aimed at obtaining new breakthrough knowledge, constructed and operated in the order of international cooperation (collaboration) between states, international organizations and other actors that do not have international legal personality (state agencies, scientific institutes, financing institutions), significantly complementing or changing perceptions of reality. Such an infrastructure can be geographically localized in one place in the form of a large installation, or it can be distributed (be a network of interconnected installations within the framework of the implementation of one centrally managed scientific project).

It seems that the domestic term «unique scientific installation of the «megascience» class (international class)» has the greatest overlap with such a type of global research infrastructure as geographically localized (single-sited) large research infrastructures. In order to bring the legal terminology in the field of «megascience» into line with the global one, it is necessary to consider the possibility of including the concept of «a global research infrastructure» in the draft federal law «On Scientific, Scientific and Technical and Innovative Activities» along with the definition of «an infrastructure of scientific, scientific and technical and innovative activities» (Article 2) the concept of «global research infrastructure» («global infrastructure of scientific, scientific and technical and innovative activities»), and in chapter 8 (Scientific and technological equipment, equipment for collective use) articles concerning two types of global research infrastructure — geographically localized and distributed — should also be included.

ENVIRONMENTAL PROTECTION

A complex nature of scientific and technical cooperation presupposes the interaction of States in a variety of areas, which also include environmental protection. The study substantiates the special role of international scientific and technical cooperation in the field of environmental protection. International scientific and technical cooperation can act as an independent subject of regulation to ensure environmental protection, as one of the areas

of cooperation, or act as a means of the most effective implementation of international obligations. On the one hand, environmental protection facilitates scientific and technological development. On the other hand, it encourages international legal regulation of interaction between the States, since environmental problems in principle cannot be solved without cooperation, and, currently, without active cooperation in the field of science and technology.

Bilateral agreements or memoranda of understanding constitute an important form of international scientific and technical cooperation for the purpose of environmental protection. Within the framework of bilateral agreements, States are more interested in substantive issues of scientific and technical cooperation than in just general directions of cooperation. Unlike the practice of previously concluded agreements that provided exclusively for the development of cooperation in mutually agreed areas (priority areas or specific projects), the newly concluded agreements, taking into account mutual relations between specific States in the field of science and technology, rely on the principle of equitable contributions and benefits, the principle of comparable access to scientific and other programs, *etc.* as principles governing relations in the field of science and technology between the two states.

Memoranda of understanding concerning development of science and technology for environmental protection represent a softer form of establishing and developing bilateral relations. However, they regulate the issues of cooperation in the field of science and technology in relation to solving environmental problems in more detail. These issues can be resolved not only between States that border each other. This specificity must be taken into account also by other States.

Any model of international scientific and technical cooperation needs to determine the means by which it will be implemented or it will function. The key means of scientific and technical cooperation in the field of environmental protection is represented by the provision of technical assistance to facilitate the implementation of environmental agreements that can be considered through the obligation to cooperate or through the principle of common but differentiated responsibility. Transfer of technology to developing countries represents another means that has been developed on the basis of multilateral agreements. One of the most developed is the mechanism of scientific and technical cooperation within the framework of the 1992 Convention on Biodiversity. In order to implement international scientific and technical cooperation in the field of conservation and sustainable use of biodiversity, a mediation mechanism was established. The mediation mechanism includes the official website of the Convention, a network of national mediation and coordination mechanisms and various partner institutions. Its main goal is to implement the Strategic Plan for the Conservation and Sustainable Use of Biodiversity 2011–2020. The results of the study of international scientific and technical cooperation in the field of rational use and protection of freshwater resources show that it is carried out within the framework of international organizations and various bilateral and multilateral commissions and it is a necessary condition for developing an appropriate legal framework for rationalizing the use of freshwater and ensuring sustainable development.

Based on the conducted research, promising areas of cooperation concerning environmental protection based on the development of international scientific and technical cooperation have been identified. They include:

- prevention and management of pollution of various environments, such as air, water, soil, with various substances, including hazardous and solid waste, persistent organic pollutants and other toxic substances;
- development of environmental science, emergency response, environmental threats to human health and ecosystems;
- ecosystem restoration;
- environmental policy and management;
- environmental education and public awareness;
- development, implementation, compliance with and enforcement of environmental law.

Arctic Cooperation serves as a good example of how scientific and technical cooperation in these areas allows States with different interests, having different political stances, to find common solutions. As a priority, the States seek to develop scientific research and technologies to be used in the Arctic. Science and technology development for the Arctic exploration is declared as one of the main directions of the Russian Federation state policy implementation in this region. At the same time, understanding the complexity of conditions in this region and being aware of the interest of joint use (shared use) of the Arctic infrastructure, the States seek to use the potential of international cooperation in the field of science and technology.

The Arctic Council plays an important substantive and organizational role in scientific cooperation in many ways. The initiatives proposed by the Arctic Council in various formats, e.g., the working group on sustainable development, the emergency prevention, preparedness and response program, the Arctic monitoring and assessment program, can be assessed as a search for ways of effective cooperation, but only with the use of scientific potential. These initiatives contributed to the gradual development of the idea of concluding the Agreement Enhancing International Arctic Scientific Cooperation in 2017. The Agreement «contains the legal obligations of the parties relating, first of all, to facilitating the activities of career scientists engaged in research related to the problems of the Arctic». The Agreement is framework in nature, since it provides for the resolution of many important issues on the basis of special agreements and arrangements.

The results of the study allow us to conclude that the most important aspects of determining the legal regime of international scientific cooperation in the Arctic include:

- using the experience of international law regulation of scientific cooperation by means of special agreements;
- using the experience of developing scientific cooperation at the non-governmental level;
- regulating marine scientific research on the basis of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea;
- comparing the experience of regulating scientific research in other regions, albeit significantly different in terms of their legal regimes from the Arctic region;
- recognizing the importance and necessity of developing international scientific cooperation does not mean that problems may not arise in its implementation, for example, due to the access of scientists from different States, given the strategic importance of the regions of the Arctic for the States that exercise their sovereignty in such regions.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: +8 (499) 244-88-88 (доб. 687)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Корректурa: *С. И. Ершова*
Компьютерная верстка: *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

4 / 2021

WWW.RUS-LAW.ONLINE